

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ И ДЕТСТВО

ЭЛЕКТРОННЫЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2026 • Том 7 • № 1

SOCIAL SCIENCES AND CHILDHOOD

ELECTRONIC SCIENTIFIC
AND PRACTICAL JOURNAL

2026 • Vol. 7 • no. 1

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

Десятилетие
детства
The Decade
of Childhood
2018–2027

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ И ДЕТСТВО

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2026 • Том 7 • № 1

SOCIAL SCIENCES AND CHILDHOOD

ELECTRONIC SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

2026 • Vol. 7 • no. 1

Московский государственный психолого-педагогический университет
Moscow State University of Psychology and Education

Социальные науки и детство

Главный редактор

Г.В. Семья, ФГБОУ ВО МГППУ, Россия

Заместители главного редактора:

В.Н. Ослон, ФГБОУ ВО МГППУ, Россия

И.А. Меркуль, ФГБОУ ВО МГППУ, Россия

Председатель редакционного совета:

В.В. Рубцов, ФГБОУ ВО МГППУ, Россия

Члены редакционного совета:

Л.Н. Антонова, Московская областная дума, Россия

В.А. Иванников, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия

В.Л. Кабанов, ФГБНУ «Институт развития, здоровья и адаптации ребенка», Россия

Т.И. Шульга, ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», Россия

Редакционная коллегия

И.А. Бобылева, АНО «Ресурсный центр помощи людям с ментальными нарушениями "Обычное дело"», Россия

И.С. Боруалого, Исламский университет Бандунга, Индонезия

Ж.Ю. Брук, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», Россия

Х.Х. Варела, Университет развития, Чили

В.О. Волчанская, ФГБОУ ВО МГППУ, Россия

Э.Ш. Гарифулина, Благотворительный фонд

«Абсолют-Помощь», Россия

А.В. Личковаха, Аппарат Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, Россия

А.П. Лобанов, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Белоруссия

А.А. Нестерова, ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», Россия

О.А. Овсяник, ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», Россия

А.С. Омельченко, Благотворительный фонд

«Абсолют-Помощь», Россия

Л.А. Пергаменщик, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Белоруссия

Т.Н. Сапожникова, ГБУ Социальный дом «Лосиноостровский», Россия

А.А. Ставцев, ФГБОУ ВО МПГУ, Россия

Х. Тилиуин, Университет Орана 2 Мохаммед Бен Ахмед, Алжир

А.Е. Тарасова, рабочая группа при Координационном совете при Правительстве Российской Федерации по реализации Десятилетия детства, Россия

А.Ю. Телицына, ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ», Россия

А.Ш. Шахманова, ГАОУ ВО МГПУ, Россия

Л.Б. Шнейдер, ФГБОУ ВО МПГУ, Россия

Н.Б. Шумакова, ФНЦ ПМИ, ФГБОУ ВО МГППУ, Россия

Россия

Россия

Россия

Социальные науки и детство

Издательство ФГБОУ ВО МГППУ

Издается с 2020 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 77146.

Дата регистрации: 06.11.2019

Формат: сетевое издание SSCHJ.RU

Все права защищены.

Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2026, № 1

Social Sciences and Childhood

Editor-in-Chief:

G.V. Semya, MSUPE, Russia

Deputy Editors-in-Chief:

V.N. Oslon, MSUPE, Russia

I.A. Merkul, MSUPE, Russia

Chair of the Editorial Council:

V.V. Rubtsov, MSUPE, Russia

The Members of the Editorial Council:

L.N. Antonova, The Moscow Regional Duma, Russia

V.A. Ivannikov, Lomonosov Moscow State University, Russia

V.L. Kabanov, Institute of Child Development, Health and Adaptation, Russia

T.I. Shulga, State University of Education, Russia

The Editorial Board

I.A. Bobyleva, ANO "Resource Center " Ordinary Matter ", Russia

I.S. Borualogo, Universitas Islam Bandung, Indonesia

Zh.Yu. Bruk, Tyumen State University, Russia

J.J. Varela, University of Development, Chile

V.O. Volchanskaia, MSUPE, Russia

E.Sh. Garifulina, "Absolute-Help" Foundation, Russia

A.V. Lichkovakha, Office of the Commissioner for

Children's Rights under the President

of the Russian Federation, Russia

A.P. Lobanov, Institute of Psychology of the Belarusian

State Pedagogical University

named after Maxim Tank, Belarus

A.A. Nesterova, State University of Education, Russia

O.A. Ovsianik, State University of Education, Russia

A.S. Omelchenko, "Absolute-Help" Foundation, Russia

L.A. Pergamentchik, Institute of Psychology of the Belarusian

State Pedagogical University

named after Maxim Tank, Belarus

T.N. Sapozhnikova, SBI "Losinoostrovsky" Social House,

Russia

A.A. Stavtsev, MPGU, Russia

H. Tiliouine, The University of Oran 2 Mohamed

Ben Ahmed, Algeria

A.E. Tarasova, Working Group of Coordination Council

under the Government of the Russian

Federation for the Implementation

of the Decade of Childhood, Russia

A.Yu. Telitsyna, HSE University, Russia

A.Sh. Shakhmanova, MSU, Russia

L.B. Schneider, MPGU, Russia

N.B. Shumakova, Federal Scientific Center for Psychological

and Interdisciplinary Research, MSUPE, Russia

Russia

Russia

Russia

Social Sciences and Childhood

Publisher MSUPE

Frequency: 4 times a year since 2020

The mass medium registration certificate: ЭЛ № ФС 77 – 77146.

From: 06.11.2019

Format: online publication SSCHJ.RU

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all texts

and images are the property of MSUPE and copyrighted.

Using reprints and illustrations is allowed only with the

written permission of the publisher.

MSUPE, 2026, no. 1

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ОТНОШЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ К АФФЕКТИВНОМУ ТАКТИЛЬНОМУ КОНТАКТУ
С РЕБЕНКОМ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А. 5

ДЕТСТВО И ВЗРОСЛЕНИЕ В СИТУАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ УЯЗВИМОСТИ:
ВНЕШНЯЯ СРЕДА И СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ

Гарифулина Э.Ш., Новикова С.Е., Телицына А.Ю. 26

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ДИАГНОСТИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО
ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА: ОЦЕНКА НАДЕЖНОСТИ МОДИФИЦИРОВАННОГО
КОМПЛЕКСА МЕТОДИК

Иванова Е.В. 44

ТЕОРИЯ ПРИВЯЗАННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СЕМЕЙНОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ:
СОВРЕМЕННЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ПОДХОДЫ К РАБОТЕ С ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИМИ И
СУПРУЖЕСКИМИ ДИАДАМИ

Козлов М.Ю. 62

CONTENTS

SOCIAL PSYCHOLOGY

PARENTS' ATTITUDES TOWARD AFFECTIVE TACTILE CONTACT WITH A CHILD WITH
AUTISM SPECTRUM DISORDER

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A. 5

CHILDHOOD AND GROWING UP IN A SITUATION OF SOCIAL VULNERABILITY: THE
EXTERNAL ENVIRONMENT AND SUBJECTIVE ASSESSMENTS

Garifulina E.Sh., Novikova S.E., Telitsyna A.Yu. 26

AGE-RELATED PSYCHOLOGY

DIAGNOSTICS OF EMOTIONAL WELL-BEING OF OLDER PRESCHOOL CHILDREN:
EVALUATION OF THE RELIABILITY OF A MODIFIED SET OF METHODS

Ivanova E.V. 44

ATTACHMENT THEORY IN THE CONTEXT OF FAMILY COUNSELING: CONTEMPORARY
INTERNATIONAL APPROACHES TO WORKING WITH PARENT-CHILD AND MARITAL
DYADS

Kozlov M.Yu. 62

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ |
SOCIAL PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

Отношение родителей к аффективному тактильному контакту с ребенком с расстройством аутистического спектра

Е.И. Николаева¹, Е.А. Дыденкова² ✉

¹ Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, Москва, Российская Федерация

✉ dydenkovaeva@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Тактильное взаимодействие представляет собой важнейший компонент эмоциональной связи между родителем и ребенком, способствуя формированию привязанности и психологического благополучия. В случае воспитания детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) тактильный контакт приобретает особую сложность вследствие сенсорных особенностей данной категории детей. Недостаточная изученность родительских установок в отношении близкого тактильного взаимодействия с детьми с РАС обуславливает необходимость эмпирического анализа данной проблемы. **Цель.** Проанализировать специфику отношения родителей детей с РАС к аффективному тактильному детско-родительскому контакту. **Гипотеза.** Предполагалось, что структура установок родителей к тактильному контакту имеет специфические особенности в группе родителей детей с РАС, выражающиеся в когнитивно-аффективном диссонансе (признание ценности контакта в теории при отрицании его эффективности на практике), тогда как для родителей нейротипичных детей характерна конгруэнтность установок. Также предполагалось, что собственный детский тактильный опыт будет значимым предиктором текущих родительских стратегий для обеих групп. **Методы и материалы.** В исследовании приняли участие 125 родителей (средний возраст — $38,0 \pm 7,5$ лет), включая родителей детей с РАС и родителей детей с нейротипичным развитием. Для сбора данных применялся метод онлайн-опроса с использованием платформы Google Forms, статистические выводы сделаны с помощью факторного анализа. Опросник включал утверждения, направленные на оценку отношения к тактильным практикам в воспитании и ретроспективную оценку тактильного опыта в родительской семье. **Результаты.** Установлено, что представители обеих групп отмечают недостаточность тактильного контакта в

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А. (2026)
Отношение родителей к аффективному
тактильному контакту с ребенком
с расстройством аутистического спектра
Социальные науки и детство, 7(1), 5—25.

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A. (2026)
Parents' attitudes toward affective
tactile contact with a child
with autism spectrum disorder
Social Sciences and Childhood, 7(1), 5—25.

отношениях с собственными родителями в детском возрасте. Респонденты единодушно признают ценность заботливых тактильных взаимодействий в отношении детей с типичным нейроразвитием, однако родители детей с РАС склонны рассматривать подобные практики как малоэффективные применительно к своим детям. Выявлено качественное своеобразие отношения родителей детей с РАС, проявляющееся в разрыве между декларируемой ценностью тактильного контакта и сомнением в его применимости в конкретной ситуации (когнитивно-аффективный диссонанс). Обнаружена распространенная тенденция так называемой «тактильной усталости» — состояния перегрузки тактильными стимулами, вызывающего дискомфорт как при взаимодействии с детьми, так и во взрослых социальных контактах. Данный феномен интерпретируется как проявление родительского выгорания. **Выводы.** Исследование выявило наличие признаков выгорания как у родителей детей с типичным развитием, так и у родителей детей с РАС, несмотря на повышенную ресурсоемкость ухода за ребенком с особыми потребностями. Показано, что опыт воспитания ребенка с РАС формирует уникальный кластер установок, связанный с осторожностью и условностью тактильного контакта, что отражает когнитивно-аффективный диссонанс. Полученные данные указывают на необходимость интеграции в практику психологических служб поддержки программ, ориентированных на восстановление личностных ресурсов родителей, включая работу с тактильными границами и преодоление тактильной перегрузки. Особое внимание следует уделить формированию у родителей детей с РАС осознанных стратегий тактильного взаимодействия, учитывающих сенсорные особенности ребенка и предотвращающих истощение родительских ресурсов.

Ключевые слова: аффективная тактильная стимуляция, С-тактильная система, дети с РАС, родители детей с РАС, родительское выгорание

Финансирование. Исследование выполнено на основе гранта Минобрнауки России «Тактильная дефензивность и способы ее преодоления: влияние тактильных контактов на психоэмоциональное и социальное развитие человека» (мегагрант, соглашение № 075-15-2022-1139 от 04.07.2022).

Благодарности. Авторы благодарны РОО помощи детям с РАС «Контакт» за помощь в поиске родителей детей с РАС.

Для цитирования: Николаева, Е.И., Дыденкова, Е.А. (2026). Отношение родителей к аффективному тактильному контакту с ребенком с расстройством аутистического спектра. *Социальные науки и детство*, 7(1), 5—25. <https://doi.org/10.17759/ssc.2026070101>

Parents' attitudes toward affective tactile contact with a child with autism spectrum disorder

E.I. Nikolaeva¹, E.A. Dydenkova² ✉

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

² Institute of Higher Nervous Activity and Neurophysiology of RAS, Moscow, Russian Federation

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А. (2026)
Отношение родителей к аффективному
тактильному контакту с ребенком
с расстройством аутистического спектра
Социальные науки и детство, 7(1), 5—25.

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A. (2026)
Parents' attitudes toward affective
tactile contact with a child
with autism spectrum disorder
Social Sciences and Childhood, 7(1), 5—25.

✉ dydenkovaeva@gmail.com

Abstract

Context and relevance. Tactile interaction constitutes a crucial component of the emotional bond between parent and child, fostering attachment formation and psychological well-being. In the context of raising children with autism spectrum disorder (ASD), tactile contact acquires particular complexity due to the sensory sensitivities characteristic of this population. The insufficient exploration of parental attitudes toward close tactile interaction with children with ASD necessitates empirical investigation of this issue. **Objective.** To analyze the specifics of the attitude of parents of children with ASD to affective tactile parent-child contact. **Hypothesis.** It was hypothesized that the structure of parents' attitudes toward tactile contact would have specific characteristics in the group of parents of children with ASD, manifesting in cognitive-affective dissonance (recognizing the value of contact in theory while denying its effectiveness in practice), whereas parents of neurotypical children were characterized by congruence of attitudes. It was also hypothesized that tactile experiences in parents' own childhoods would be a significant factor in determining current parenting strategies for both groups. **Methods and materials.** The study involved 125 parents (mean age $38,0 \pm 7,5$ years), including parents of children with ASD and parents of typically developing children. An online survey using the Google Forms platform was used to collect data, and statistical conclusions were made using the factor analysis method. The questionnaire comprised statements designed to assess attitudes toward tactile practices in parenting and retrospective evaluation of tactile experiences within the family of origin. **Results.** Participants from both groups reported insufficient tactile contact in their relationships with their own parents during childhood. Respondents unanimously acknowledged the importance of nurturing tactile interactions with typically developing children; however, parents of children with ASD tended to regard such practices as largely ineffective when applied to their own children. A qualitative distinctiveness in the attitudes of parents of children with ASD has been identified, manifested in a gap between the declared value of tactile contact and doubts about its applicability in a specific situation (cognitive-affective dissonance). A widespread tendency toward so-called "tactile fatigue" — a state of overload with tactile stimuli that causes discomfort both in interactions with children and in adult social interactions — has been identified. This phenomenon is interpreted as a manifestation of parental burnout. **Conclusions.** The study revealed signs of burnout among both parents of typically developing children and parents of children with ASD, despite the substantially greater effort and resources required for caring for a child with special needs. It has been shown that the experience of raising a child with ASD forms a unique cluster of attitudes associated with caution and conventionality of tactile contact, which reflects cognitive-affective dissonance. The findings underscore the necessity of integrating into psychological support services programs aimed at restoring parents' personal resources, including work on tactile boundaries and overcoming tactile overload. Particular attention should be devoted to developing

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А. (2026)
Отношение родителей к аффективному
тактильному контакту с ребенком
с расстройством аутистического спектра
Социальные науки и детство, 7(1), 5—25.

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A. (2026)
Parents' attitudes toward affective
tactile contact with a child
with autism spectrum disorder
Social Sciences and Childhood, 7(1), 5—25.

conscious tactile interaction strategies for parents of children with ASD that account for the child's sensory characteristics and prevent parental resource depletion.

Keywords: affective tactile stimulation, C-tactile system, children with ASD, parents of children with ASD, parental burnout

Funding. This study was supported by a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation titled "Tactile Defensiveness and Ways to Overcome It: The Impact of Tactile Contact on the Psychoemotional and Social Development of the Individual" (mega-grant, Agreement No. 075-15-2022-1139 dated July 4, 2022).

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the "Contact" Public Organization for Assistance to Children with Autism Spectrum Disorder (ASD) for their support in recruiting parents of children with ASD to participate in the study.

For citation: Nikolaeva, E.I., Dydenkova, E.A. (2026). Parents' attitudes toward affective tactile contact with a child with autism spectrum disorder. *Social Sciences and Childhood*, 7(1), 5—25. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/ssc.2026070101>

Введение

Научное описание взаимодействия детей и родителей имеет давнюю историю и порой радикальную смену представлений о том, какими эти отношения должны быть (Halley, 2007). Современные данные свидетельствуют о критической значимости аффективного тактильного взаимодействия между взрослым и ребенком для его здоровья и будущего благополучия (La Rosa et al., 2024; Yang et al., 2026). Одним из таких важных источников стало исследование Х.М. Скилс (Skeels, 1966), длившееся более 40 лет. В 20-х годах прошлого века этот исследователь работал в сиротском пансионате штата Айова, где размещались дети с задержкой интеллектуального развития. С точки зрения того времени это было образцовое заведение улучшенного типа. Из числившихся там 25 младенцев, оставшихся без опеки родителей по разным причинам, Х.М. Скилс забрал 13 детей и передал их в соседний пансионат для женщин с интеллектуальными нарушениями. Он полагал, что эти дети, возможно, не получив необходимого интеллектуального развития, хотя бы получают ласку. Это вызвало скандал, поскольку считалось, что эти женщины не смогут создать условий для когнитивного развития детей. Однако весьма скоро дети стали радикально меняться: они начали говорить, осуществлять необходимые для своей возрастной группы действия, а интеллект их достиг нормы. Позднее эти дети были переданы в приемные семьи. Через 40 лет выяснилось, что 4 из 13 детей получили высшее образование, многие сформировали семьи, но главное — все стали самостоятельными членами общества. В отличие от оставшихся в пансионате 12 детей, у которых сохранились нарушения в интеллектуальном развитии и которые продолжали жить на попечении государства. Эти данные и многочисленные более поздние результаты свидетельствуют о том, что нежные прикосновения и ласки взрослых по отношению к ребенку являются мощнейшим двигателем как личностного, так и когнитивного развития ребенка, а также создают условия защиты от стрессоров (Tanaka, 2025).

Осязание — одно из первых чувств, наряду с вестибулярными ощущениями (Roebbers, 2017), развивающихся уже в первом триместре (Ferrè, Haggard, 2020). Оно дает информацию о физических характеристиках прикосновения, обеспечивая возможности для эффективного

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А. (2026)
Отношение родителей к аффективному
тактильному контакту с ребенком
с расстройством аутистического спектра
Социальные науки и детство, 7(1), 5—25.

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A. (2026)
Parents' attitudes toward affective
tactile contact with a child
with autism spectrum disorder
Social Sciences and Childhood, 7(1), 5—25.

тактильного исследования мира в реальном времени, позволяя быстро распознавать объекты и реагировать на внешние стимулы (Ackerley et al., 2012; Ackerley et al., 2014). Эта система осязания, обеспечиваемая быстропроводящими миелинизированными афферентами Аβ, является важным эволюционным механизмом, но она мало связана с аффективным опытом прикосновения.

Так, недавние исследования показали наличие в системе осязания дополнительных рецепторов, которые играют важнейшую роль в переживании тех тактильных ощущений, которые лежат в основе эмоционального социального взаимодействия и являются частью нейробиологического механизма привязанности у млекопитающих. Восприятие такого эмоционально переживаемого прикосновения регулируется отдельной системой кожной механорецепции, иннервируемой медленно проводящими волокнами типа «С» (Gordon et al., 2013; McGlone et al., 2007). Хотя большинство функциональных аспектов прикосновения хорошо изучены, аффективные аспекты тактильного взаимодействия у млекопитающих были описаны в литературе лишь достаточно недавно (Guest et al., 2009; Lovero et al., 2009; Olausson et al., 2002).

Эта система, названная С-тактильной системой (СТ) в соответствии с типом афферентов, обеспечивающих ее функционирование, имеет несколько специфических особенностей:

1) она встречается исключительно на волосистых участках кожи (особенно на спине, где обнаружена максимальная концентрация этих рецепторов), а не на голой коже (например, на ладонях) (McGlone et al., 2012);

2) она передает информацию о прикосновениях, осуществляемых со скоростью около 3 см/сек, что отличает ее от более медленных и более быстрых движений, информация о которых передается по другим путям (Löken et al., 2009). Например, именно динамическое прикосновение (поглаживание), но не статическое, способствует физиологической стабилизации (то есть снижению частоты сердечных сокращений и повышению уровня оксигенации крови) у недоношенных младенцев (Manzotti et al., 2019);

3) она реагирует на умеренное по силе прикосновение, которое соответствует медленному поглаживающему движению (Olausson et al., 2010). Более легкая стимуляция будет вызывать ощущение кнсмесиса (щекотки), тогда как более сильная — активировать рецепторы проприоцепции (мышечные ощущения);

4) активность рецепторов максимальна при температуре около 32—34°C, что соответствует контакту «кожа к коже» у человека (Ackerley et al., 2014).

Объединяя всю эту информацию, можно сказать, что единственной функцией системы СТ-афферентов является медленное проведение информации об аффективном прикосновении (McGlone et al., 2007), которое, как сейчас считается, несет тактильную стимуляцию с гедонистическим или эмоциональным компонентом (Pawling et al., 2017). Доказательством этого также может быть и то, что активация медленными прикосновениями СТ-системы коррелирует со значимым увеличением продукции гормона окситоцина (Yu et al., 2022; Griesser et al., 2025), ответственного за подкрепление положительного отношения к другому. СТ-волокно проецируется на островковую кору полушарий головного мозга (McGlone et al., 2014), которая обеспечивает интеграцию сенсорной и эмоциональной информации (Gogolla, 2017), отвечает за самосознание, интроспекцию (Durán, Isaac, 2026) и способствует формированию образа Я (Peciccia et al., 2025).

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А. (2026)
Отношение родителей к аффективному
тактильному контакту с ребенком
с расстройством аутистического спектра
Социальные науки и детство, 7(1), 5—25.

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A. (2026)
Parents' attitudes toward affective
tactile contact with a child
with autism spectrum disorder
Social Sciences and Childhood, 7(1), 5—25.

Дальнейшее понимание функциональных свойств СТ-афферентов связано с их ролью в регуляции стресса (Parantoniou et al., 2026). Аффективное прикосновение снижает уровень кортизола в слюне не только на животных моделях (Walker et al., 2022), но и у детей с опытом институционализации (Nikolaeva et al., 2024). Важно отметить, что СТ-система активна уже при рождении, в отличие от быстропроводящей системы осязания, которая в это время еще в значительной степени незрелая (Croy, Fairhurst, McGlone, 2022). Более того, при тактильной стимуляции, как и при зрительной или слуховой, младенец проявляет избирательность, предпочитая прикосновение матери, а не кого-либо другого (Aguirre et al., 2019). В свою очередь, матери без каких-либо инструкций интуитивно глядят своих младенцев способом, наиболее оптимальным для активации СТ-системы (Van Puyvelde et al., 2019).

Таким образом, здоровые младенцы, несмотря на полную физиологическую незрелость, удивительно социальны и эволюционно готовы к принятию и реагированию на социальный контакт, повышая свои шансы на выживание и здоровое развитие (Bowlby, 1952). Все это дает основания считать, что аффективное прикосновение является физиологическим аналогом психологического описания привязанности (McGlone, Rankin, 2025).

С этой точки зрения крайне важными были исследования реального применения родителями заботливых прикосновений на ранних этапах онтогенеза. Методом наблюдения было выяснено, что в возрасте 5 недель время контакта «кожа к коже» в течение дня составляет в среднем 9 часов 7 минут (N = 1055 диад «мать-дитя»). Однако наблюдается значительный разброс в зависимости от желания матери, который составлял от 3 до 23 часов в день (Moore, 2017). Оценивая частоту материнских прикосновений, можно предсказать положительную социальную ориентацию младенцев в возрасте 4—6 лет (Della Longa et al., 2021; Reece et al., 2016; Provenzi et al., 2020), способность к саморегуляции и преодолению стресса во взрослом состоянии (Meaney, Szyf, 2005; Suomi, 2011), а также более высокий уровень исполнительных функций (Farroni et al., 2022). Тогда как материнская депривация в раннем возрасте, напротив, снижает эффективность тормозного контроля и рабочей памяти даже в подростковом периоде (Dydenkova et al., 2024).

Аффективное тактильное взаимодействие, типичное и необходимое для нормально развивающихся младенцев, не всегда присутствует у некоторых детей, что затрудняет их общение со взрослыми и связано с атипичной траекторией нейроразвития. Например, у детей с расстройствами аутистического спектра, которые часто испытывают трудности в физических социальных контактах (Scheele et al., 2014), вплоть до отказа от заботливого прикосновения (Memari et al., 2015), наблюдаемого уже в постнатальном периоде (Mammen et al., 2015), при этом принимая более сильное прикосновение, которое может граничить с болью (Moore, 2015). В недавнем исследовании тактильная реактивность или нетипичные реакции на аффективную тактильную стимуляцию рассматриваются как важные индикаторы диагностики РАС у детей на раннем этапе развития (Kadlaskar et al., 2025).

Несмотря на возможность формирования надежной привязанности в отношениях с детьми с РАС (Teague et al., 2017), слабая несинхронная обратная связь от младенца в ответ на объятия или улыбку может демотивировать инстинктивное-интуитивное поведение родителей (Apicella et al., 2013; Dawson et al., 1990), что неизбежно негативно сказывается на качестве любых последующих измерений привязанности, таких как представления Боулби о привязанности. Подобная нетипичная реакция на аффективную тактильную стимуляцию может сохраняться на протяжении всей жизни, например, сниженный положительный

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А. (2026)
Отношение родителей к аффективному
тактильному контакту с ребенком
с расстройством аутистического спектра
Социальные науки и детство, 7(1), 5—25.

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A. (2026)
Parents' attitudes toward affective
tactile contact with a child
with autism spectrum disorder
Social Sciences and Childhood, 7(1), 5—25.

эмоциональный ответ (Voos, Pelphrey, Kaiser, 2013) или слабая активация соответствующих областей мозга во взрослом состоянии (Kaiser et al., 2016). Учитывая критическую роль СТ-системы для формирования надежных стилей привязанности в детско-родительских и в других близких отношениях, типичного развития нейрональных сетей, ответственных за «социальный мозг», и, наконец, обеспечения общего психического благополучия, проблема дефицита аффективной тактильной стимуляции на ранних этапах онтогенеза приобретает особую значимость.

Хотя результаты множества исследований задокументировали особенности тактильного контакта в диаде «мать-ребенок с РАС», все еще недостаточно изучено отношение этих родителей к качеству аффективного тактильного взаимодействия с детьми. В этой связи целью данного исследования стал анализ специфики отношения родителей детей с РАС к аффективному тактильному взаимодействию. Мы предположили, что структура установок родителей к тактильному контакту будет иметь специфические особенности в группе родителей детей с РАС, выражающиеся в когнитивно-аффективном диссонансе (признание ценности контакта в теории при отрицании его эффективности на практике), тогда как для родителей нейротипичных детей характерна конгруэнтность установок. При этом собственный детский тактильный опыт будет значимым предиктором текущих родительских стратегий для обеих групп.

Материалы и методы

Выборка. В опросе приняли участие 125 родителей (возраст — $38,0 \pm 7,5$ лет, из них 120 респондентов женского пола) из Москвы, Санкт-Петербурга и других регионов Российской Федерации. В целевую группу вошли матери детей с подтвержденным диагнозом расстройства аутистического спектра (РАС) ($n = 31$, возраст детей — $7,8 \pm 3,2$). Критерием включения в контрольную группу являлось отсутствие не только РАС, но любого диагноза, связанного с нарушением развития нервной системы. Таким образом, контрольную группу составили родители детей с нейротипичным развитием ($n = 94$, возраст детей — $8,3 \pm 4,5$). Рекрутинг родителей детей с РАС осуществлялся при содействии общественной организации РОО помощи детям с РАС «Контакт». Родители в контрольную группу привлекались через социальные сети и образовательные учреждения.

Инструменты и процедура исследования. Опрос проходил в онлайн-формате с использованием Google Forms в анонимном порядке. Для прохождения опроса достаточно было перейти по открытой ссылке. Хотя участие в опросе добровольное и ни к чему не обязывающее, большинство респондентов оставили свою электронную почту для возможности обратной связи. Опросник состоит из следующих частей:

- информационное согласие на участие в исследовании (включая контакт представителя исследовательской группы);
- социально-демографическая информация о родителе и ребенке;
- общие утверждения, касающиеся опыта тактильного контакта с ребенком;
- утверждения о тактильном опыте, полученном в собственном детстве;
- особенности тактильного взаимодействия с ребенком с РАС.

Заполнение опросника занимает около 20 минут. Сбор данных был осуществлен в период с мая по октябрь 2023 года.

Методы. Опросник включает целевые утверждения, формулировка которых была утверждена в рамках триангуляционной стратегии. Для обеспечения многообразия контекстов тактильного взаимодействия в диаде «родитель-ребенок», естественности высказываний и точности их интерпретации, а также учета особенностей физического контакта с ребенком с РАС были привлечены эксперты из трех разных областей. Так, фокус-группу составили эксперты в области аффективного прикосновения (научные сотрудники лаборатории исследований тактильной коммуникации Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина), эксперты, специализирующиеся на помощи семьям с детьми с РАС, и эксперты — носители родительского опыта. В результате работы фокус-группы в опросник включено 52 утверждения, требующих оценки по шкале Лайкерта от 1 до 5, где 5 баллов — совершенно согласен, а 1 балл — совершенно не согласен. Родителям предлагалось оценить высказывания, опираясь на собственный опыт воспитания ребенка.

Первичная обработка результатов происходила с использованием таблицы Excel, для проведения статистических выводов был применен пакет jamovi 2.7.18. Для анализа данных был использован эксплораторный факторный анализ (метод главных компонент; вращение Varimax с нормализацией Кайзера; вращение сошло за 9 итераций). Выбор факторного анализа обусловлен целью изучения глубинной структуры родительских установок, а не только поверхностных различий в средних оценках. Включение переменной «наличие ребенка с РАС» в качестве одного из индикаторов в матрицу данных позволяет оценить, как этот статус соотносится с другими утверждениями опросника.

Результаты

Сначала был проведен эксплораторный факторный анализ ответов родителей двух групп и получено 7-факторное решение (см. таблицу) при мере адекватности выборки Кайзера-Мейера-Олкина, равной 0,664 ($p < 0,001$), что позволило принять это решение к анализу. Процент объясненной дисперсии составил 69,2%. При реализации данного решения из факторного анализа ряд утверждений были исключены, поскольку они получили вес меньше 0,5 или входили в фактор без взаимодействия с другими утверждениями. Полная матрица компонентов с весами представлена в Приложении.

Таблица / Table

КМО и критерий Бартлетта KMO and Bartlett's test

Мера адекватности выборки Кайзера — Майера — Олкина (КМО) / Kaiser — Meyer — Olkin Measure of Sampling Adequacy (КМО)		0,664
Критерий сферичности Бартлетта / Bartlett's Test of Sphericity	Примерная Хи-квадрат / Approximate Chi-Square	795,641
	ст. св. / df	210
	Значимость / Significance	$p < 0,001$

Первый фактор (19,8% объясненной дисперсии) включает утверждения с 1 по 7 о значимости тактильного контакта с ребенком (например, «Объятия и прикосновения близких — хороший способ помочь ребенку успокоиться», «Нежные прикосновения и объятия родителей помогают ребенку расти спокойным, менее тревожным», «Объятия и ласка

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А. (2026)
Отношение родителей к аффективному
тактильному контакту с ребенком
с расстройством аутистического спектра
Социальные науки и детство, 7(1), 5—25.

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A. (2026)
Parents' attitudes toward affective
tactile contact with a child
with autism spectrum disorder
Social Sciences and Childhood, 7(1), 5—25.

помогают укреплять привязанность ребенка к родителям, способствуют улучшению отношений» и т. д.). Положительные веса свидетельствуют о том, что с общими утверждениями согласны все родители.

Второй фактор (10,2% объясненной дисперсии) включает два осторожных утверждения (8 и 9 Приложения) относительно возможности использовать тактильный контакт с таким ребенком. Кроме того, важно отметить, что переменная «наличие ребенка с РАС» также вошла в состав второго фактора с высоким весом (0,537). Это указывает на то, что специфический опыт воспитания ребенка с особенностями развития организуется в сознании родителей в отдельный смысловой блок.

Третий фактор (9,0%) включает три утверждения (11-13), описывающих детство отвечающих родителей: «В детстве родные меня редко обнимали и гладили» (с положительным знаком); «В детстве мне очень нравилось обниматься с родителями» (с отрицательным знаком); «В детстве мне часто не нравилось, когда меня обнимают или целуют» (с положительным знаком).

Четвертый фактор (8,3% объясненной дисперсии) включает два утверждения (14-15) с положительным знаком: «Некоторым детям прикосновения вообще не нужны, потому что они их раздражают» и «Прикосновения и физический контакт с детьми не играют почти никакой роли, лучше уделять внимание более важным аспектам развития».

Пятый фактор (7,9%) включает обобщающее утверждение в отношении детей с РАС (16): «Есть дети, которые не любят, когда к ним прикасаются (например, при РАС)» и утверждение, связанное с собственным опытом тактильного взаимодействия (17): «С моим ребенком сложно установить тактильный контакт».

Шестой фактор (7,3% объясненной дисперсии) описывает еще более общие суждения (18-20) уже обо всех детях: «Не стоит слишком часто обнимать и брать на руки ребенка, от этого он может вырасти несамостоятельным или слишком привязанным к матери», «Роль прикосновений и тактильного контакта для детско-родительских отношений слишком переоценивают» и «Есть дети, которым объятия и прикосновения совсем не нужны».

Наконец, последний фактор (6,5%) включает только одно утверждение (21), но с очень большим весом (0,840): «У меня иногда возникает (или возникала раньше) “тактильная усталость” — ощущение перегруженности прикосновениями, и мне были неприятны прикосновения других людей и ребенка».

Обсуждение результатов

В работе исследуется специфика отношения родителей детей с РАС к аффективному тактильному взаимодействию с ребенком. Проведенный эксплораторный факторный анализ на объединенной выборке позволил выявить латентную структуру установок. Первый, самый значимый фактор объединяет общие утверждения, касающиеся тактильного общения с ребенком. Положительные и большие веса ($> 0,500$) указывают на выраженное позитивное отношение к тактильному взаимодействию. Ключевым результатом стало то, что маркер принадлежности к группе родителей детей с РАС (наличие диагноза) загрузился в отдельный второй фактор вместе со специфическими утверждениями об осторожности контакта. Это свидетельствует о том, что опыт воспитания ребенка с РАС формирует уникальный кластер установок, отличный от общих позитивных представлений о тактильности (фактор 1). Таким

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А. (2026)
Отношение родителей к аффективному
тактильному контакту с ребенком
с расстройством аутистического спектра
Социальные науки и детство, 7(1), 5—25.

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A. (2026)
Parents' attitudes toward affective
tactile contact with a child
with autism spectrum disorder
Social Sciences and Childhood, 7(1), 5—25.

образом, специфика отношения к аффективному тактильному взаимодействию с ребенком проявляется не в уровне согласия, а в самой структуре восприятия: для родителей детей с РАС вопрос тактильности связан с риском и осторожностью, а не только с теплотой.

Третий фактор включает утверждения, касающиеся собственного детского опыта в контексте тактильной ласки, и отражает наличие негативных переживаний у опрошенных родителей. Ранее было показано, что опыт аффективного тактильного переживания в детстве связан с социальным тактильным опытом и стилями привязанности во взрослом возрасте (Beltrán et al., 2020). Например, негативные воспоминания о тактильных ощущениях прогнозируют тактильную социальную депривацию в будущем.

Четвертый фактор отражает распространенные суждения о субъективном отношении ребенка с РАС к прикосновениям. Возможно, это объясняется тем, что наличие диагноза РАС надежно связано с более низкими оценками приятности социальных тактильных контактов (Fukuoka et al., 2025), а паттерн избегания аффективной стимуляции начинает проявляться еще в раннем возрасте. Сталкиваясь с нетипичной реакцией детей с РАС на типичную для человеческого вида регуляцию в виде заботливого прикосновения, родители оказываются в сложной ситуации. Можно предположить, что этот фактор описывает практические выводы, сделанные на основе опыта тактильного взаимодействия с детьми с РАС. Отсутствие взаимности и ободряющего эмоционального ответа от ребенка может приводить к разочарованию в значимости тактильного обмена (Apicella et al., 2013; Dawson et al., 1990). Именно здесь открывается когнитивно-аффективный диссонанс, переживаемый родителями детей с РАС. Соглашаясь с другими родителями о значимости заботливых прикосновений к ребенку в теории, на практике они склонны сомневаться в ценности прикосновений и физического контакта, предпочитая уделять внимание более важным аспектам развития.

Пятый фактор, как и четвертый, описывает специфическое отношение родителей детей с РАС к тактильному взаимодействию с ребенком, основанное на фактическом опыте. Латентная переменная выражается сомнением в необходимости аффективной физической стимуляции детям с особенностями нейроразвития. Шестой фактор описывает опыт тех родителей, кто столкнулся с неудачей в создании социальных отношений через прикосновения. Этот неудачный опыт выражается категоричным отрицанием важности тактильного взаимодействия и даже подчеркиванием ненужности этого компонента в стратегии воспитания. Можно предположить связь между третьим и шестым фактором, где тактильный опыт собственного детства будет определять особенности родительских стратегий воспитания. Хотя в данных текущего исследования предполагаемая связь не обнаружена, она остается предметом будущих исследований, поскольку эти данные могут стать основой для разработки системы поддержки/профилактики в развитии надежных стилей привязанности.

Седьмой фактор включает единственное утверждение, касающееся «тактильной усталости» от взаимодействия с ребенком. Самый большой вес в факторе свидетельствует о том, что с этим согласны подавляющее большинство респондентов. Этот результат предполагает наличие родительского выгорания у современных родителей. Ранее нами было показано, что многие родители дают ребенку дошкольного возраста гаджет «для того, чтобы отдохнуть от него». И это касалось родителей нормативно развивающихся детей (Николаева, Исаченкова, 2022). Стоит подчеркнуть, что в настоящем исследовании участие приняли респонденты, у которых детство пришлось на 90-е годы, когда родители часто должны были выживать и много работать, чтобы прокормить семью. Особенность этих родителей многократно

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А. (2026)
Отношение родителей к аффективному
тактильному контакту с ребенком
с расстройством аутистического спектра
Социальные науки и детство, 7(1), 5—25.

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A. (2026)
Parents' attitudes toward affective
tactile contact with a child
with autism spectrum disorder
Social Sciences and Childhood, 7(1), 5—25.

подчеркивается, в том числе в феномене «родительское выгорание», которое сейчас активно фиксируется у большого числа мам (Мелех, 2021; Brianda et al., 2020), вне зависимости от статуса их детей (Калинина, 2021; Никитская, Дорошенко, 2021; Mikolajczak, Roskam, 2018). Все это расширяет модель родительского выгорания (Mikolajczak, Roskam, 2018), включая в нее тактильный компонент как ресурс/источник истощения. Специфику связи «тактильной усталости» современных родителей с дефицитом аффективной тактильной стимуляции в собственном детстве предстоит изучить, как и оценить возможную эпигенетическую связь с атипичным отношением детей с РАС к заботливому прикосновению.

Заключение

Аффективный тактильный опыт, полученный в раннем детстве, имеет решающее значение для физического и психоэмоционального благополучия человека на протяжении всей жизни. Будучи невидимым, но фундаментальным компонентом здорового развития, этот опыт играет ключевую роль в развитии нейронных сетей, называемых «социальным мозгом». Исследование предикторов потенциальной тактильной депривации в раннем детстве приобретает критическую значимость. Цель данного исследования — анализ особенностей отношения родителей детей с РАС к аффективному тактильному взаимодействию — достигнута.

Выявлено качественное своеобразие отношения родителей детей с РАС, проявляющееся в разрыве между декларируемой ценностью тактильного контакта и скептическим отношением к его применимости в конкретной ситуации. Хотя общее отношение респондентов к детско-родительскому тактильному взаимодействию положительное (фактор 1, объясняющий 19,8% дисперсии), родители детей с РАС склонны к проявлению когнитивно-аффективного диссонанса: сохраняя и поддерживая общую ценность тактильности, они сомневаются в ее эффективности применительно к своему ребенку (фактор 2, объясняющий 10,2% дисперсии, и фактор 4, объясняющий 8,3% дисперсии).

Кроме того, обнаружено наличие негативного тактильного опыта в собственном детстве опрошиваемых родителей (фактор 3, объясняющий 9,0% дисперсии), что может оказывать влияние на отношение к социальным тактильным контактам в текущем возрасте.

И наконец, у большинства респондентов обнаружена «тактильная усталость» (фактор 7 с весом 0,840), что коррелирует с феноменом родительского выгорания.

Хотя система тактильного контакта в контексте взаимоотношений матери и ребенка воплощает инстинктивную и интуитивную форму поведения, трансформация этого инстинкта в знание может открыть новые возможности для преодоления трудностей, с которыми сталкиваются современные матери. Полученные данные создают основу для разработки программ профилактики родительского выгорания через обучение адаптированным формам тактильного взаимодействия. Перспективным направлением является лонгитюдное исследование связи тактильных практик родителей с уровнем стресса и качеством привязанности у детей с РАС.

Ограничения. Значимым ограничением данного исследования является малый размер выборки родителей с детьми, у которых диагностировано расстройство аутистического спектра. Кроме того, возраст детей всех опрошенных родителей также достаточно вариативен, что может влиять на оценку суждений, особенно для ретроспективного опыта. Другим важным

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А. (2026)
Отношение родителей к аффективному
тактильному контакту с ребенком
с расстройством аутистического спектра
Социальные науки и детство, 7(1), 5—25.

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A. (2026)
Parents' attitudes toward affective
tactile contact with a child
with autism spectrum disorder
Social Sciences and Childhood, 7(1), 5—25.

ограничением является отсутствие информации об уровне интеллекта у детей с РАС и глубине аутистических проявлений.

Limitations. A significant limitation of this study is the small sample size of parents with children diagnosed with autism spectrum disorder. In addition, the ages of the children of all the parents surveyed also varied quite significantly, which may influence the assessment of judgments, especially for retrospective experience. Another important limitation is the lack of information on the intelligence level of children with ASD and the severity of autistic manifestations.

Список источников / References

1. Калинина, Н.В. (2021). Ценность счастливой семейной жизни и родительские установки приемных родителей. В: *Психологические проблемы смысла жизни и акме: Электронный сборник материалов XXVI Международного симпозиума (Москва, 13–14 апреля 2021 года)* (с. 244—248). М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО». URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46120301> (дата обращения: 04.02.2026).
Kalinina, N.V. (2021). The value of happy family life and the parental institution of foster parents. In: *Psychological problems of the meaning of life and Acme: Electronic collection of materials of the XXIV International Symposium (Moscow, April 13–14, 2021)* (pp. 244—248). Moscow: FGBNU “Psychological Institute RAO” Publ. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46120301> (viewed: 04.02.2026).
2. Мелех, Т. (2021). Родительское выгорание при позднем родительстве в отечественных и зарубежных исследованиях. *Психология человека и общества*, 11(40), 14—18. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47403800> (дата обращения: 04.02.2026).
Melekh, T. (2021). Parental burnout in late parenthood in Russian and foreign research. *Psychology of the Individual and Society*, 11(40), 14—18. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47403800> (viewed: 05.02.2026).
3. Никитская, Е.А., Дорошенко, О.М. (2021). Теоретические основы исследования феномена эмоционального выгорания у женщин-матерей. *Вестник Московского университета МВД России*, 3, 344—348. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-3-344-348>
Nikitskaya, E.A., Doroshenko, O.M. (2021). Theoretical foundations of the study of the phenomenon of emotional burnout in women-mothers. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3, 344—348. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-3-344-348>
4. Николаева, Е.И., Исаченкова, М.Л. (2022). Особенности использования гаджетов детьми до четырех лет по данным их родителей. *Комплексные исследования детства*, 4(1), 32—53. <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2022-4-1-32-53>
Nikolaeva, E.I., Isachenkova, M.L. (2022). The use of gadgets by children under four years old: evidence from parents. *Comprehensive Child Studies*, 4(1), 32—53. (In Russ.). <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2022-4-1-32-53>
5. Ackerley, R., Olausson, H., Wessberg, J., McGlone, F. (2012). Wetness perception across body sites. *Neuroscience Letters*, 522(1), 73—77. <https://doi.org/10.1016/j.neulet.2012.06.020>
6. Ackerley, R., Wasling, H.B., Liljencrantz, J., Olausson, H., Johnson, R.D., Wessberg, J. (2014). Human C-tactile afferents are tuned to the temperature of a skin-stroking caress. *Journal of Neuroscience*, 34(8), 2879—2883. <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.2847-13.2014>

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А. (2026)
Отношение родителей к аффективному
тактильному контакту с ребенком
с расстройством аутистического спектра
Социальные науки и детство, 7(1), 5—25.

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A. (2026)
Parents' attitudes toward affective
tactile contact with a child
with autism spectrum disorder
Social Sciences and Childhood, 7(1), 5—25.

7. Aguirre, M., Couderc, A., Epinat-Duclos, J., Mascaro, O. (2019). Infants discriminate the source of social touch at stroking speeds eliciting maximal firing rates in CT-fibers. *Developmental Cognitive Neuroscience*, 36, Article 100639. <https://doi.org/10.1016/j.dcn.2019.100639>
8. Apicella, F., Chericoni, N., Costanzo, V., Baldini, S., Billeci, L., Cohen, D., Muratori, F. (2013). Reciprocity in interaction: a window on the first year of life in autism. *Autism Research and Treatment*, 1, Article 705895. <https://doi.org/10.1155/2013/705895>
9. Beltrán, M.I., Dijkerman, H.C., Keizer, A. (2020). Affective touch experiences across the lifespan: Development of the Tactile Biography questionnaire and the mediating role of attachment style. *PloS ONE*, 15(10), Article e0241041. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0241041>
10. Bowlby, J. (1952). *Maternal care and mental health*. Geneva: World Health Organization. <https://doi.org/10.1097/00001888-195107000-00034>
11. Brianda, M.E., Roskam, I., Gross, J.J., Franssen, A., Kapala, F., Gérard, F., Mikolajczak, M. (2020). Treating parental burnout: Impact of two treatment modalities on burnout symptoms, emotions, hair cortisol, and parental neglect and violence. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 89(5), 330—332. <https://doi.org/10.1159/000506354>
12. Croy, I., Fairhurst, M.T., McGlone, F. (2022). The role of C-tactile nerve fibers in human social development. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 43, 20—26. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2021.06.010>
13. Dawson, G., Hill, D., Spencer, A., Galpert, L., Watson, L. (1990). Affective exchanges between young autistic children and their mothers. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 18(3), 335—345. <https://doi.org/10.1007/bf00916569>
14. Della Longa, L., Carnevali, L., Patron, E., Dragovic, D., Farroni, T. (2021). Psychophysiological and visual behavioral responses to faces associated with affective and non-affective touch in four-month-old infants. *Neuroscience*, 464, 67—78. <https://doi.org/10.1016/j.neuroscience.2020.07.053>
15. Dydenkova, E., McGlone, F., Mayorova, L., Nikolaeva, E. (2024). The impact of early life experiences on inhibitory control and working memory. *Frontiers in Psychology*, 15, Article 1484424. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1484424>
16. Durán, P.S., Isaac, V. (2026). Development of interoception: the critical role of maternal affective touch in early attachment. *Frontiers in Neuroscience*, 20, Article 1748486. <https://doi.org/10.3389/fnins.2026.1748486>
17. Farroni, T., Della Longa, L., Valori, I. (2022). The self-regulatory affective touch: a speculative framework for the development of executive functioning. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 43, 167—173. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2021.10.007>
18. Ferrè, E.R., Haggard, P. (2020). Vestibular cognition: State-of-the-art and future directions. *Cognitive Neuropsychology*, 37(7—8), 413—420. <https://doi.org/10.1080/02643294.2020.1736018>
19. Fukuoka, A., Kitada, R., Makita, K., Makino, T., Sakakihara, N., Nummenmaa, L., Kosaka, H. (2025). Reduced relationship-specific social touching and atypical association with emotional bonding in autistic adults. *Molecular Autism*, 16, Article 31. <https://doi.org/10.1186/s13229-025-00666-0>

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А. (2026)
Отношение родителей к аффективному
тактильному контакту с ребенком
с расстройством аутистического спектра
Социальные науки и детство, 7(1), 5—25.

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A. (2026)
Parents' attitudes toward affective
tactile contact with a child
with autism spectrum disorder
Social Sciences and Childhood, 7(1), 5—25.

20. Gordon, I., Voos, A.C., Bennett, R.H., Bolling, D.Z., Pelphrey, K.A., Kaiser, M.D. (2013). Brain mechanisms for processing affective touch. *Human Brain Mapping*, 34(4), 914—922. <https://doi.org/10.1002/hbm.21480>
21. Gogolla, N. (2017). The insular cortex. *Current Biology*, 27(12), R580—R586. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2017.05.010>
22. Griesser, M., Bennett, N.C., Burkart, J.M., Hart, D.W., Uomini, N., Warrington, M.H. (2025). The power of caring touch: from survival to prosocial cooperation. *Trends in Ecology & Evolution*, 40(4), 346—355. <https://doi.org/10.1016/j.tree.2024.11.017>
23. Guest, S., Essick, G., Dessirier, J.M., Blot, K., Lopetcharat, K., McGlone, F. (2009). Sensory and affective judgments of skin during inter- and intrapersonal touch. *Acta Psychologica*, 130(2), 115—126. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2008.10.007>
24. Halley, J. (2007). *Boundaries of touch: Parenting and adult-child intimacy*. University of Illinois Press.
25. Kadlaskar, G., McNally Keehn, R., Rozniarek, R., Fujii, N.P., Keehn, B. (2025). Tactile hypo-responsivity in autism: Examining potential for diagnostic relevance. *JCPP Advances*, Article e70039. <https://doi.org/10.1002/jcv2.70039>
26. Kaiser, M.D., Yang, D.Y.J., Voos, A.C., Bennett, R.H., Gordon, I., Pretzsch, C., Pelphrey, K.A. (2016). Brain mechanisms for processing affective (and nonaffective) touch are atypical in autism. *Cerebral Cortex*, 26(6), 2705—2714. <https://doi.org/10.1093/cercor/bhv125>
27. La Rosa, V.L., Geraci, A., Iacono, A., Commodari, E. (2024). Affective touch in preterm infant development: neurobiological mechanisms and implications for child-caregiver attachment and neonatal care. *Children*, 11(11), Article 1407. <https://doi.org/10.3390/children11111407>
28. Löken, L.S., Wessberg, J., Morrison, I., McGlone, F., Olausson, H. (2009). Coding of pleasant touch by unmyelinated afferents in humans. *Nature Neuroscience*, 12(5), 547—548. <https://doi.org/10.1038/nn.2312>
29. Lovero, K.L., Simmons, A.N., Aron, J.L., Paulus, M.P. (2009). Anterior insular cortex anticipates impending stimulus significance. *NeuroImage*, 45(3), 976—983. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2008.12.070>
30. Mammen, M.A., Moore, G.A., Scaramella, L.V., Reiss, D., Ganiban, J.M., Shaw, D.S., Leve, L.D., Neiderhiser, J.M. (2015). Infant avoidance during a tactile task predicts autism spectrum behaviors in toddlerhood. *Infant Mental Health Journal: Infancy and Early Childhood*, 36(6), 575—587. <https://doi.org/10.1002/imhj.21539>
31. Manzotti, A., Cerritelli, F., Esteves, J.E., Lista, G., Lombardi, E., La Rocca, S., Gallace, A., McGlone, F.P., Walker, S.C. (2019). Dynamic touch reduces physiological arousal in preterm infants: A role for c-tactile afferents? *Developmental Cognitive Neuroscience*, 39, Article 100703. <https://doi.org/10.1016/j.dcn.2019.100703>
32. McGlone, F., Olausson, H., Boyle, J.A., Jones-Gotman, M., Dancer, C., Guest, S., Essick, G. (2012). Touching and feeling: Differences in pleasant touch processing between glabrous and hairy skin in humans. *European Journal of Neuroscience*, 35(11), 1782—1788. <https://doi.org/10.1111/j.1460-9568.2012.08092.x>
33. McGlone, F., Rankin, L. (2025). A reappraisal of attachment theory: The role of affective touch. *Infant Behavior and Development*, 79, Article 102053. <https://doi.org/10.1016/j.infbeh.2025.102053>

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А. (2026)
Отношение родителей к аффективному
тактильному контакту с ребенком
с расстройством аутистического спектра
Социальные науки и детство, 7(1), 5—25.

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A. (2026)
Parents' attitudes toward affective
tactile contact with a child
with autism spectrum disorder
Social Sciences and Childhood, 7(1), 5—25.

34. McGlone, F., Vallbo, Å.B., Olausson, H., Löken, L., Wessberg, J. (2007). Discriminative touch and emotional touch. *Canadian Journal of Experimental Psychology*, 61(3), 173—183. <https://doi.org/10.1037/cjep2007019>
35. McGlone, F., Wessberg, J., Olausson, H. (2014). Discriminative and affective touch: Sensing and feeling. *Neuron*, 82(4), 737—755. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2014.05.001>
36. Meaney, M.J., Szyf, M. (2005). Maternal care as a model for experience-dependent chromatin plasticity? *Trends in Neurosciences*, 28(9), 456—463. <https://doi.org/10.1016/j.tins.2005.07.006>
37. Memari, A.H., Panahi, N., Ranjbar, E., Moshayedi, P., Shafiei, M., Kordi, R., Ziaee, V. (2015). Children with autism spectrum disorder and patterns of participation in daily physical and play activities. *Neurology Research International*, 1, Article 531906. <https://doi.org/10.1155/2015/531906>
38. Mikolajczak, M., Roskam, I. (2018). A theoretical and clinical framework for parental burnout: The Balance between Risks and Resources (BR2). *Frontiers in Psychology*, 9, Article 886. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00886>
39. Moore, D.J. (2015). Acute pain experience in individuals with autism spectrum disorders: a review. *Autism*, 19(4), 387—399. <https://doi.org/10.1177/1362361314527839>
40. Moore, R.C. (2017). *Childhood's domain: Play and place in child development*. NY: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315121895>
41. Nikolaeva, E.I., Dydenkova, E.A., Mayorova, L.A., Portnova, G.V. (2024). The impact of daily affective touch on cortisol levels in institutionalized & fostered children. *Physiology & Behavior*, 277, Article 114479. <https://doi.org/10.1016/j.physbeh.2024.114479>
42. Olausson, H., Lamarre, Y., Backlund, H., Morin, C., Wallin, B.G., Starck, G., Bushnell, M.C. (2002). Unmyelinated tactile afferents signal touch and project to insular cortex. *Nature Neuroscience*, 5(9), 900—904. <https://doi.org/10.1038/nn896>
43. Olausson, H., Wessberg, J., McGlone, F., Vallbo, Å. (2010). The neurophysiology of unmyelinated tactile afferents. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 34(2), 185—191. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2008.09.011>
44. Pawling, R., Cannon, P.R., McGlone, F.P., Walker, S.C. (2017). C-tactile afferent stimulating touch carries a positive affective value. *PLoS ONE*, 12(3), Article e0173457. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0173457>
45. Papantoniou, L.P., Vityk, O., Tzanoulinou, S. (2026). Social stress and affiliative touch: A tale of two affective states. *iScience*, 29(3), Article 114833. <https://doi.org/10.1016/j.isci.2026.114833>
46. Peciccia, M., Gallese, V., Solms, M. (2025). Affiliative touch and sense of self: theoretical foundations and innovative treatments. *Frontiers in Psychology*, 16, Article 1620556. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1620556>
47. Provenzi, L., Brambilla, M., Scotto di Minico, G., Montirosso, R., Borgatti, R. (2020). Maternal caregiving and DNA methylation in human infants and children: Systematic review. *Genes, Brain and Behavior*, 19(3), Article e12616. <https://doi.org/10.1111/gbb.12616>
48. Reece, C., Ebstein, R., Cheng, X., Ng, T., Schirmer, A. (2016). Maternal touch predicts social orienting in young children. *Cognitive Development*, 39, 128—140. <https://doi.org/10.1016/j.cogdev.2016.05.001>

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А. (2026)
 Отношение родителей к аффективному
 тактильному контакту с ребенком
 с расстройством аутистического спектра
Социальные науки и детство, 7(1), 5—25.

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A. (2026)
 Parents' attitudes toward affective
 tactile contact with a child
 with autism spectrum disorder
Social Sciences and Childhood, 7(1), 5—25.

49. Roebers, C.M. (2017). Executive function and metacognition: Towards a unifying framework of cognitive self-regulation. *Developmental Review*, 45, 31—51. <https://doi.org/10.1016/j.dr.2017.04.001>
50. Scheele, D., Kendrick, K.M., Khouri, C., Kretzer, E., Schläpfer, T.E., Stoffel-Wagner, B., Hurlmann, R. (2014). An oxytocin-induced facilitation of neural and emotional responses to social touch correlates inversely with autism traits. *Neuropsychopharmacology*, 39(9), 2078—2085. <https://doi.org/10.1038/npp.2014.78>
51. Skeels, H.M. (1966). Adult Status of Children with Contrasting Early Life Experiences: A Follow-Up Study. *Monographs of the Society for Research in Child Development*, 31(3), 1—65. <https://doi.org/10.2307/1165791>
52. Suomi, S.J. (2011). Risk, resilience, and gene-environment interplay in primates. *Journal of the Canadian Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 20(4), 289—297. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3222572/> (viewed: 04.02.2026).
53. Tanaka, Y. (2025). The Sense of Touch in Human Development. In: S. Fukuda (Eds.), *Emotional Engineering, Vol. 10. Emotional Engineering as a Culture for 22nd Century Civilisation* (pp. 55—66). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-72712-2_5
54. Teague, S.J., Gray, K.M., Tonge, B.J., Newman, L.K. (2017). Attachment in children with autism spectrum disorder: A systematic review. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 35, 35—50. <https://doi.org/10.1016/j.rasd.2016.12.002>
55. Van Puyvelde, M., Gorissen, A.S., Pattyn, N., McGlone, F. (2019). Does touch matter? The impact of stroking versus non-stroking maternal touch on cardio-respiratory processes in mothers and infants. *Physiology & Behavior*, 207, 55—63. <https://doi.org/10.1016/j.physbeh.2019.04.024>
56. Voos, A.C., Pelphey, K.A., Kaiser, M.D. (2013). Autistic traits are associated with diminished neural response to affective touch. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 8(4), 378—386. <https://doi.org/10.1093/scan/nss009>
57. Walker, S.C., Cavieres, A., Peñaloza-Sancho, V., El-Deredy, W., McGlone, F.P., Dagnino-Subiabre, A. (2022). C-low threshold mechanoafferent targeted dynamic touch modulates stress resilience in rats exposed to chronic mild stress. *European Journal of Neuroscience*, 55(9—10), 2925—2938. <https://doi.org/10.1111/ejn.14951>
58. Yang, Q., Du, Q., Yang, H., Ma, Y., Zhu, H. (2026). Effects of infant touch on the growth and neurodevelopment of preterm infants. *Pakistan Journal of Medical Sciences*, 42(2), 465—469. <https://doi.org/10.12669/pjms.42.2.13094>
59. Yu, H., Miao, W., Ji, E., Huang, S., Jin, S., Zhu, X., Yu, X. (2022). Social touch-like tactile stimulation activates a tachykinin 1-oxytocin pathway to promote social interactions. *Neuron*, 110(6), 1051—1067. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2021.12.022>

Приложение / Appendix

Повернутая матрица компонентов Rotated component matrix

Переменные / Variables	Компонент / Component						
	1	2	3	4	5	6	7
1. Объятия и прикосновения близких — хороший способ	0,837	0,071	0,015	−0,023	−0,102	−0,133	0,246

помочь ребенку успокоиться / Hugs and touches from loved ones are a good way to help a child calm down								
2. Я получаю большое удовольствие от объятий, игрового массажа и другого физического контакта с ребенком / I get great pleasure from hugs, play massages and other physical contact with the child	0,822	-0,012	-0,228	0,068	-0,021	-0,212	0,010	
3. Пока ребенок совсем маленький, его лучше почаще брать на руки, носить в слинге или в рюкзаке — это поможет ему быть ближе к родителям / While the baby is very small, it is better to pick him up more often, carry him in a sling or in a backpack - this will help him to be closer to his parents	0,754	0,091	0,048	-0,019	0,077	0,021	-0,138	
4. Совместный сон в первые годы жизни хорошо влияет на развитие ребенка / Co-sleeping in the first years of life has a positive effect on a child's development	0,701	0,097	0,043	0,062	0,191	0,289	-0,084	
5. Объятия и ласка помогают укреплять привязанность ребенка к родителям, способствуют улучшению отношений / Hugs and affection help strengthen the child's attachment to parents and contribute to improving relationships	0,678	-0,051	0,038	-0,054	-0,242	-0,282	0,275	
6. Нежные прикосновения и объятия родителей помогают ребенку расти спокойным, менее тревожным / Gentle touches and hugs from parents help a child grow up calm and less anxious	0,663	-0,302	0,082	-0,107	0,138	-0,071	-0,121	

7. В детстве объятия родных часто помогали мне успокоиться и почувствовать себя лучше / As a child, hugs from my family often helped me calm down and feel better	0,612	0,188	-0,527	0,013	-0,123	-0,111	0,033
8. Игры, основанные на тактильных ощущениях, прикосновениях и массаже, могут помочь в воспитании детей / Tactile, touching, and massage-based games can help in raising children	0,093	0,842	-0,090	-0,096	0,104	0,003	0,056
9. Если теплый физический контакт с ребенком удалось установить, то это очень помогает дальше развивать отношения с ним / If warm physical contact with the child has been established, it will greatly help in further developing the relationship with him.	0,091	0,835	-0,032	-0,117	0,276	0,032	-0,168
10. Есть ли у Вас ребенок с РАС? / Do you have a child with ASD?	-0,226	0,537	0,173	-0,180	-0,329	-0,147	0,261
11. В детстве родные меня редко обнимали и гладили / As a child, my family rarely hugged and stroked me	0,212	0,044	0,791	-0,027	0,008	-0,048	-0,145
12. В детстве мне очень нравилось обниматься с родителями / When I was a child, I really enjoyed hugging my parents	0,547	0,085	-0,635	-0,019	-0,110	-0,021	-0,097
13. В детстве мне часто не нравилось, когда меня обнимают или целуют / As a child, I often didn't like being hugged or kissed	-0,110	0,023	0,617	0,133	0,192	0,189	0,456
14. Некоторым детям прикосновения вообще не нужны, потому что они их раздражают / Some children don't need touching at all because	-0,026	-0,006	-0,042	0,866	0,074	0,003	0,080

it irritates them.							
15. Прикосновения и физический контакт с детьми не играют почти никакой роли, лучше уделять внимание более важным аспектам развития / Touching and physical contact with children play almost no role, it is better to focus on more important aspects of development	0,017	-0,221	0,106	0,827	-0,074	0,057	-0,058
16. Есть дети, которые не любят, когда к ним прикасаются (например, при РАС) / There are children who do not like to be touched (for example, those with ASD)	-0,026	0,118	0,108	-0,025	0,755	0,097	0,228
17. С моим ребенком сложно установить тактильный контакт / It's difficult to establish tactile contact with my child.	-0,010	0,450	0,204	0,151	0,623	-0,007	0,078
18. Не стоит слишком часто обнимать и брать на руки ребенка, от этого он может вырасти несамостоятельным или слишком привязанным к матери / You shouldn't hug or pick up your child too often, as this can cause him to grow up dependent or too attached to his mother	-0,100	-0,037	0,087	-0,113	0,090	0,733	-0,010
19. Роль прикосновений и тактильного контакта для детско-родительских отношений слишком переоценивают / The role of touch and tactile contact in parent-child relationships is overestimated	-0,122	0,112	0,084	0,236	-0,484	0,636	0,108
20. Есть дети, которым объятия и прикосновения совсем не нужны / There are children who don't need hugs and touches at all	-0,075	-0,083	-0,157	0,346	0,212	0,513	0,256
21. У меня иногда возникает (или возникала раньше)	0,077	0,017	-0,018	0,026	0,172	0,086	0,840

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А. (2026)
 Отношение родителей к аффективному
 тактильному контакту с ребенком
 с расстройством аутистического спектра
Социальные науки и детство, 7(1), 5—25.

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A. (2026)
 Parents' attitudes toward affective
 tactile contact with a child
 with autism spectrum disorder
Social Sciences and Childhood, 7(1), 5—25.

«тактильная усталость» — ощущение перегруженности прикосновениями, и мне были неприятны прикосновения других людей и ребенка / I sometimes experience (or have experienced in the past) “tactile fatigue” — a feeling of being overwhelmed by touch, and I was uncomfortable with the touch of other people and my child							
а. Вращение сошлось за 9 итераций							

Информация об авторах

Елена Ивановна Николаева, доктор биологических наук, профессор, заведующая кафедрой возрастной психологии и педагогики семьи, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ им. А. И. Герцена), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8363-8496>, e-mail: klemtina@yandex.ru

Ева Александровна Дыденкова, кандидат психологических наук, младший научный сотрудник, Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН (ФГБУН ИВНД и НФ РАН), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8079-1660>, e-mail: dydenkovaeva@gmail.com

Information about the authors

Elena I. Nikolaeva, Doctor of Science (Biology), Professor, Head of the Department of the Developmental Psychology and Family Pedagogic, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8363-8496>, e-mail: klemtina@yandex.ru

Eva A. Dydenkova, Candidate of Science (Psychology), Researcher, Institute of Higher Nervous Activity and Neurophysiology of RAS, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8079-1660>, e-mail: dydenkovaeva@gmail.com

Вклад авторов

Николаева Е.И. — концепция исследования, планирование исследования; контроль за проведением исследования, интерпретация результатов обзора, редактирование текста рукописи.

Дыденкова Е.А. — тематическая систематизация и критический анализ научных источников; написание текста; сбор и статистическая обработка данных и подготовка к публикации.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А. (2026)
Отношение родителей к аффективному
тактильному контакту с ребенком
с расстройством аутистического спектра
Социальные науки и детство, 7(1), 5—25.

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A. (2026)
Parents' attitudes toward affective
tactile contact with a child
with autism spectrum disorder
Social Sciences and Childhood, 7(1), 5—25.

Contribution of the authors

Elena I. Nikolaeva — conceptualization, study design; supervision of the research process, interpretation of the review findings, and writing of the manuscript and editing of the text of the manuscript.

Eva A. Dydenkova — thematic organization and critical analysis of scientific literature; writing of the manuscript; collection and statistical processing of data and preparation for publication.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование проводилось в строгом соответствии с этическими стандартами, изложенными в Декларации Хельсинки (1964 год).

Ethics statement

The research was conducted in strict accordance with ethical standards outlined in the Helsinki Declaration (1964).

Поступила в редакцию 18.02.2026
Поступила после рецензирования 25.03.2026
Принята к публикации 26.03.2026
Опубликована 31.03.2026

Received 2026.02.18
Revised 2026.03.25
Accepted 2026.03.26
Published 2026.03.31

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ |
SOCIAL PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

**Детство и взросление в ситуации социальной уязвимости:
внешняя среда и субъективные оценки**

Э.Ш. Гарифулина^{1,2}, С.Е. Новикова²✉, А.Ю. Телицына³

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

² Благотворительный фонд «Абсолют-Помощь», Москва, Российская Федерация

³ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

✉ s.novikova@absolute-help.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Современное детство характеризуется масштабными институциональными и социальными трансформациями. Несмотря на накопленные исследования, сохраняется дефицит комплексных эмпирических работ, сопоставляющих макроуровень институциональных изменений с микроуровнем субъективных переживаний детей и родителей. Исследование опирается на институциональный подход к анализу детства и социально-конструктивистское понимание взросления как процесса, формирующегося во взаимодействии структурных условий и субъективного опыта. **Цель.** Выявить ключевые тенденции, отражающие структурные трансформации в системе инклюзивного образования и субъективных оценок взросления. **Гипотеза.** Социальная позиция (родитель/ребенок) и факт нахождения в ситуации уязвимости выступают значимыми факторами, дифференцирующими оценку процесса взросления. **Методы и материалы.** Эмпирическую базу составили данные всероссийского онлайн-опроса детей и молодых взрослых (N = 2279), родителей (N = 1011) и специалистов (N = 324), проведенного в мае—июне 2025 года, а также официальная статистика Министерства просвещения Российской Федерации и Федеральной службы государственной статистики за 2020—2025 годы. Использованы методы описательного и сравнительного анализа. **Результаты.** Статистический анализ показывает рост численности детей с инвалидностью на фоне общего сокращения детского населения, расширение инклюзивных форм обучения и изменение структуры специализированных образовательных организаций. Выявлено, что восприятие взросления детьми носит эмоционально неоднозначный характер, тогда как родители демонстрируют более высокий

Гарифулина Э.Ш., Новикова С.Е.,
Телицына А.Ю. (2026)
Детство и взросление в ситуации
социальной уязвимости: внешняя
среда и субъективные оценки
Социальные науки и детство, 7(1), 26—43.

Garifulina E.Sh., Novikova S.E.,
Telitsyna A.Yu. (2026)
Childhood and growing up in a situation
of social vulnerability: the external
environment and subjective assessments
Social Sciences and Childhood, 7(1), 26—43.

уровень тревожности. **Выводы.** Результаты исследования демонстрируют необходимость комплексного анализа детства, сочетающего институциональный и субъективный уровни. Полученные данные могут служить базой для дальнейших исследований, а также быть использованы при разработке мер поддержки детей и семей.

Ключевые слова: детство, взросление, инклюзивное образование, дети с ОВЗ и инвалидностью, родительская тревожность, эмпирическое исследование

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Благотворительного фонда «Абсолют-помощь» и в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в проведении опроса образовательную платформу «Учи.ру» и ГМИИ имени А.С. Пушкина.

Для цитирования: Гарифулина, Э.Ш., Новикова, С.Е., Телицына, А.Ю. (2026). Детство и взросление в ситуации социальной уязвимости: внешняя среда и субъективные оценки. *Социальные науки и детство*, 7(1), 26—43. <https://doi.org/10.17759/ssc.2026070102>

Childhood and growing up in a situation of social vulnerability: the external environment and subjective assessments

E.Sh. Garifulina^{1,2}, S.E. Novikova²✉, A.Yu. Telitsyna³

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

² Absolute-Help Charitable Foundation, Moscow, Russian Federation

³ HSE University, Moscow, Russian Federation

✉ s.novikova@absolute-help.ru

Abstract

Context and relevance. Modern childhood is undergoing large-scale institutional and social transformations. Despite a substantial body of research, there remains a lack of comprehensive empirical studies that juxtapose the macro-level of institutional change with the micro-level of subjective experiences of children and parents. **Objective.** This study draws on an institutional approach to the analysis of childhood and a socio-constructivist understanding of growing up as a process shaped by the interaction of structural conditions and subjective experience. The aim is to identify key trends reflecting structural transformations in the inclusive education system and subjective assessments of growing up. **Hypothesis.** Social position (parent vs. child) and the experience of vulnerability are significant factors that differentiate the assessment of the growing-up process. **Methods and materials.** The empirical data was derived from an all-Russian online survey of children and young adults (N = 2279), parents (N = 1011), and specialists (N = 324) conducted in May—June 2025, as well as official statistics from the Ministry of Education of the Russian Federation and the Federal State Statistics Service for 2020—2025. The study employs descriptive and comparative analysis. **Results.** Statistical analysis reveals an increase in the number of children with disabilities amid an overall decline in the child population, the expansion

Гарифулина Э.Ш., Новикова С.Е.,
Телицына А.Ю. (2026)
Детство и взросление в ситуации
социальной уязвимости: внешняя
среда и субъективные оценки
Социальные науки и детство, 7(1), 26—43.

Garifulina E.Sh., Novikova S.E.,
Telitsyna A.Yu. (2026)
Childhood and growing up in a situation
of social vulnerability: the external
environment and subjective assessments
Social Sciences and Childhood, 7(1), 26—43.

of inclusive education models, and a shift in the structure of specialized educational institutions. The findings indicate that children's perception of growing up is emotionally ambiguous, while parents demonstrate higher levels of anxiety. **Conclusions.** The results highlight the need for a comprehensive analysis of childhood that integrates both institutional and subjective levels. These findings provide a foundation for future research and can inform the development of support measures for children and families.

Keywords: childhood, growing up, inclusive education, children with disabilities and special educational needs, parental anxiety, empirical research

Funding. The study was carried out with financial support from the Absolute-Help Charitable Foundation and within the framework of the HSE University Basic Research Program.

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the Uchi.ru educational platform and the Pushkin State Museum of Fine Arts for their assistance in conducting the survey.

For citation: Garifulina, E.Sh., Novikova, S.E., Telitsyna, A.Yu. (2026). Childhood and growing up in a situation of social vulnerability: the external environment and subjective assessments. *Social Sciences and Childhood*, 7(1), 26—43. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/ssc.2026070102>

Введение

Современное детство характеризуется масштабными институциональными и социальными трансформациями: изменением демографической структуры, ростом числа детей с особыми образовательными потребностями (т. е. детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидностью), расширением инклюзивных практик в образовании и др.

Дети и молодые взрослые в ситуации уязвимости — обобщенный термин, используемый для обозначения детей и молодых взрослых, находящихся в обстоятельствах, существенно ухудшающих условия их жизнедеятельности и требующих дополнительной социальной поддержки. В эмпирической базе исследования данная категория включает детей с ОВЗ и инвалидностью. В целях унификации терминологии и акцентирования внимания на общности институциональных барьеров в тексте статьи понятия «дети в ситуации уязвимости», «дети с особыми образовательными потребностями» и «дети с ОВЗ/инвалидностью» используются как взаимозаменяемые (синонимы).

В последние десятилетия инклюзивное образование стало предметом интенсивного научного и нормативного обсуждения¹, рассмотрения в качестве механизма обеспечения равенства возможностей и социальной интеграции (Прищепова и др., 2020; Ainscow, Booth, Dyson, 2006; Florian, Black-Hawkins, 2011; Slee, 2011). Саламанкская декларация и Конвенция о правах инвалидов закрепили принцип инклюзии как глобальный нормативный стандарт

¹ *The Salamanca Statement and Framework for Action on Special Needs Education*. (1994). European Agency for Special Needs and Inclusive Education. URL: <https://www.european-agency.org/sites/default/files/salamanca-statement-and-framework.pdf> (дата обращения: 15.12.2025);

Convention on the Rights of Persons with Disabilities (CRPD). [б.г.]. United Nations. URL: <https://www.un.org/development/desa/disabilities/Convention-on-the-rights-of-persons-with-disabilities.html> (дата обращения: 15.12.2025).

Гарифулина Э.Ш., Новикова С.Е.,
Телицына А.Ю. (2026)
Детство и взросление в ситуации
социальной уязвимости: внешняя
среда и субъективные оценки
Социальные науки и детство, 7(1), 26—43.

Garifulina E.Sh., Novikova S.E.,
Telitsyna A.Yu. (2026)
Childhood and growing up in a situation
of social vulnerability: the external
environment and subjective assessments
Social Sciences and Childhood, 7(1), 26—43.

образовательной политики. Современные аналитические исследования рассматривают инклюзию не только как педагогическую практику, но как институциональную трансформацию образовательных систем, затрагивающую распределение ресурсов, профессиональные роли и культурные нормы (Magnússon, 2019).

Установки педагогов, родителей и сверстников выступают ключевыми предикторами успешности инклюзии. Отмечается, что на отношение учителей к инклюзивному образованию оказывает влияние наличие опыта обучения и работы в этой сфере, а также тип инвалидности учащегося (de Boer, Pijl, Minnaert, 2011). Демонстрируется польза для развития социальных навыков обучающего подхода, при котором все учащиеся с типичным развитием и инвалидностью взаимодействуют в парах без привлечения взрослых (Laushey, Heflin, 2000). В целом отношение детей без инвалидности к сверстникам с ОВЗ положительное, однако варьируется в зависимости от пола ребенка с типичным развитием, а также типа инвалидности (Strnadová, Potmesil, Potmesilova, 2023).

Аналогично родительские установки демонстрируют амбивалентность: сочетание поддержки идеи инклюзии с опасениями относительно академических результатов и социальной динамики (Narumanchi, Bhargava, 2011).

Российские исследования подчеркивают специфику институционального перехода от сегрегированных моделей к инклюзивным формам обучения (Малофеев, 2018; Алехина, 2016). Выявляются особенности социально-педагогической поддержки семей, значимость психологической адаптации и сопровождения (Ткачева, 2023). Эмпирические данные указывают на наличие настороженности и коммуникативных барьеров в детских коллективах, что требует системной психолого-педагогической работы (Костина, Дунаевская, Богомягкова, 2020).

В современных исследованиях инвалидности смещается фокус от медицинской к социальной модели, уязвимость рассматривается как результат институциональных барьеров (Oliver, 1990). Также предлагается переходить от полярных моделей (медицинской и социальной) и внедрять многофакторное понимание инвалидности (Shakespeare, 2014).

Институциональные трансформации образовательной системы, включая расширение инклюзивных практик, создают новые траектории социализации и изменяют конфигурацию рисков и возможностей.

Особое значение приобретает роль гражданского общества и некоммерческого сектора в поддержке уязвимого детства. Теория «третьего сектора» и концепция смешанного социального обеспечения подчеркивают институциональную взаимозависимость государства и НКО (Evers, Laville, 2004; Salamon, 1995; Salamon, 2004). В рамках модели «государства-партнера» социальная поддержка реализуется через гибридные формы управления и межсекторное взаимодействие. Российские исследования подтверждают посредническую роль НКО в реализации государственной политики в сфере детства (Гарифулина, Телицына, 2024; Семья, Телицына, 2016).

В более широком контексте социологии детства подчеркивается, что детство является социально конструируемой категорией, формируемой культурными, правовыми и институциональными условиями (Corsaro, Everitt, 2023). Взросление рассматривается как множественный и нелинейный процесс, зависящий от структурных ограничений и возможностей (Furlong, Cartmel, 2006). Экологическая теория развития подчеркивает влияние

Гарифулина Э.Ш., Новикова С.Е.,
Телицына А.Ю. (2026)
Детство и взросление в ситуации
социальной уязвимости: внешняя
среда и субъективные оценки
Социальные науки и детство, 7(1), 26—43.

Garifulina E.Sh., Novikova S.E.,
Telitsyna A.Yu. (2026)
Childhood and growing up in a situation
of social vulnerability: the external
environment and subjective assessments
Social Sciences and Childhood, 7(1), 26—43.

микро-, мезо- и макроуровней среды на формирование установок и самооощущения ребенка (Bronfenbrenner, Morris, 2006). Современное изучение сферы детства подразумевает актуализацию возможностей для проявления большей детской субъектности и компетентности (Митрофанова, 2017), а также использование участвующего подхода (Филипова, Хуснутдинова, 2022).

Несмотря на накопленные исследования, сохраняется дефицит комплексных эмпирических работ, сопоставляющих макроуровень институциональных изменений с микроуровнем субъективных переживаний детей и родителей. Эмоциональные аспекты взросления — сочетание позитивных ожиданий, неопределенности и тревоги — остаются недостаточно изученными в контексте инклюзивных трансформаций.

Таким образом, существует необходимость эмпирического анализа, объединяющего официальные статистические данные, институциональные тренды и субъективные оценки, что позволит более полно описать современное детство как результат взаимодействия структурных условий, культурных норм и индивидуального опыта.

Цель исследования — выявить ключевые тенденции, отражающие структурные трансформации в системе инклюзивного образования и субъективных оценок взросления.

Гипотеза. Социальная позиция (родитель/ребенок) и факт нахождения в ситуации уязвимости выступают значимыми факторами, дифференцирующими оценку процесса взросления.

Теоретическая рамка исследования основана на институциональном подходе к анализу детства и социально-конструктивистском понимании взросления как процесса, формирующегося во взаимодействии структурных условий и субъективного опыта. В данном исследовании детство рассматривается как социально организованный этап жизненного пути, параметры которого задаются системой образования, социальной политики и механизмами поддержки семьи. Институциональные изменения, связанные с расширением инклюзивных форм обучения и трансформацией специализированных образовательных организаций, формируют новые условия взросления и влияют на доступные траектории социализации. Взросление при этом понимается не как универсальный и линейный переход, а как множественный и контекстуально обусловленный опыт, включающий как позитивные ожидания, так и переживания неопределенности и тревоги.

Дополняющим элементом теоретической рамки выступает концепция смешанного (гибридного) социального обеспечения, разработанная Лестером Саламоном. В соответствии с подходом «государства-партнера» (partner state), социальная поддержка детства реализуется через взаимодействие государства, некоммерческого сектора, семей и профессиональных сообществ (Salamon, 1995; Salamon, 2004). В этом контексте уязвимость рассматривается не как индивидуальная характеристика ребенка или семьи, а как результат институциональных решений и доступности ресурсов межсекторного взаимодействия. Такая рамка позволяет связать макроуровень институциональных трансформаций с микроуровнем субъективного восприятия взросления и служит аналитической основой для интерпретации эмпирических данных исследования.

Гарифулина Э.Ш., Новикова С.Е.,
Телицына А.Ю. (2026)
Детство и взросление в ситуации
социальной уязвимости: внешняя
среда и субъективные оценки
Социальные науки и детство, 7(1), 26—43.

Garifulina E.Sh., Novikova S.E.,
Telitsyna A.Yu. (2026)
Childhood and growing up in a situation
of social vulnerability: the external
environment and subjective assessments
Social Sciences and Childhood, 7(1), 26—43.

Материалы и методы

Дизайн исследования. Исследование основано на количественном дизайне и включает анализ первичных эмпирических данных, полученных в ходе онлайн-опроса, а также вторичный анализ официальной статистики в сфере образования и детства. Исследование носит описательный и сравнительный характер и направлено на выявление ключевых тенденций в восприятии взросления и институциональных изменений в системе поддержки детства.

Эмпирическая база. Эмпирическую основу исследования составили данные онлайн-опроса, проведенного Благотворительным фондом «Абсолют-Помощь», образовательной платформой «Учи.ру» и ГМИИ имени А.С. Пушкина в период с 23 мая по 03 июня 2025 года. В опросе приняли участие три группы респондентов:

- дети и молодые взрослые (N = 2279, возраст детей — 10—17 лет, молодых взрослых — 18—35 лет), включая 167 респондентов, находящихся в ситуации социальной уязвимости (из 83 регионов Российской Федерации);
- родители детей и молодых взрослых (N = 1011), включая 306 родителей детей, находящихся в ситуации уязвимости (из 83 регионов Российской Федерации);
- специалисты (N = 324), работающие в сфере социальной, образовательной и медицинской поддержки детей, молодых взрослых и семей (из 42 регионов Российской Федерации).

Под ситуацией уязвимости подразумевается обобщенное обозначение различных обстоятельств, которые ухудшают условия жизнедеятельности человека. К числу групп, находящихся в условиях уязвимости, в рамках данного исследования относятся преимущественно дети и молодые взрослые с ограниченными возможностями здоровья, инвалидностью.

Рекрутирование респондентов осуществлялось посредством распространения анкеты через информационные ресурсы инициаторов опроса.

Инструментарий. Для сбора данных использовалась структурированная онлайн-анкета, направленная на выявление эмоционального восприятия взросления, оценок условий детства и представлений о поддержке детей и семей. Анкеты для различных групп респондентов имели сопоставимую структуру, что обеспечивало возможность сравнительного анализа ответов. Анкеты были разработаны авторами исследования (авторский инструмент).

Анализ данных проводили с использованием методов описательной статистики (расчет частот и процентных распределений) и сравнительного анализа подвыборок. Для оценки достоверности выявленных различий между подгруппами внутри выборки использовался Z-критерий для долей при уровне значимости $\alpha = 0,05$. Применение данного критерия позволило верифицировать устойчивость различий между сравниваемыми группами респондентов в рамках полученного массива данных. Дополнительно использовался анализ официальных статистических данных Министерства просвещения Российской Федерации и Федеральной службы государственной статистики за 2020—2025 годы.

Этические аспекты. Опрос проводили в анонимной форме, участие респондентов было добровольным. Информированное согласие получалось в начале заполнения анкеты. При сборе и анализе данных соблюдались принципы конфиденциальности и защиты персональной информации, а также этические нормы проведения социологических исследований с участием

Гарифулина Э.Ш., Новикова С.Е.,
Телицына А.Ю. (2026)
Детство и взросление в ситуации
социальной уязвимости: внешняя
среда и субъективные оценки
Социальные науки и детство, 7(1), 26—43.

Garifulina E.Sh., Novikova S.E.,
Telitsyna A.Yu. (2026)
Childhood and growing up in a situation
of social vulnerability: the external
environment and subjective assessments
Social Sciences and Childhood, 7(1), 26—43.

детей и семей. При опросе детей и молодых взрослых инструментарий был адаптирован: вопросы были сформулированы на языке, понятном целевой аудитории.

Результаты

Изменение демографической и образовательной структуры детства

Анализ официальных статистических данных показывает, что на фоне общего сокращения численности детей в Российской Федерации (–1,4% в период 2020—2024 гг.) наблюдается устойчивый рост численности детей с инвалидностью (+13,3% в период 2020—2024 гг.). Как показано в табл. 1, за период 2020—2024 гг. доля детей с инвалидностью в общей численности детей в России выросла на 0,3 п.п².

Таблица 1 / Table 1

Численность детей с инвалидностью в общей численности населения Российской Федерации Children with disabilities in the total population of the Russian Federation

Год / Year	Численность детей, всего / Total children	Численность детей с инвалидностью / Children with disabilities	Доля от общей численности, % / Share of total, %
2020	30370372	687718	2,3
2024	29958997	778996	2,6

В системе общего образования это выражается в увеличении доли школьников с ОВЗ и инвалидностью с 5,0% до 5,7% от общей численности обучающихся за период 2020/2021—2024/2025 учебных годов. Как показано в табл. 2, за период 2020/2021—2024/2025 гг. доля школьников с ОВЗ и инвалидностью выросла на 0,7 п.п³.

² Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту 2020. (2020). Росстат: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/qIpV47MC/chisl-pv20.rar> (дата обращения: 15.12.2025);

Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2024 года. (2024). Росстат: Федеральная служба государственной статистики. URL:

https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/bul_chislen_nasel-pv_01-01-2024.rar (дата обращения: 15.12.2025);

Общая численность инвалидов по группам инвалидности по субъектам Российской Федерации. (2024). Росстат: Федеральная служба государственной статистики. URL:

https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pi_1.3_2024.xlsx (дата обращения: 15.12.2025).

³ Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования на начало 2020/21 учебного года. (2020). Министерство просвещения Российской Федерации: Официальный портал. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/ed3ca74f26a1dc055a313991f66d2fa3/download/3661/> (дата обращения: 15.12.2025).

Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало 2024/25 учебного года. (2024). Министерство просвещения Российской Федерации: Официальный портал. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/db9c1cdaa94b963299f927390b334c28/download/7165/> (дата обращения: 15.12.2025).

Гарифулина Э.Ш., Новикова С.Е.,
Телицына А.Ю. (2026)
Детство и взросление в ситуации
социальной уязвимости: внешняя
среда и субъективные оценки
Социальные науки и детство, 7(1), 26—43.

Garifulina E.Sh., Novikova S.E.,
Telitsyna A.Yu. (2026)
Childhood and growing up in a situation
of social vulnerability: the external
environment and subjective assessments
Social Sciences and Childhood, 7(1), 26—43.

Таблица 2 / Table 2

**Численность школьников с ОВЗ и инвалидностью
в системе общего образования Российской Федерации**
**The number of schoolchildren with special educational needs and disabilities
in the general education system of the Russian Federation**

Учебный год / Academic year	Численность школьников, всего / Total students	Численность школьников с ОВЗ и инвалидностью / Schoolchildren with special educational needs and disabilities	Доля от общей численности, % / Share of total, %
2020/2021	16785934	839169	5,0
2024/2025	17988139	1026990	5,7

Расширение инклюзивных форм обучения

Доля детей с ОВЗ и инвалидностью, обучающихся инклюзивно в общеобразовательных классах, демонстрирует устойчивый рост и на начало 2024/2025 учебного года составляет 61,2% от общей численности данной категории обучающихся. Одновременно фиксируется снижение относительной доли обучающихся в отдельных коррекционных классах (табл. 3)⁴.

Таблица 3 / Table 3

Численность школьников с ОВЗ и инвалидностью по классам обучения
The number of schoolchildren with special educational needs and disabilities by class of study

Показатель / Indicator	2020/2021 учебный год / academic year	2024/2025 учебный год / academic year
Численность школьников с ОВЗ и инвалидностью, обучающихся в обычных классах / Number of schoolchildren with special educational needs and disabilities enrolled in regular classes	473500	628885
Доля школьников с ОВЗ и инвалидностью, обучающихся в обычных классах, от общей численности школьников с ОВЗ и инвалидностью / Share of students with disabilities and special educational needs enrolled in inclusive classrooms in the total number of students with disabilities and special educational needs, %	56,4	61,2

⁴ Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования на начало 2020/21 учебного года. (2020). Министерство просвещения Российской Федерации: Официальный портал. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/ed3ca74f26a1dc055a313991f66d2fa3/download/3661/> (дата обращения: 15.12.2025).

Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования на начало 2024/25 учебного года. (2024). Министерство просвещения Российской Федерации: Официальный портал. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/db9c1cdaa94b963299f927390b334c28/download/7165/> (дата обращения: 15.12.2025).

Гарифулина Э.Ш., Новикова С.Е.,
Телицына А.Ю. (2026)
Детство и взросление в ситуации
социальной уязвимости: внешняя
среда и субъективные оценки
Социальные науки и детство, 7(1), 26—43.

Garifulina E.Sh., Novikova S.E.,
Telitsyna A.Yu. (2026)
Childhood and growing up in a situation
of social vulnerability: the external
environment and subjective assessments
Social Sciences and Childhood, 7(1), 26—43.

Численность школьников с ОВЗ и инвалидностью, обучающихся в отдельных коррекционных классах / Number of schoolchildren with special educational needs and disabilities enrolled in special education classes	365669	398105
Доля школьников с ОВЗ и инвалидностью, обучающихся в отдельных коррекционных классах, от общей численности школьников с ОВЗ и инвалидностью / Share of students with disabilities and special educational needs enrolled in separate (special education) classes, as a percentage of the total number of students with disabilities and special educational needs, %	43,6	38,8

Дифференциация образовательных потребностей детей с ОВЗ

Данные изменения сопровождаются сокращением числа специализированных коррекционных школ (1611, снижение на 3 п.п. в период 2020/2021—2024/2025 гг.) и ростом количества коррекционных классов в составе общеобразовательных организаций (4881, рост на 19,2 п.п. в период 2020/2021—2024/2025 гг.). Внутри группы детей с ОВЗ и инвалидностью выявляется неравномерная динамика по разным категориям. Наиболее выраженный рост числа образовательных организаций зафиксирован для детей с расстройствами аутистического спектра, нарушениями опорно-двигательного аппарата и задержкой психического развития. Это указывает на усложнение структуры детства и повышение разнообразия образовательных запросов внутри группы детей с особыми образовательными потребностями.

Эмоциональное восприятие взросления детьми и молодыми взрослыми

Результаты онлайн-опроса детей и молодых взрослых (N = 2279) свидетельствуют о том, что процесс взросления воспринимается преимущественно как эмоционально неоднозначный. Данный эмоциональный профиль сохраняется и среди детей, находящихся в ситуации уязвимости, что указывает на общность переживаний, связанных с переходом к взрослой жизни. Анализ показал, что взросление у детей и молодых взрослых в целом ассоциируется преимущественно с позитивно окрашенными эмоциями, прежде всего с интересом (59,1% среди детей и молодых взрослых в целом) и радостью (39,4%). Одновременно с этим значительная доля респондентов указывает на переживания, связанные с неопределенностью и внутренним напряжением: тревогу или растерянность испытывают 37,6%, страх — 30,1%, беспомощность — 15,4% (табл. 4).

Сопоставление подгрупп выявило выраженные различия между детьми, находящимися в ситуации уязвимости, и остальными респондентами. Дети и молодые взрослые в ситуации уязвимости значимо реже сообщают о радости, связанной со взрослением (29,9% среди детей и молодых взрослых, находящихся в ситуации уязвимости, против 40,1% среди детей и молодых взрослых, не находящихся в ситуации уязвимости), и особенно редко — о гордости (16,8% против 36,1%). Таким образом, взросление для них в меньшей степени связано с переживанием достижений и личностного роста.

Таблица 4 / Table 4

Эмоциональное восприятие взросления детьми и молодыми взрослыми (N = 2279)
Emotional perceptions of growing up in children and young adults (N = 2279)

Эмоциональная реакция / Emotional reaction	Дети и молодые взрослые в целом / All children and young adults, % (n = 2279)	Дети и молодые взрослые, находящиеся в ситуации уязвимости / Children and young adults in vulnerable situations, % (n = 167)	Дети и молодые взрослые, не находящиеся в уязвимой ситуации / Children and young adults not in vulnerable situations, %, (n = 2112)
Интерес / Interest	59,1	58,1	59,2
Радость / Joy	39,4	29,9*	40,1*
Тревога (растерянность) / Anxiety (confusion)	37,6	43,1	37,1
Гордость / Pride	34,7	16,8*	36,1*
Страх / Fear	30,1	27,5	30,3
Беспомощность / Helplessness	15,4	19,8	15,1

Примечание: * — различия статистически значимы между подгруппами детей (уровень значимости $\alpha = 0,05$).

Note: * — statistically significant differences (the significance level was set at $\alpha = 0,05$).

При этом среди детей и молодых взрослых, находящихся в ситуации уязвимости, наблюдается тенденция к более высоким показателям тревоги и беспомощности, однако различия не достигают уровня статистической значимости. Исследование российских ученых (Майорова-Щеглова, Бессчетнова, Губанова, 2024) показывает наличие взаимосвязи оценки детства как счастливого/несчастливого и наличия проблем со здоровьем в детстве: среди тех, у кого не было серьезных проблем со здоровьем, 88,4% говорят о том, что детство было счастливым; среди тех, у кого были проблемы со здоровьем, о счастливом детстве сообщают 78,2%.

Эмоциональное восприятие взросления родителями

Родители в целом чаще всего связывают взросление детей с интересом или любопытством (54,3% среди родителей в целом) и гордостью (37,4%) (табл. 5).

Треть родителей (32,8%) указывает на радость, тогда как негативно окрашенные эмоции выражены заметно слабее: страх отмечают 18,4%, беспомощность — 8,5%. Фиксируется повышенный уровень тревожности как среди родителей в общей выборке, так и среди родителей детей, находящихся в ситуации уязвимости. Однако сравнение подгрупп родителей показало, что родители детей в ситуации уязвимости демонстрируют более тревожный эмоциональный профиль, среди них тревога выходит на первое место по эмоциям. Они значимо реже, чем остальные родители, говорят об интересе к процессу взросления (45,1% среди родителей детей и молодых взрослых, находящихся в ситуации уязвимости, против 58,3% среди родителей детей и молодых взрослых, не находящихся в ситуации уязвимости) и реже отмечают радость (27,1% против 35,3%). В то же время именно в этой группе

Гарифулина Э.Ш., Новикова С.Е.,
Телицына А.Ю. (2026)
Детство и взросление в ситуации
социальной уязвимости: внешняя
среда и субъективные оценки
Социальные науки и детство, 7(1), 26—43.

Garifulina E.Sh., Novikova S.E.,
Telitsyna A.Yu. (2026)
Childhood and growing up in a situation
of social vulnerability: the external
environment and subjective assessments
Social Sciences and Childhood, 7(1), 26—43.

значительно выше доля ответов, указывающих на тревогу или растерянность (59,8% против 49,8%). Это свидетельствует о том, что взросление ребенка в условиях уязвимости воспринимается родителями как более неопределенный и эмоционально напряженный процесс.

Сравнительный анализ данных опроса родителей (N = 1011) и ответов детей показывает, что родители в большей степени фокусируются на рисках и неопределенности, сопровождающих процесс взросления.

Таблица 5 / Table 5

Эмоциональное восприятие взросления родителями (N = 1011)
Parents' emotional perception of growing up (N = 1011)

Эмоциональная реакция / Emotional reaction	Родители детей и молодых взрослых в целом / All parents, % (n = 1011)	Родители детей и молодых взрослых, находящихся в ситуации уязвимости / Parents of children and young adults in vulnerable situations, % (n = 306)	Родители детей и молодых взрослых, не находящихся в ситуации уязвимости / Parents of children and young adults not in vulnerable situations, % (n = 705)
Интерес (любопытство) / Interest (curiosity)	54,3	45,1*	58,3*
Радость / Joy	32,8	27,1*	35,3*
Гордость / Pride	37,4	33,0	39,3
Страх / Fear	18,4	19,0	18,2
Беспомощность / Helplessness	8,5	10,8	7,5
Тревога (растерянность) / Anxiety (confusion)	52,8	59,8*	49,8*

Примечание: * — различия статистически значимы между подгруппами родителей (уровень значимости $\alpha = 0,05$).

Note: * — statistically significant differences (the significance level was set at $\alpha = 0,05$).

Сопоставление оценок детей и специалистов

В профессиональной группе (специалистов) наиболее распространенными эмоциями являются интерес (53,4%) и гордость (36,1%) при относительно низком уровне страха (9,3%).

Сравнение эмоциональных оценок взросления детьми и специалистами, работающими с детьми и семьями, выявило заметные различия в интенсивности переживаний. Специалисты существенно реже, чем сами дети и молодые взрослые, указывают на страх (9,3% против 30,1%) и беспомощность (2,8% против 15,4%). Также у специалистов ниже доля ответов «радость» (32,1% против 39,4%). При этом различия по показателям тревоги/растерянности, радости и гордости статистически значимыми не являются (табл. 6).

Таблица 6 / Table 6

**Эмоциональное восприятие взросления специалистами (N = 324)
в сравнении с детьми и молодыми взрослыми (N = 2279)
Emotional perceptions of growing up by professionals (N = 324)
compared with children and young adults (N = 2279)**

Эмоциональная реакция / Emotional reaction	Дети и молодые взрослые в целом / Children and young adults, % (N = 2279)	Специалисты / Specialists, % (N = 324)
Интерес / любопытство / Interest / curiosity	59,1	53,4
Радость / Joy	39,4*	32,1*
Тревога / растерянность / Anxiety / confusion	37,6	34,6
Гордость / Pride	36,9	36,1
Страх / Fear	30,1*	9,3*
Беспомощность / Helplessness	15,4*	2,8*

Примечание: * — различия статистически значимы между подгруппами (уровень значимости $\alpha = 0,05$).

Note: * — statistically significant differences (the significance level was set at $\alpha = 0,05$).

В целом можно говорить о том, что специалисты оценивают процесс взросления более сдержанно и менее эмоционально поляризованно. Их восприятие характеризуется сниженной выраженностью как ярко позитивных, так и резко негативных эмоциональных реакций по сравнению с оценками самих детей.

Обсуждение результатов

Важность поддержки семьи и сверстников

Представляется важным привлечение к обсуждениям вопросов взросления и социализации самих детей. В частности, способствовать трансляции запросов от детей с ОВЗ, инвалидностью могут профессиональные родительские сообщества, которые выступают уникальными партнерами в формировании системы поддержки детей и семей, обладая личной заинтересованностью и практическим опытом.

Результаты исследования были представлены на Всероссийском онлайн-форуме «Вместе с детьми: путешествие за горизонт», проведенном в июне 2025 года по инициативе Благотворительного фонда «Абсолют-Помощь». Участниками форума стали дети и молодые взрослые разного социального статуса и состояния здоровья, а также эксперты из более двадцати некоммерческих организаций — лидеров в сфере защиты детства. В рамках обсуждения результатов опроса участниками форума обозначалась важность поддержки как семьи, так и сверстников: отмечалось, что дети и молодые взрослые, оставшиеся без попечения родителей, дети и молодые взрослые с ОВЗ, инвалидностью оказываются без этих форм поддержки, а специалисты часто недооценивают важность данных факторов.

Устойчивость выявленных тенденций в рамках исследовательской выборки

Анализ не выявил системных перекосов в ответах респондентов по ключевым показателям из разных источников. Несмотря на ограничения, связанные с характером выборки,

Гарифулина Э.Ш., Новикова С.Е.,
Телицына А.Ю. (2026)
Детство и взросление в ситуации
социальной уязвимости: внешняя
среда и субъективные оценки
Социальные науки и детство, 7(1), 26—43.

Garifulina E.Sh., Novikova S.E.,
Telitsyna A.Yu. (2026)
Childhood and growing up in a situation
of social vulnerability: the external
environment and subjective assessments
Social Sciences and Childhood, 7(1), 26—43.

выявленные результаты могут рассматриваться как отражающие актуальные социальные переживания и институциональные изменения, связанные с современным детством в России.

Заключение

Проведенное исследование позволило рассмотреть современное детство в контексте институциональных изменений системы образования и социальной поддержки, а также выявить особенности субъективного восприятия взросления детьми и родителями. Сопоставление официальных статистических данных и результатов всероссийского онлайн-опроса показало, что структурные трансформации, связанные с ростом численности детей с инвалидностью, ограниченными возможностями здоровья и расширением инклюзивных форм обучения, разворачиваются на фоне сложных и неоднозначных эмоциональных переживаний взросления.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что процесс взросления воспринимается детьми и молодыми взрослыми не только как пространство новых возможностей, но и как источник тревоги и неопределенности. При этом родительская перспектива характеризуется более высоким уровнем тревожности, что подчеркивает различие позиций ключевых участников процесса детства.

Общая амбивалентность эмоционального фона характерна для всех групп респондентов, однако интенсивность переживаний различается: взросление для детей, находящихся в ситуации уязвимости, значимо реже связано с позитивными эмоциями (радостью, гордостью) и чаще сопровождается ощущением неопределенности и внутреннего напряжения. Родители этих детей также демонстрируют более тревожный эмоциональный профиль, что указывает на кумулятивный характер эмоциональной нагрузки внутри семьи. В то же время специалисты, взаимодействующие с детьми профессионально, склонны к более дистанцированной и менее эмоционально поляризованной оценке процесса взросления.

Результаты исследования демонстрируют необходимость комплексного анализа детства, сочетающего институциональный и субъективный уровни. Представленные данные дополняют существующие эмпирические исследования детства и создают основу для дальнейшего изучения механизмов поддержки детей и семей. На фоне общего сокращения численности детского населения в Российской Федерации наблюдается устойчивый рост числа детей с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья, что сопровождается изменением структуры образовательной системы.

1. Инклюзивные формы обучения становятся преобладающими для детей с ОВЗ и инвалидностью при одновременном сокращении числа специализированных коррекционных школ и росте коррекционных классов в составе общеобразовательных организаций.

2. Восприятие взросления детьми и молодыми взрослыми носит эмоционально неоднозначный характер и сочетает позитивные ожидания с тревожными и неопределенными переживаниями.

3. Родители демонстрируют более высокий уровень тревожности по отношению к процессу взросления детей по сравнению с самими детьми, независимо от принадлежности семей к группам, которые находятся в ситуации уязвимости.

Гарифулина Э.Ш., Новикова С.Е.,
Телицына А.Ю. (2026)
Детство и взросление в ситуации
социальной уязвимости: внешняя
среда и субъективные оценки
Социальные науки и детство, 7(1), 26—43.

Garifulina E.Sh., Novikova S.E.,
Telitsyna A.Yu. (2026)
Childhood and growing up in a situation
of social vulnerability: the external
environment and subjective assessments
Social Sciences and Childhood, 7(1), 26—43.

4. Сходство результатов, полученных через различные каналы рекрутирования респондентов, указывает на устойчивость выявленных тенденций в рамках проведенного исследования.

5. Комплексное использование статистических данных и результатов опроса позволяет более полно описать современные изменения в сфере детства и выявить ключевые направления для дальнейших исследований.

В совокупности это позволяет рассматривать взросление не только как универсальный возрастной переход, но и как социально опосредованный и неравномерно переживаемый процесс, в котором эмоциональный фон становится чувствительным индикатором социального благополучия, доступности поддержки и субъективного ощущения жизненных перспектив.

Перспективы дальнейших исследований

Результаты проведенного исследования обозначают ряд направлений для дальнейшего изучения современного детства и процессов взросления. Перспективным представляется углубленный анализ различий в восприятии взросления в зависимости от возраста, типа уязвимой ситуации и образовательного контекста, а также расширение исследовательского дизайна за счет использования качественных методов, включая интервью и фокус-группы с детьми, родителями и специалистами. Отдельного внимания требует изучение долгосрочных эффектов инклюзивных образовательных практик для социальной адаптации и психологического благополучия детей и молодых взрослых.

Кроме того, дальнейшие исследования могут быть направлены на анализ региональных различий и институциональных факторов, влияющих на опыт детства, что позволит более точно учитывать социально-экономический и культурный контекст при разработке мер поддержки детей и семей.

Ограничения. При интерпретации результатов следует учитывать, что выборка онлайн-опроса формировалась на основе доступных каналов распространения анкеты, что ограничивает возможность ее статистической репрезентативности. В опросе могли принять участие преимущественно более активные и вовлеченные пользователи цифровых платформ. Полученные данные носят ориентировочный характер и рассматриваются как выявляющие ключевые тенденции и направления для дальнейших, более углубленных исследований.

Limitations. When interpreting the results, it is important to consider that the sample for this online survey was collected via available questionnaire distribution channels, which limits its statistical representativeness. The survey may have predominantly reached more active and engaged users of digital platforms. Therefore, the findings are exploratory in nature, intended to identify key trends and directions for further, more in-depth research.

Список источников / References

1. Алехина, С.В. (2016). Инклюзивное образование: от политики к практике. *Психологическая наука и образование*, 21(1), 136—145. <https://doi.org/10.17759/pse.2016210112>
Alekhina, S.V. (2016). Inclusive Education: from Policy to Practice. *Psychological Science and Education*, 21(1), 136—145. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2016210112>

Гарифулина Э.Ш., Новикова С.Е.,
Телицына А.Ю. (2026)
Детство и взросление в ситуации
социальной уязвимости: внешняя
среда и субъективные оценки
Социальные науки и детство, 7(1), 26—43.

Garifulina E.Sh., Novikova S.E.,
Telitsyna A.Yu. (2026)
Childhood and growing up in a situation
of social vulnerability: the external
environment and subjective assessments
Social Sciences and Childhood, 7(1), 26—43.

2. Гарифулина, Э.Ш., Телицына, А.Ю. (2024). Уязвимое детство в контексте детского благополучия. *Психология и право*, 14(1), 72—88. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140105>
Garifullina, E.Sh., Telitsyna, A.Yu. (2024). Vulnerable Childhood in the Context of Children's Well-Being. *Psychology and Law*, 14(1), 72—88. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140105>
3. Костина, Л.М., Дунаевская, Э.Б., Богомягкова, В.И. (2020). Отношение младших школьников к детям с ОВЗ в инклюзивном образовании. *Комплексные исследования детства*, 2(4), 263—270. <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2020-2-4-263-270>
Kostina, L.M., Dunaevskaya, E.B., Bogomyagkova, V.I. (2020). Attitude of primary school children to children with disabilities in inclusive education. *Comprehensive Child Studies*, 2(4), 263—270. (In Russ.). <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2020-2-4-263-270>
4. Майорова-Щеглова, С.Н., Бессчетнова, О.В., Губанова, А.Ю. (2024). Взросление детей с разным уровнем здоровья: социологический анализ событийности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 24(4), 992—1012. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-4-992-1012>
Mayorova-Shcheglova, S.N., Besschetnova, O.V., Gubanova, A.Yu. (2024). Eventful growing up of children with different levels of health: A sociological analysis. *RUDN Journal of Sociology*, 24(4), 992—1012. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-4-992-1012>
5. Малофеев, Н.Н. (2018). *Специальное образование в меняющемся мире. Европа: Учебное пособие для студентов пед. вузов* (2-е изд., перераб.). М.: Просвещение.
Malofeev, N.N. (2018). *Special education in a changing world. Europe: A textbook for students of pedagogical universities* (2nd revised ed.). Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russ.).
6. Митрофанова, С.Ю. (2017). Дети как объект социогуманитарного исследования: социологический ракурс. *Вестник Санкт-Петербургского Университета. Социология*, 10(2), 160—169. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.202>
Mitrofanova, S.Yu. (2017). Children as an object of sociohumanitarian researches: a sociological perspective. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 10(2), 160—168. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.202>
7. Прищепова, И.В., Лопатина, Л.В., Баряева, Л.Б., Липакова, В.И. (Ред.). (2020). *Специальное и инклюзивное образование: теория и практика: сборник научно-методических трудов с международным участием*. СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. URL: <https://elibrary.ru/wlvqqb> (дата обращения: 15.01.2026).
Prishchepova, I.V., Lopatina, L.V., Baryaeva, L.B., Lipakova, V.I. (Eds.). (2020). *Special and inclusive education: theory and practice: a collection of scientific and methodological works with international participation*. Saint Petersburg: Publishing House of Herzen State Pedagogical University of Russia. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/wlvqqb> (viewed: 15.01.2026).
8. Семья, Г.В., Телицына, А.Ю. (2016). Роль некоммерческих организаций и института добровольчества в реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы. *Психологическая наука и образование*, 21(1), 168—183. <https://doi.org/10.17759/pse.2016210115>
Semya, G.V., Telitsyna, A.Yu. (2016). The Role of Nonprofit Organizations and Volunteer Services in the Implementation of the National Strategy on Action for Children 2012—2017.

Гарифулина Э.Ш., Новикова С.Е.,
Телицына А.Ю. (2026)
Детство и взросление в ситуации
социальной уязвимости: внешняя
среда и субъективные оценки
Социальные науки и детство, 7(1), 26—43.

Garifulina E.Sh., Novikova S.E.,
Telitsyna A.Yu. (2026)
Childhood and growing up in a situation
of social vulnerability: the external
environment and subjective assessments
Social Sciences and Childhood, 7(1), 26—43.

Psychological Science and Education, 21(1), 168—183. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17759/pse.2016210115>

9. Ткачева, В.В. (2023). *Воспитание детей с ограниченными возможностями здоровья* (2-е изд.). М.: Юрайт.
Tkacheva, V.V. (2023). *Raising children with disabilities* (2nd ed.). Moscow: Yurait Publ. (In Russ.).
10. Филипова, А.Г., Хуснутдинова, М.Р. (2022). А где же ребенок? *Комплексные исследования детства*, 4(3), 203—209. <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2022-4-3-203-209>
Filipova, A.G., Khusnutdinova, M.R. (2022). And where is the child? *Comprehensive Child Studies*, 4(3), 203—209. (In Russ.). <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2022-4-3-203-209>
11. Ainscow, M., Booth, T., Dyson, A. (2006). *Improving Schools, Developing Inclusion*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203967157>
12. Babik, I., Gardner, E.S. (2021). Factors affecting the perception of disability: A developmental perspective. *Frontiers in Psychology*, 12, Article 702166. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.702166>
13. Bronfenbrenner, U., Morris, P.A. (2006). The bioecological model of human development. In: *Handbook of Child Psychology* (6th ed.) (pp. 793—828). New York: Wiley. <https://doi.org/10.1002/9780470147658.chpsy0114>
14. Corsaro, W.A., Everitt, J.G. (2023). *The sociology of childhood*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
15. de Boer, A., Pijl, S.J., Minnaert, A. (2011). Regular primary schoolteachers' attitudes towards inclusive education: a review of the literature. *International Journal of Inclusive Education*, 15(3), 331—353. <https://doi.org/10.1080/13603110903030089>
16. Evers, A., Laville, J.L. (2004). Chapter 12: Social services by social enterprises: on the possible contributions of hybrid organizations and a civil society. In: A. Evers, J.L. Laville (Eds.). *The third sector in Europe* (pp. 237—252). Cheltenham, Gloucestershire, England: Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781843769774.00020>
17. Florian, L., Black-Hawkins, K. (2011). Exploring inclusive pedagogy. *British Educational Research Journal*, 37(5), 813—828. <https://doi.org/10.1080/01411926.2010.501096>
18. Furlong, A., Cartmel, F. (2006). *Young people and social change*. Maidenhead: McGraw-Hill Education (UK).
19. Laushey, K.M., Heflin, L.J. (2000). Enhancing social skills of kindergarten children with autism through the training of multiple peers as tutors. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 30(3), 183—193. <https://doi.org/10.1023/A:1005558101038>
20. Magnússon, G. (2019). An amalgam of ideals—images of inclusion in the Salamanca Statement. *International Journal of Inclusive Education*, 23(7-8), 677—690. <https://doi.org/10.1080/13603116.2019.1622805>
21. Narumanchi, A., Bhargava, S. (2011). Perceptions of parents of typical children towards inclusive education. *Disability, CBR & Inclusive Development*, 22(1), 120—129. <https://doi.org/10.5463/dcid.v22i1.10>
22. Oliver, M. (1990). The politics of disablement—New social movements. In: Oliver, M. *The politics of disablement* (pp. 112—131). London: Macmillan Education UK. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-20895-1>

Гарифулина Э.Ш., Новикова С.Е.,
Телицына А.Ю. (2026)
Детство и взросление в ситуации
социальной уязвимости: внешняя
среда и субъективные оценки
Социальные науки и детство, 7(1), 26—43.

Garifulina E.Sh., Novikova S.E.,
Telitsyna A.Yu. (2026)
Childhood and growing up in a situation
of social vulnerability: the external
environment and subjective assessments
Social Sciences and Childhood, 7(1), 26—43.

23. Salamon, L.M. (1995). *Partners in Public Service*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. <https://doi.org/10.56021/9780801849626>
24. Salamon, L.M. (Ed.). (2004). *The state of nonprofit America*. Washington, DC: Bloomsbury Publishing USA.
25. Scott, W.R. (2013). *Institutions and organizations: Ideas, interests, and identities*. Thousand Oaks, CA: Sage publications.
26. Shakespeare, T. (2013). *Disability Rights and Wrongs Revisited* (2nd ed.). London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315887456>
27. Slee, R. (2011). *The irregular school: Exclusion, schooling and inclusive education*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203831564>
28. Strnadova, A., Potmesil, M., Potmesilova, P. (2023). Pupils' attitudes toward inclusive education. *Children (Basel)*, 10(11), Article 1787. <https://doi.org/10.3390/children10111787>

Информация об авторах

Эльвира Шамильевна Гарифулина, кандидат социологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); исполнительный директор, Благотворительный фонд «Абсолют-Помощь» (БФ «Абсолют-Помощь»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4306-3899>, e-mail: garifulinaes@yandex.ru

Светлана Евгеньевна Новикова, руководитель направления аналитики и исследований, Благотворительный фонд «Абсолют-Помощь» (БФ «Абсолют-Помощь»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0762-0555>, e-mail: s.novikova@absolute-help.ru

Александра Юрьевна Телицына, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, доцент департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>, e-mail: atelitsyna@hse.ru

Information about the authors

Elvira Sh. Garifulina, Candidate of Science (Sociology), Associate Professor of the Department of Legal and Forensic Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education; Executive Director, Absolute-Help Charity Foundation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4306-3899>, e-mail: garifulinaes@yandex.ru

Svetlana E. Novikova, Head of Analytics and Research, Absolute-Help Charity Foundation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0762-0555>, e-mail: s.novikova@absolute-help.ru

Aleksandra Yu. Telitsyna, Candidate of Science (Biology), Senior Researcher of The Centre for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector, Associate Professor of the Department of Economics and Management in NGOs, HSE University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>, e-mail: atelitsyna@hse.ru

Гарифулина Э.Ш., Новикова С.Е.,
Телицына А.Ю. (2026)
Детство и взросление в ситуации
социальной уязвимости: внешняя
среда и субъективные оценки
Социальные науки и детство, 7(1), 26—43.

Garifulina E.Sh., Novikova S.E.,
Telitsyna A.Yu. (2026)
Childhood and growing up in a situation
of social vulnerability: the external
environment and subjective assessments
Social Sciences and Childhood, 7(1), 26—43.

Вклад авторов

Гарифулина Э.Ш. — планирование, организация и контроль за проведением исследования; сбор и анализ данных; написание рукописи.

Новикова С.Е. — идеи исследования; аннотирование; сбор и анализ данных, написание рукописи.

Телицына А.Ю. — применение статистических методов для анализа данных; визуализация результатов исследования, написание и оформление рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Elvira Sh. Garifulina — planning, organizing, and supervising the research; collecting and analyzing data; writing the manuscript.

Svetlana E. Novikova — research ideas; annotation; conducting the experiment; collecting and analyzing data, writing the manuscript.

Aleksandra Yu. Telitsyna — application of statistical methods to data analysis; visualization of research results; writing and formatting of the manuscript.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование проводилось в строгом соответствии с этическими стандартами, изложенными в Декларации Хельсинки (1964 год).

Ethics statement

The research was conducted in strict accordance with ethical standards outlined in the Helsinki Declaration (1964).

Поступила в редакцию 04.02.2026
Поступила после рецензирования 17.03.2026
Принята к публикации 23.03.2026
Опубликована 31.03.2026

Received 2026.02.04
Revised 2026.03.17
Accepted 2026.03.23
Published 2026.03.31

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ |
AGE-RELATED PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

**Диагностика эмоционального благополучия
детей старшего дошкольного возраста: оценка
надежности модифицированного комплекса методик**

Е.В. Иванова¹ ✉

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ ivanovaev@mgppu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Мониторинг эмоционального благополучия детей дошкольного возраста является важным компонентом практической работы психологов. При этом одновременно наблюдаются недостаток методических комплексов для дошкольников и возрастающая потребность исследователей в изучении проблем детского благополучия. Модифицированный комплекс методик позволяет оценивать эмоциональное благополучие дошкольника на основе анализа личностных особенностей ребенка, развития его эмоционально-волевой сферы, поведения, особенностей общения со сверстниками и взрослыми, невротических проявлений (всего 18 показателей в 5 доменах).

Цель. Эмпирическая проверка надежности и конструктивной валидности модифицированного комплекса диагностических методик для оценки эмоционального благополучия детей дошкольного возраста в условиях образовательного комплекса. **Гипотеза.** Модифицированный комплекс методик, оценивающий эмоциональное благополучие дошкольника по 18 показателям в рамках пяти доменов, является надежным и позволяет достоверно выделять группы детей с высоким, средним и низким уровнями эмоционального благополучия. **Методы и материалы.** В исследовании участвовали три группы респондентов. Для родителей применялась анкета «Психологический анамнез» (Г.В. Бурменская, в авторской модификации), дополненная рядом стандартизированных опросников. Педагогический состав участвовал в заполнении «Листа экспертной оценки» (на основе методики Л. Стотта, в адаптированной версии). Диагностическое обследование детей включало проективные и психодиагностические процедуры: тест тревожности «Выбери нужное лицо» (Р. Тэмпл, М. Дорки, В. Амен), методику «Лесенка» (в модификации А.М. Прихожан) и проективный тест «Рисунок семьи» (в адаптации А.Л. Венгера). Статистическая обработка данных выполнялась при

Иванова Е.В. (2026)
Диагностика эмоционального благополучия детей
старшего дошкольного возраста: оценка надежности
модифицированного комплекса методик
Социальные науки и детство, 7(1), 44—61.

Ivanova E.V. (2026)
Diagnostics of emotional well-being
of older preschool children: evaluation
of the reliability of a modified set of methods
Social Sciences and Childhood, 7(1), 44—61.

помощи ПО SPSS (версии 14.0, 21.0). В рамках анализа применялись: оценка нормальности распределения выборки (критерий Колмогорова — Смирнова); сравнение независимых групп по ранговым показателям (критерий Н Краскела — Уоллиса); проверка внутренней согласованности и надежности шкал (коэффициент α Кронбаха); выявление линейных взаимосвязей между количественными переменными (коэффициент корреляции Пирсона). **Результаты.** Модифицированный комплекс методик продемонстрировал достаточную надежность (коэффициент α Кронбаха = 0,919) и обнаружил значимые корреляционные связи по каждой методике и общему уровню эмоционального благополучия (интегральному показателю). Критерий Н Краскела — Уоллиса показал значимые различия для трех выделенных групп детей с разными уровнями эмоционального благополучия по всему комплексу методик. **Выводы.** Выделены три группы детей дошкольного возраста с разным уровнем эмоционального благополучия. Показано, что модифицированный комплекс методик для оценки эмоционального благополучия дошкольника продемонстрировал достаточную надежность, что позволяет использовать его в диагностике эмоционального благополучия дошкольников.

Ключевые слова: эмоциональное благополучие, комплекс методик, диагностика, психологический анамнез, карта наблюдений, дошкольники

Дополнительные данные. Наборы данных доступны по адресу: <https://ruspsydata.mgppu.ru/> при условии запроса у автора.

Для цитирования: Иванова, Е.В. (2026). Диагностика эмоционального благополучия детей старшего дошкольного возраста: оценка надежности модифицированного комплекса методик. *Социальные науки и детство*, 7(1), 44—61. <https://doi.org/10.17759/ssc.2026070103>

Diagnosics of emotional well-being of older preschool children: evaluation of the reliability of a modified set of methods

E.V. Ivanova¹ ✉

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ ivanovaev@mgppu.ru

Abstract

Context and relevance. Monitoring the emotional well-being of preschool children is an important component of psychologists' practical work. Simultaneously, there is a lack of methodological tools for preschoolers and a growing demand among researchers to study child well-being issues. The modified set of methods allows for assessing a preschooler's emotional well-being based on an analysis of the child's personal characteristics, development of their emotional-volitional sphere, behavior, communication patterns with peers and adults, and neurotic manifestations (totaling 18 indicators across 5 domains). **Objective.** Empirical validation of the reliability and construct validity of a modified diagnostic toolkit for assessing emotional well-being in preschool children within an educational complex setting. **Hypothesis.** The

Иванова Е.В. (2026)
Диагностика эмоционального благополучия детей
старшего дошкольного возраста: оценка надежности
модифицированного комплекса методик
Социальные науки и детство, 7(1), 44—61.

Ivanova E.V. (2026)
Diagnostics of emotional well-being
of older preschool children: evaluation
of the reliability of a modified set of methods
Social Sciences and Childhood, 7(1), 44—61.

modified set of methods, assessing preschoolers' emotional well-being across 18 indicators within five domains, is reliable and enables the valid identification of groups of children with high, medium, and low levels of emotional well-being. **Methods and materials.** The study involved three groups of respondents. For parents, the "Psychological Anamnesis" questionnaire (G.V. Burmenskaya, author's modification) was used, supplemented by a series of standardized questionnaires. The teaching staff participated in filling out the "Expert Assessment Sheet" (based on L. Stott's technique, adapted version). Diagnostic examination of children included projective and psychodiagnostic procedures: the anxiety test "Choose the Right Face" (R. Temml, M. Dorky, V. Amen), the "Lesenka" technique (modified by A.M. Prikhozhan) and the projective test "Family Drawing" (adapted by A.L. Venger). Statistical data processing was performed using SPSS software (versions 14.0, 21.0). The analysis included: assessment of sample distribution normality (Kolmogorov — Smirnov test); comparison of independent groups based on rank indicators (Kruskal — Wallis H test); checking internal consistency and reliability of scales (Cronbach's alpha coefficient); identification of linear relationships between quantitative variables (Pearson correlation coefficient). **Results.** The modified set of methods demonstrated sufficient reliability (Cronbach's alpha coefficient = 0,919) and revealed significant correlation links for each technique and the general level of emotional well-being (integral indicator). The Kruskal — Wallis H criterion showed significant differences for the three identified groups of children with different levels of emotional well-being across the entire set of methods. **Conclusions.** Three groups of preschool children with different levels of emotional well-being were identified. It was shown that the modified set of methods for assessing preschoolers' emotional well-being demonstrated sufficient reliability, which allows its use in diagnosing the emotional well-being of preschoolers.

Keywords: emotional well-being, set of methods, diagnostics, psychological anamnesis, observation chart, preschoolers

Supplemental data. Datasets are available at <https://ruspsydata.mgppu.ru/>, upon request from the author.

For citation: Ivanova, E.V. (2026). Diagnostics of emotional well-being of older preschool children: evaluation of the reliability of a modified set of methods. *Social Sciences and Childhood*, 7(1), 44—61. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/ssc.2026070103>

Введение

Проблема детского благополучия представляет особый интерес для исследователей детских возрастов (Зайцева и др., 2023; Иванова, Шаповаленко, 2023; Иванова, Шаповаленко, 2025; Изотова и др., 2024; Меркуль, 2022; Семья, 2023). Большинство работ сфокусировано на исследовании субъективного благополучия, однако вопрос эмоционального благополучия остается дискуссионным. На основании теоретического анализа прикладных исследований и научных концепций мы предлагаем рассматривать эмоциональное благополучие (далее – ЭБ) как феномен развития аффективной жизни ребенка, имеющий ведущее значение в сохранении и поддержке детского благополучия. Часть результатов исследования была опубликована

Иванова Е.В. (2026)
Диагностика эмоционального благополучия детей
старшего дошкольного возраста: оценка надежности
модифицированного комплекса методик
Социальные науки и детство, 7(1), 44—61.

Ivanova E.V. (2026)
Diagnostics of emotional well-being
of older preschool children: evaluation
of the reliability of a modified set of methods
Social Sciences and Childhood, 7(1), 44—61.

ранее (Иванова, 2019; Иванова, 2020; Иванова, Шаповаленко, 2023; Иванова, Шаповаленко, 2025), однако полная валидация методического комплекса представлена в данной статье впервые. Расширение возможностей диагностики эмоционального благополучия имеет высокую значимость в связи с наблюдаемым дефицитом валидных методик для дошкольников. Важными становятся разработка и применение надежного методического комплекса, позволяющего оценивать ЭБ детей дошкольного возраста, который до настоящего времени окончательно не определен.

ЭБ ребенка рассматривается как подвижный, преимущественно устойчивый, положительно окрашенный образ собственного психического состояния, включающий в себя: представления ребенка о себе и о других, о мире (знание), эмоциональный опыт (переживание), поведение (отношение), формирующийся в процессе развития и адаптации к условиям среды. Структура ЭБ описана через 5 доменов (18 показателей), на основе которых был подобран и модифицирован комплекс диагностических методик с учетом возрастных особенностей дошкольников (Иванова, Шаповаленко, 2025).

ЭБ определяется с точки зрения того, как сам ребенок как субъект своего переживания может оценивать и «проявляться» – в своей позиции, поведении, взглядах, общении через собственные эмоциональные переживания; и как это экспериментально исследовать: насколько субъективная оценка ребенком своего эмоционального состояния и своей роли в семье совпадает с внешней оценкой его переживаний и поведения со стороны родителей, педагогов.

В исследовании мы опираемся на позиции биопсихосоциального подхода при выделении показателей и сущностных характеристик ЭБ и на положения культурно-исторического подхода Л.С. Выготского (Выготский, 2024) при исследовании социальной ситуации развития ребенка с позиции его родителей (Дубровина, 2013; Дубровина, 2020). Это позволяет оставаться в рамках проблемного поля психологии развития, а не только выступать в качестве прикладного исследования. **Цель:** эмпирическая проверка надежности и конструктивной валидности модифицированного комплекса диагностических методик для оценки эмоционального благополучия детей дошкольного возраста в условиях образовательного комплекса. **Гипотеза:** модифицированный комплекс методик, оценивающий эмоциональное благополучие дошкольника по 18 показателям в рамках пяти доменов, является надежным и позволяет достоверно выделять группы детей с высоким, средним и низким уровнями эмоционального благополучия. Задачами статьи являются описание поискового этапа и этапа валидации переменных эмпирического исследования:

- 1) исследовать ЭБ ребенка дошкольного возраста и систематизировать полученные данные в форме выделения групп с различными уровнями ЭБ детей;
- 2) проверить надежность методического комплекса для оценки ЭБ детей.

Материалы и методы

Выборка. Эмпирической базой исследования были детские сады ВАО г. Москвы, входящие в образовательный комплекс (всего 441 человек).

1 группа — дети (N = 141) в возрасте от 5 до 7 лет (M = 6,12, SD = 0,66), из которых 90 мальчиков и 51 девочка.

Иванова Е.В. (2026)
Диагностика эмоционального благополучия детей
старшего дошкольного возраста: оценка надежности
модифицированного комплекса методик
Социальные науки и детство, 7(1), 44—61.

Ivanova E.V. (2026)
Diagnostics of emotional well-being
of older preschool children: evaluation
of the reliability of a modified set of methods
Social Sciences and Childhood, 7(1), 44—61.

2 группа — родители (N = 282) в возрасте от 30 до 34 лет (M = 32,67, SD = 1,55), включая 141 отца и 141 мать, уровень образования — преимущественно высшее, реже — среднее профессиональное. Все семьи полные, нуклеарные, с одним ребенком.

3 группа — педагоги дошкольного образования (N = 18) в возрасте от 38 до 40 лет (M = 39,55, SD = 0,85), из которых 3 учителя-логопеда, 1 педагог-психолог, 14 воспитателей, все респонденты женского пола с высшим образованием, стаж работы — от 10 лет.

Отметим, что первоначальный объем выборки составлял 495 человек, но анкеты 24 семей были исключены из исследования в связи с низкими показателями шкалы лжи по опроснику для родителей.

Методы. В работе с респондентами использовались анкетирование (для родителей и педагогов), проективные методы (для детей). Заполнение анкет педагогами базировалось на методе структурированного невключенного наблюдения за воспитанниками, что минимизировало риск субъективных искажений со стороны наблюдающего. Работа с родительской аудиторией предполагала самостоятельное заполнение бумажных бланков с последующей верификацией ответов в ходе индивидуальных консультаций. Подобный двухэтапный протокол обеспечил повышение достоверности данных. Выбор для детей проективных методик обусловлен психологическими особенностями дошкольников (Иванова, 2019; Farokhi, Hashemi, 2011). Были приняты во внимание известные ограничения проективных методик: недостаточная стандартизованность инструментов и вероятность влияния личностного фактора исследователя на интерпретацию результатов. Для нивелирования указанных рисков при анализе данных использовался метод триангуляции: выводы по детям коррелировались с материалами опросов родителей и педагогов.

Методический комплекс. Диагностический инструментарий был дифференцирован в соответствии с группами участников исследования и адаптирован под задачи оценки ЭБ дошкольников в рамках предложенной авторской модели.

Комплекс проективных методик для диагностики детей.

1. Тест тревожности «Выбери нужное лицо» (Р. Тэмпл, М. Дорки, В. Амен). В контексте модели позволяет диагностировать не только уровень тревожности, но и шесть ключевых параметров ЭБ: самооценку, степень удовлетворенности базовых потребностей (в общении, безопасности, защите), эмоциональный фон, характер взаимоотношений со сверстниками и взрослыми.

2. Методика «Лесенка» в модификации А.М. Прихожан (Прихожан, 2011). Направлена на оценку уверенности ребенка в себе, его самооценку, а также рефлексии восприятия собственной личности значимыми взрослыми, особенностей отношений со взрослыми.

3. Проективный тест «Рисунок семьи» в адаптации А.Л. Венгера (Венгер, 2003). Служит для выявления особенностей внутрисемейных и детско-родительских отношений, позволяя реконструировать переживания ребенком своего места в семейной системе и эмоциональное отношение к ее членам.

В работе с родителями применялась авторская анкета «Психологический анамнез», разработанная на основе рекомендаций Г.В. Бурменской по проведению интервью (Бурменская, Карабанова, Лидерс, 1990; Иванова, 2019). Инструмент предназначен для скрининга факторов риска ЭБ и оценки текущего эмоционального состояния ребенка. Анкета структурирована по трем блокам: общие социодемографические данные о ребенке и семье

Иванова Е.В. (2026)
Диагностика эмоционального благополучия детей
старшего дошкольного возраста: оценка надежности
модифицированного комплекса методик
Социальные науки и детство, 7(1), 44—61.

Ivanova E.V. (2026)
Diagnostics of emotional well-being
of older preschool children: evaluation
of the reliability of a modified set of methods
Social Sciences and Childhood, 7(1), 44—61.

(первый блок); сведения о течении беременности, родов и послеродового периода (второй блок); информация о развитии ребенка в раннем и дошкольном возрасте (третий блок). Анализ ответов второго и третьего блоков позволяет верифицировать наличие факторов риска и соотнести их с пятью доменами авторской модели ЭБ, охватывая 15 из 18 заявленных показателей.

В работе с педагогами применялся «Лист экспертной оценки» — модификация «Карты наблюдений» Л. Стотта (Гурова, Шляхта, Седова, 1992; Дубровина, 1991). Методика предназначена для диагностики факторов риска и ЭБ детей дошкольного возраста специалистами (педагогами, логопедами, психологами). Эксперт фиксирует наличие или отсутствие специфических поведенческих маркеров. В основу инструмента положены 11 симптомокомплексов (из оригинальных 16), модифицированных с учетом возрастной специфики дошкольников. Интерпретация данных осуществляется в соответствии с авторской моделью анализа ЭБ, включающей 18 показателей (Иванова, 2020).

Описание показателей и доменов. Комплекс методик по оценке ЭБ ребенка дошкольного возраста предполагал оценку по трем линиям: 1) «знание» — представление ребенка о себе и о других, о мире; 2) «переживание» — эмоциональный опыт; 3) по линии «отношение» — поведение.

Структура ЭБ (18 показателей, сгруппированных по 5 доменам).

1. Личностные характеристики: самооценка, уверенность в себе, степень удовлетворенности базовых потребностей (в общении, безопасности, защите), наличие мотивации и интереса, наличие элементарных ценностных представлений.

2. Эмоционально-волевая сфера: эмоциональный фон, настроение, уровень агрессивности, уровень тревожности, наличие страхов.

3. Коммуникативная компетентность: взаимоотношения с детьми, со взрослыми, эмпатия, умение сопереживать.

4. Особенности поведения и деятельности: фантазирование, активность в образовательной и свободной деятельности, наличие предметной и/или сюжетно-ролевой игры, самоконтроль, импульсивность.

5. Телесный дистресс: невротические проявления, телесный дистресс (Иванова, 2020; Иванова, Шаповаленко, 2025).

Процедуры. Организация эмпирического этапа осуществлялась в соответствии с требованиями выбранных диагностических методик и этическими нормами работы с несовершеннолетними. Диагностика детей проводилась в индивидуальной очной форме в специально оборудованном кабинете психолога. График встреч был составлен с учетом возрастных психофизиологических особенностей воспитанников и режима дня образовательных учреждений. Участие в исследовании носило исключительно добровольный характер. Перед началом работы от всех законных представителей детей, а также от педагогического состава были получены письменные информированные согласия на обработку персональных данных и участие в научном исследовании. Вознаграждение за участие не предусматривалось. По завершении каждому участнику (семьям и сотрудникам учреждений) была предоставлена развернутая обратная связь. Она включала индивидуальные консультации и методические рекомендации, направленные на коррекцию выявленных трудностей и поддержку эмоционального благополучия ребенка.

Обработка результатов проводилась согласно авторским схемам, включая количественный¹ и качественный характер (интерпретация открытых вопросов перед «кодированием»). Для оценки ЭБ интегральный показатель рассчитывался как сумма баллов по всем соответствующим пунктам комплекса методик.

1. Каждый из показателей определялся с помощью методик (для детей, родителей, педагогов): при наличии показателя в бланке ставится первичный балл (бинарная шкала: 1 балл — есть признак, 0 баллов — отсутствие признака).

2. Далее баллы показателей суммируются (простое суммирование) согласно авторской модели обработки результатов, образуя общий коэффициент ЭБ по каждой методике.

3. Общие баллы суммируются по всему комплексу методик и определяется уровень ЭБ каждого ребенка. Цель статистического анализа — ранжировать детей по группам риска, для чего используется нормативное (заданное авторской моделью) деление на уровни ЭБ на основе среднего арифметического. Выделяются три уровня эмоционального благополучия: высокий, средний и низкий.

Методы статистического анализа данных: анализ распределений (критерий Колмогорова — Смирнова); анализ различий (критерий Н Краскела — Уоллиса), оценка надежности и согласованности (коэффициент α Кронбаха), корреляционный анализ данных (коэффициент корреляции Пирсона). ПО SPSS (версия 14.0, 21.0).

Результаты

Общее распределение детей по уровню выраженности ЭБ (общий балл) графически представлено на рис. 1.

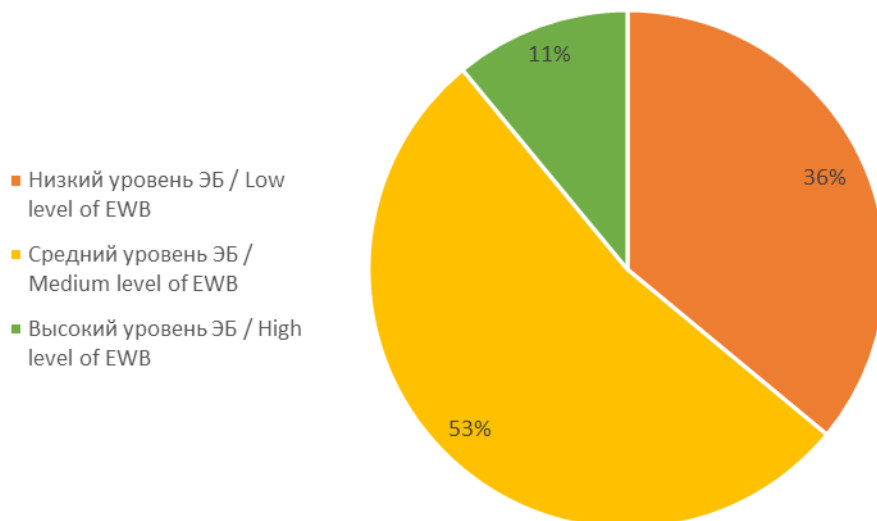

Рис. 1. Результаты распределения детей по уровню выраженности ЭБ (N = 141)

Fig. 1. Results of distribution of children by the level of severity of EWB (N = 141)

¹ Обработка представлена в репозитории психологических исследований: <https://ruspsydata.mgppu.ru/>.

Общая характеристика выборки детей с разделением по полу: низкий уровень у 36,6% мальчиков (33 чел.) и 35,2% девочек (18 чел.). У 56,6% мальчиков (51 чел.) и 47,06% девочек (24 чел.) выявлен средний уровень ЭБ. Высокий уровень ЭБ выражен у 6,67% мальчиков (6 чел.) и у 17,6% девочек (9 чел.).

Оценка надежности и валидности комплекса диагностических методик. К математическому анализу была представлена групповая матрица из 6 шкал, включающих переменные по 5 методикам и 1 переменную — итоговый уровень ЭБ (интегральный показатель ЭБ). В соответствии с логикой исследования нормальность распределения оценивалась по критерию Колмогорова — Смирнова. Согласно данным анализа, выявлено, что распределение не близко к нормальному (значимость ниже $p > 0,05$). Несмотря на отклонение распределения от нормального, использование коэффициента корреляции Пирсона было признано допустимым ввиду большого объема выборки ($N > 100$), обеспечивающего устойчивость оценок, а также необходимости сопоставления результатов с данными других исследований, использующих аналогичный параметрический аппарат.

Сравнительный анализ показателей по шкалам комплекса методик для оценки ЭБ ребенка по критерию Н Краскела — Уоллиса графически отражен на рис. 2.

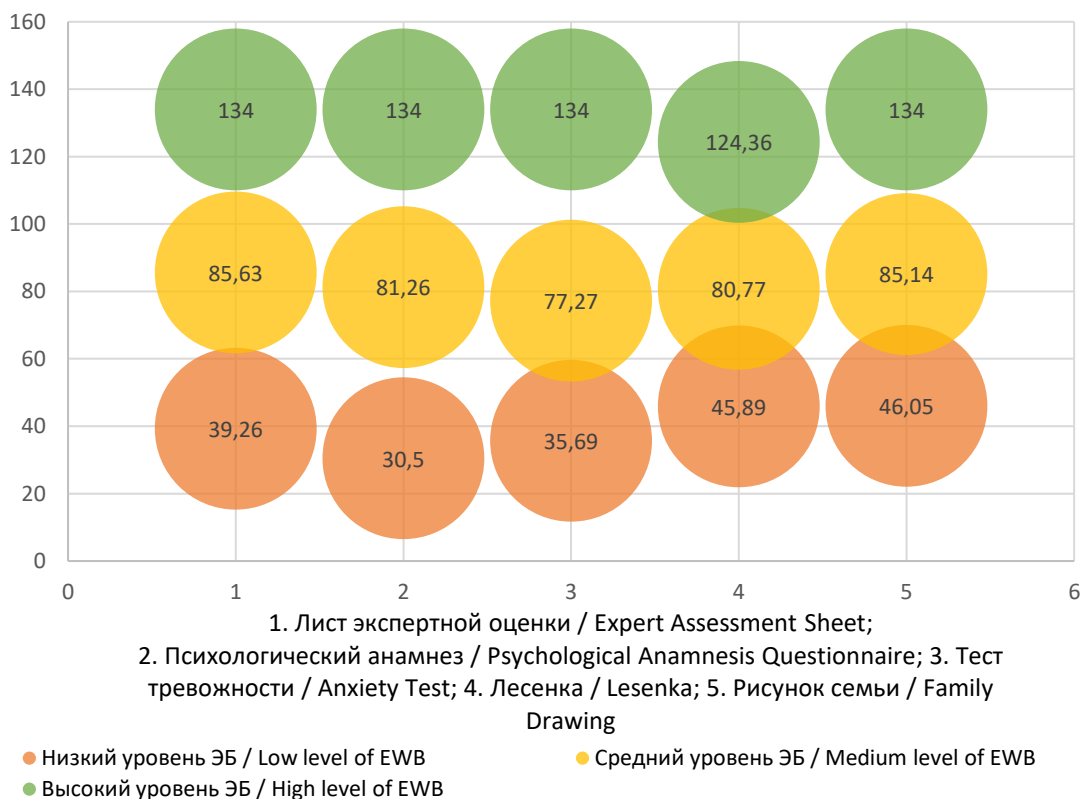

Рис. 2. Диаграмма анализа различий по критерию Н Краскела — Уоллиса для комплекса методик по оценке ЭБ ребенка

Fig. 2. Diagram of the analysis of differences according to the Kruskal — Wallis H criterion for a set of methods for assessing a child's EWB

Тест Краскела — Уоллиса был проведен по результатам данных трех групп детей с низким (А), средним (В) и высоким (С) уровнями ЭБ по всему комплексу методик и показал значимые различия.

Анализ рис. 2 показывает, что графическое представление критерия Н Краскела — Уоллиса для каждой группы детей с низким, средним и высоким уровнями ЭБ по каждой методике оценивает общую сумму перекрещивающихся зон, и очевидно, что их суммарная область наложения очень мала (по методикам «Тест тревожности», «Лесенка», «Рисунок семьи» в группах с низким и средним уровнями ЭБ), а это значит, что различия достоверны. Числовые показатели говорят о том же: различия по методике «Лист экспертной оценки» между суммами рангов 39,26 (А), 85,63 (В) и 134 (С) были существенными, $H(2, n = 141) = 90,116$, $P = 0,000$. Различия по методике «Психологический анамнез» между суммами рангов 30,50 (А), 81,26 (В) и 134 (С) были существенными, $H(2, n = 141) = 96,920$, $P = 0,000$. Различия по методике «Тест тревожности» между суммами рангов 35,69 (А), 77,27 (В) и 134 (С) были существенными, $H(2, n = 141) = 77,601$, $P = 0,000$. Различия по методике «Лесенка» между суммами рангов 45,89 (А), 80,77 (В) и 124,36 (С) были существенными, $H(2, n = 141) = 61,704$, $P = 0,000$. Различия по методике «Рисунок семьи» между суммами рангов 46,05 (А), 85,14 (В) и 134 (С) были существенными, $H(2, n = 141) = 75,817$, $P = 0,000$. Таким образом, мы можем говорить о том, что три группы детей с разным общим уровнем ЭБ (интегральным показателем), получаемым в связи с применением комплекса методик, имеют значимые, достоверные различия и выделяются не случайным образом.

Надежность и согласованность комплекса методик по оценке ЭБ ребенка исследовались с помощью коэффициента α Кронбаха и графически отображены на рис. 3.

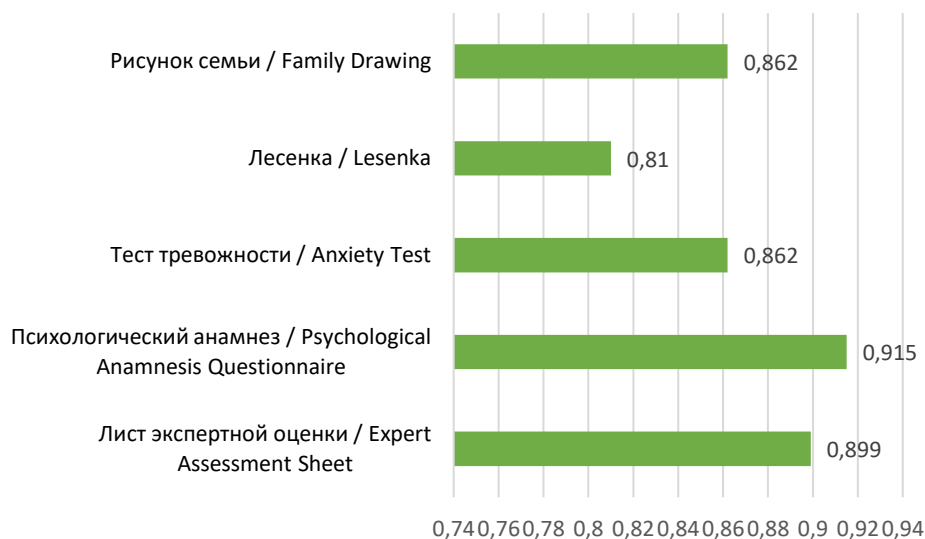

Рис. 3. Диаграмма результатов анализа комплекса методик для оценки ЭБ ребенка с помощью коэффициента α Кронбаха
Fig. 3. Diagram of the results of the analysis of a set of methods for assessing a child's EBW using the Cronbach's alpha coefficient

На уровне комплекса: общий показатель α составил 0,919, что характеризует весь набор методик как обладающий «очень высокой» надежностью.

Согласно рис. 3, на уровне отдельных методик: наивысшие значения получены для анкеты «Психологический анамнез» ($\alpha = 0,915$) и «Листа экспертной оценки» ($\alpha = 0,899$). Наименьший показатель зафиксирован для методики «Лесенка» ($\alpha = 0,810$), что остается в пределах допустимых значений («хорошая» надежность) и может объясняться малым количеством шкал в данном инструменте.

Надежность и согласованность шкал (показателей) внутри каждой методики по оценке ЭБ ребенка оценивались с помощью коэффициента α Кронбаха и графически представлены на рис. 4.

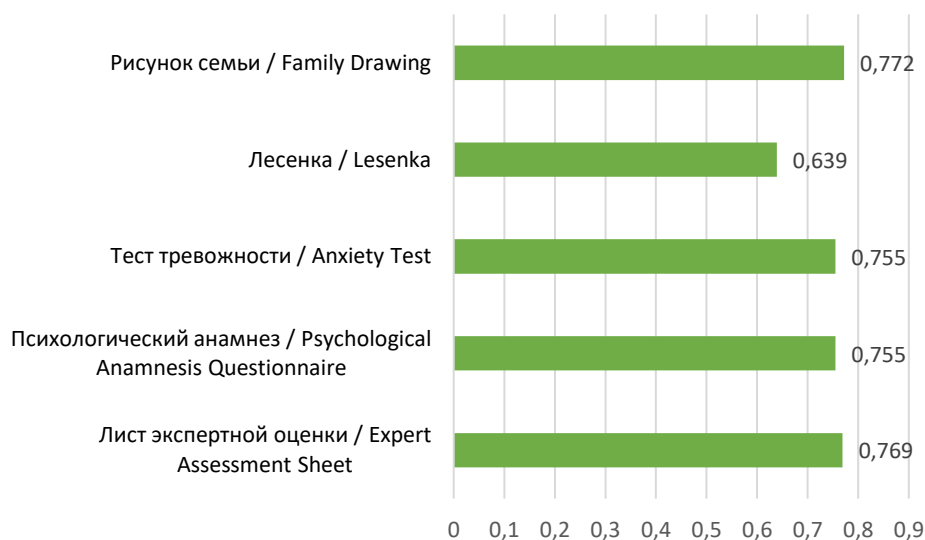

Рис. 4. Диаграмма результатов анализа шкал по методикам оценки ЭБ ребенка с помощью коэффициента α Кронбаха

Fig. 4. Diagram of analysis results of scales for the methods of assessing a child's EBW using the Cronbach's alpha coefficient

Согласно рис. 4, на уровне шкал: анализ внутренней согласованности субшкал также продемонстрировал достаточные значения ($\alpha > 0,69$). Несколько сниженные показатели по отдельным шкалам методики «Лесенка» ($\alpha = 0,693$) требуют внимания при интерпретации, однако в целом подтверждают состоятельность инструментария. Достаточная надежность и внутренняя согласованность методик позволяют проверить конструктивную валидность (конвергентную валидность) путем расчета корреляционных связей с уровнем ЭБ детей и другими диагностическими методиками с использованием параметрического коэффициента корреляции Пирсона.

Анализ корреляций по показателям методик для оценки ЭБ ребенка представлен в таблице.

Таблица / Table

**Коэффициенты корреляции показателей методик для оценки ЭБ ребенка
 (коэффициент корреляции Пирсона)
 Correlation coefficients of the indicators of the methods for assessing the child's EWB
 (Pearson correlation coefficient)**

Методики / Methods	Тест тревожности / Anxiety test	«Лесенка» / «Lesenka»	Рисунок семьи / Family drawing	Психологический анамнез / Psychological history	Уровень ЭБ ребенка / Child's EWB level
Лист экспертной оценки / Expert assessment sheet	0,742**	0,485**	0,550**	0,652**	0,817**
Тест тревожности / Anxiety test		0,537**	0,578**	0,616**	0,760**
«Лесенка» / «Lesenka»			0,530**	0,566**	0,680**
Рисунок семьи / Family drawing				0,715**	0,757**
Психологический анамнез / Psychological history					0,845**

Примечание: ** — корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя).

Note: ** — correlation is significant at the 0,01 level (two-sided).

Из представленной таблицы видно, что все методики комплекса демонстрируют высокие положительные корреляционные связи как между собой (r варьируется от 0,48 до 0,74, $p \leq 0,01$), так и с интегральным показателем ЭБ (r от 0,68 до 0,85, $p \leq 0,01$).

Наиболее тесная связь с общим уровнем ЭБ обнаружена у методик «Психологический анамнез» ($r = 0,845$) и «Лист экспертной оценки» ($r = 0,817$), что подтверждает их ведущую роль в диагностике. Методика «Лесенка» имеет наименьший, но статистически значимый коэффициент связи ($r = 0,680$). То есть чем более благополучные результаты показывают дети по комплексу подобранных нами проективных методик, а также чем более благоприятная картина их эмоционального состояния и поведения наблюдается на основании разработанных анкет — наблюдений для родителей и педагогов, тем достоверно выше их общий уровень ЭБ. То есть конструктивная валидность (конвергентная валидность) методик «Психологический анамнез» и «Лист экспертной оценки» для данной выборки достаточная.

Дополнительно проводился корреляционный анализ шкал (показателей) внутри каждой из представленных методик, который также подтвердил конструктивную валидность (конвергентную валидность) по большинству показателей/шкал внутри каждой из методик. Однако исключения составили показатели в методике «Психологический анамнез»: «наличие элементарных ценностных представлений», «взаимоотношения со взрослыми»; показатели в методике «Лист экспертной оценки»: «активность в образовательной и свободной деятельности», «наличие предметной и/или сюжетно-ролевой игры», «невротические проявления/телесный дистресс»; показатели в методике «Рисунок семьи»: «эмоциональный фон» и «импульсивность», требующие дальнейшей проверки и уточнения.

Таким образом, выделенные нами показатели ЭБ ребенка и подобранные по ним методики показывают достаточную надежность и внутреннюю согласованность. Тем не менее

Иванова Е.В. (2026)
Диагностика эмоционального благополучия детей
старшего дошкольного возраста: оценка надежности
модифицированного комплекса методик
Социальные науки и детство, 7(1), 44—61.

Ivanova E.V. (2026)
Diagnostics of emotional well-being
of older preschool children: evaluation
of the reliability of a modified set of methods
Social Sciences and Childhood, 7(1), 44—61.

необходимы уточнение полученных результатов на более широкой выборке и валидизация подобранного комплекса с учетом полученных результатов корреляционного анализа по шкалам методик.

Обсуждение результатов

В результате проведенного исследования гипотеза нашла свое подтверждение: модифицированный комплекс методик, оценивающий ЭБ дошкольника по 18 показателям в рамках пяти доменов, является надежным и позволяет достоверно выделять группы детей с высоким, средним и низким уровнями ЭБ. Предложенная модель диагностики может использоваться психологом образовательного учреждения в качестве мониторинга ЭБ, личностных особенностей детей, анализа психологического климата в семье, выделения факторов риска в развитии дошкольников. Участие в диагностической работе педагогов в качестве экспертов помогает не только дать более полную информацию о состоянии детей, но и скоординировать совместную работу психолога с педагогами (консультации по вопросам развития детей, круглые столы, практическая помощь, психологическое просвещение, оптимизация педагогического стиля общения с детьми группы риска и т. д.).

Отметим, что методики «Психологический анамнез», «Рисунок семьи» показывают особенности социальной ситуации развития ЭБ ребенка в семье с точки зрения его родителей. Методика «Лист экспертной оценки» преимущественно описывает ситуацию в группе ДОО и деятельность ребенка, его поведенческие (внешние) проявления с точки зрения педагогов; методики «Лесенка», «Тест тревожности» выявляют позицию самого ребенка и его самоотношение, что является тенденцией в современных зарубежных исследованиях — анализ детских проблем развития прежде всего «глазами ребенка» (Веракса, Белолуцкая, 2021; England-Mason et al., 2023; Steger, Evans, Wee, 2021; Wei, 2023).

Надежность комплекса позволяет дать содержательное описание групп дошкольников с разными уровнями ЭБ согласно выделенным показателям и определению нами понятия эмоционального благополучия как образа собственного психического состояния, включающего в себя: представления ребенка о себе и о других, о мире (знание), эмоциональный опыт (переживание), поведение (отношение) (Иванова, Шаповаленко, 2025).

Таким образом, в *первой группе низкоблагополучных детей выделяются следующие особенности.*

По линии «знание». Умеренный интерес и активность в игровой деятельности; низкая активность в образовательной деятельности; бедность ценностных представлений; частые невротические проявления, тревога, страхи, которые беспокоят ребенка и приводят к трудностям во взаимоотношениях со взрослыми и нарушениям самооценки — ребенок описывает себя как «плохого», наблюдается ожидание негативной оценки со стороны значимых взрослых (требует поддержки и одобрения, выражает неуверенность в своих действиях, особенно при столкновении с новой задачей, либо, напротив, выражает крайнюю самоуверенность и не относится критически к своим ответам или ошибкам).

По линии «переживание». Недостаточно удовлетворенные потребности в безопасности, общении и защите; нестабильный эмоциональный фон и настроение; редко могут проявлять сочувствие, характерен низкий уровень эмпатии: дети затрудняются в принятии позиции другого даже при прямом обучении этому навыку, ориентированы только на свое состояние и потребности; наблюдается феномен ригидного фантазирования — в течение дня ребенок

Иванова Е.В. (2026)
Диагностика эмоционального благополучия детей
старшего дошкольного возраста: оценка надежности
модифицированного комплекса методик
Социальные науки и детство, 7(1), 44—61.

Ivanova E.V. (2026)
Diagnostics of emotional well-being
of older preschool children: evaluation
of the reliability of a modified set of methods
Social Sciences and Childhood, 7(1), 44—61.

постоянно фантазирует об одном и том же игровом сюжете, действует согласно принятой им роли в нем, называет и ведет себя в соответствии с выбранным персонажем, общается с воображаемым «другом», не обращая внимание на окружающую его реальность, либо взаимодействует с окружающими, исходя из воображаемой роли (Иванова, 2020). Важно отличать такое «патологическое» фантазирование от обычной игровой фантазии ребенка, исследуя интенсивность, частоту фантазирования, возраст ребенка, переход от фантазии к реальности.

По линии «отношение». Сниженный самоконтроль; повышенная импульсивность, агрессивность, неуверенность в себе и частые нарушения взаимоотношений со сверстниками; выделяется слабо развитая мотивация и интерес к игровой и образовательной деятельности; фиксируются проявления телесного дистресса.

Вторая группа среднеблагополучных детей характеризуется умеренным уровнем эмоционального благополучия с признаками ситуативной нестабильности.

По линии «знание». Достаточно стабильная самооценка (ребенок уверен в том, что близкие взрослые хорошо к нему относятся, но также описывает, что иногда ведет себя «плохо», но родители все равно считают его «хорошим»), уверенно приступает к выполнению заданий, не нуждается в усиленной поддержке и внимании со стороны психолога-диагноста, рисунки крупные, занимают центральную часть листа); средняя активность и интерес в игровой деятельности, но низкая активность в образовательной деятельности; средний уровень элементарных ценностных представлений и средний уровень общения со взрослыми, например, наблюдаются попытки настоять на своем, проявить упорство, негативизм по отношению к требованиям взрослых, что приводит к повышению тревожности, невротическим проявлениям, однако фиксируется снижение количества страхов.

По линии «переживание». Стабильный эмоциональный фон и настроение; редкий «уход» в ригидное фантазирование; но по-прежнему нарушения потребностной сферы (в общении, безопасности, защите); низкий уровень эмпатии.

По линии «отношение». Выраженная высокая мотивация; благополучные взаимоотношения со сверстниками; наблюдается умеренная импульсивность; повышенная агрессия и в совокупности низкий самоконтроль.

Третья группа высокоблагополучных детей характеризуется устойчивым высоким уровнем эмоционального благополучия.

По линии «знание». Стабильная самооценка (самооценка себя как в целом хорошего); сформированные ценностные представления; средняя активность в образовательной и свободной деятельности; высокий интерес в игровой деятельности; благополучные взаимоотношения со взрослыми; умеренная тревожность и низкий уровень страхов; низкий уровень невротических проявлений (необходимо подчеркнуть, что невротические проявления являются маркером неблагополучия).

По линии «переживание». Удовлетворенные потребности в безопасности, общении и защите; стабильный эмоциональный фон и настроение; выраженная эмпатичность; низкий уровень (ригидного) фантазирования.

По линии «отношение». Средний уровень мотивации; благоприятные взаимоотношения с детьми; низкий уровень агрессии; уверенность в себе; при этом отмечается низкий

Иванова Е.В. (2026)
Диагностика эмоционального благополучия детей
старшего дошкольного возраста: оценка надежности
модифицированного комплекса методик
Социальные науки и детство, 7(1), 44—61.

Ivanova E.V. (2026)
Diagnostics of emotional well-being
of older preschool children: evaluation
of the reliability of a modified set of methods
Social Sciences and Childhood, 7(1), 44—61.

самоконтроль и повышенная импульсивность поведения, что отличает их от группы среднеблагополучных детей (Иванова, 2020).

Отметим, что ребенок с высоким уровнем эмоционального благополучия имеет более дифференцированную самооценку, вероятно, зависящую от того, как воспринимают его окружающие и как он сам себя воспринимает, он более требователен к себе, при этом периодически появляющиеся сложные для него внутренние переживания-противоречия создают риск импульсивного поведения, сложности в контроле над собой при вмешательстве в этот период другого человека или обстоятельств. Подчеркнем, что повышенная импульсивность у современных детей отмечается и в других исследованиях, но при этом она не снижает их уровень благополучия (Wei, 2023).

Заключение

Используя комплекс данных методик, становится возможным оперативно и на ранних этапах выявить детей группы риска и спланировать профилактическую коррекционно-развивающую работу, привлекая педагогов и родителей, что подтверждается следующими выводами.

1. Модифицированный комплекс методик для диагностики ЭБ дошкольника по 5 доменам, включающим 18 показателей, демонстрирует достаточную надежность (α Кронбаха = 0,919), значимые корреляционные связи выявлены между интегральным (общим) показателем ЭБ и показателями по каждой методике, что также подтверждает надежность комплекса.

2. Согласно интегральному показателю уровня ЭБ выделены и описаны три группы детей с разными уровнями ЭБ, значимость различий подтверждена с помощью критерия Н Краскела — Уоллиса.

Перспективами исследования выступает дальнейшая апробация модифицированного комплекса методик на более широкой выборке детей дошкольного возраста и их родителях для повышения его доказательности и успешного использования в детских учреждениях с целью профилактики эмоционального благополучия.

Ограничения. Поскольку выборка ограничена жителями Москвы, результаты требуют осторожной интерпретации при экстраполяции на другие группы.

Limitations. Given that the sample was drawn from Moscow residents, the results should be interpreted with caution when extrapolated to other demographic groups.

Список источников / References

1. Бурменская, Г.В., Карабанова, О.А., Лидерс, А.Г. (1990). *Возрастно-психологическое консультирование. Проблемы психического развития детей*. М.: МГУ.
Burmenskaya, G.V., Karabanova, O.A., Liders, A.G. (1990). *Age-psychological counseling. Problems of children's mental development*. Moscow: Moscow State University Publ. (In Russ.).
2. Венгер, А.Л. (2003). *Психологические рисуночные тесты: Иллюстрированное руководство*. М.: Владос-пресс.
Venger, A.L. (2003). *Psychological drawing tests: Illustrated guide*. Moscow: Vlados-press. (In Russ.).
3. Веракса, Н.Е., Белолуцкая, А.К. (2021). Эмоциональное и когнитивное развитие детей дошкольного возраста: анализ зарубежных и российских исследований роли

Иванова Е.В. (2026)
Диагностика эмоционального благополучия детей
старшего дошкольного возраста: оценка надежности
модифицированного комплекса методик
Социальные науки и детство, 7(1), 44—61.

Ivanova E.V. (2026)
Diagnostics of emotional well-being
of older preschool children: evaluation
of the reliability of a modified set of methods
Social Sciences and Childhood, 7(1), 44—61.

- диалектического мышления в регуляции аффекта и распознавании сложных чувств. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, 18(1), 104—121. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-1-104-121>
- Veraksa, N.E., Belolutskaaya, A.K. (2021). Emotional and cognitive development of preschool children: Overview of international and Russian studies on role of dialectical thinking in the regulation of affect and recognition of complex feelings. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 18(1), 104—121. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-1-104-121>. (In Russ.).
4. Выготский, Л.С. (2024). *Лекции по психологии. Мышление и речь*. М.: Юрайт.
Vygotsky, L.S. (2024). *Lectures on Psychology. Thinking and Speech*. Moscow: Urayt Publishing House. (In Russ.).
 5. Гурова, Е.В., Шляхта, Н.Ф., Седова, Н.Н. (1992). *Диагностика психического развития детей: Учебно-методическое пособие к курсу «Возрастная психология»*. М.: Институт молодежи.
Gurova, E.V., Shlyakhta, N.F., Sedova, N.N. (1992). *Diagnostics of Children's Mental Development: Methodological Handbook for the Course "Age Psychology"*. Moscow: Institute of Youth Publ. (In Russ.).
 6. Дубровина, И.В. (2013). Идеи Л.С. Выготского о содержании детской практической психологии. *Психологическая наука и образование psyedu.ru*, 5(3), 254—263. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2013_n3/62528 (дата обращения: 20.05.2025).
Dubrovina, I.V. (2013). Vygotsky's ideas about the content of children's practical psychology. *Psychological Science and Education psyedu.ru*, 5(3), 254—263. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2013_n3/62528 (viewed: 20.05.2025).
 7. Дубровина, И.В. (2020). Феномен «психологическое благополучие» в контексте социальной ситуации развития. *Вестник практической психологии образования*, 17(3), 9—21. <https://doi.org/10.17759/bppe.2020170301>
Dubrovina, I.V. (2020). The Phenomena of “Psychological Well-Being” in the Context of the Social Situation of Development. *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 17(3), 9—21. <https://doi.org/10.17759/bppe.2020170301> (In Russ.).
 8. Дубровина, И.В. (Ред.). (1991). *Рабочая книга школьного психолога*. М.: Просвещение. URL: <https://www.elibrary.ru/xhwzkh> (дата обращения: 20.05.2025).
Dubrovina, I.V. (Ed.). (1991). *Workbook of a school psychologist*. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/xhwzkh> (viewed: 20.05.2025).
 9. Зайцева, Н.Г., Зайцев, Г.О., Ослон, В.Н., Семья, Г.В. (2023). Визуализация оценки субъективного благополучия подростков. *Социальные науки и детство*, 4(3), 7—31. <https://doi.org/10.17759/ssc.2023040301>
Zaitseva, N.G., Zaitsev, G.O., Oslon, V.N., Semya, G.V. (2023). Visualization of the assessment of subjective well-being of adolescents. *Social Sciences and Childhood*, 4(3), 7—31. <https://doi.org/10.17759/ssc.2023040301> (In Russ.).
 10. Иванова, Е.В. (2019). Жизнестойкость родителей и эмоциональное благополучие их детей дошкольного возраста в контексте современного образования. *Качество. Инновации. Образование*, 1(159), 21—30. <https://doi.org/10.31145/1999-513x-2019-1-21-30>
Ivanova, E.V. (2019). The parental resilience and emotional well-being of preschool children in

Иванова Е.В. (2026)
Диагностика эмоционального благополучия детей
старшего дошкольного возраста: оценка надежности
модифицированного комплекса методик
Социальные науки и детство, 7(1), 44—61.

Ivanova E.V. (2026)
Diagnostics of emotional well-being
of older preschool children: evaluation
of the reliability of a modified set of methods
Social Sciences and Childhood, 7(1), 44—61.

the context of modern education. *Quality. Innovations. Education*, 1(159), 21—30. (In Russ.).
<https://doi.org/10.31145/1999-513x-2019-1-21-30>

11. Иванова, Е.В. (2020). Эмоциональное благополучие детей дошкольного возраста и жизнестойкость родителей. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*, 26(1), 96—103.
<https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-1-96-103>
Ivanova, E.V. (2020). The emotional well-being of preschool children and parental resilience. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 26(1), 96—103. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-1-96-103> (In Russ.).
12. Иванова, Е.В., Шаповаленко, И.В. (2023). Проблема психологического и эмоционального благополучия детей и жизнестойкости их родителей в современных зарубежных исследованиях. *Современная зарубежная психология*, 12(3), 52—63.
<https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120305>
Ivanova, E.V., Shapovalenko, I.V. (2023). The problem of psychological and emotional well-being of children and resilience of parents in modern foreign studies. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 12(3), 52—63. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120305>
13. Иванова, Е.В., Шаповаленко, И.В. (2025). Психологические характеристики родителей и эмоциональное благополучие дошкольников. *Психолого-педагогические исследования*, 17(1), 3—17. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2025170101>
Ivanova, E.V., Shapovalenko, I.V. (2025). Psychological characteristics of parents and emotional well-being of preschool children. *Psychological and Pedagogical Studies*, 17(1), 3—17. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psyedu.2025170101>
14. Изотова, Е.И., Бурлакова, И.А., Никифорова, О.В., Коршунова, Н.С. (2024). Критериальное поле и диагностические инструменты определения эмоционального благополучия детей дошкольного возраста в семье и образовательной организации. *Психолого-педагогические исследования*, 16(3), 122—140.
<https://doi.org/10.17759/psyedu.2024160308>
Izotova, E.I., Burlakova, I.A., Nikiforova, O.V., Korshunova, N.S. (2024). Criteria Field and Diagnostic Tools for Determining the Emotional Well-Being of Preschool Children in the Family and Educational Organization. *Psychological and Pedagogical Studies*, 16(3), 122—140. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psyedu.2024160308>
15. Меркуль, И.А. (2022). Индекс детского благополучия в России: актуальные вопросы, разработки и перспективы развития (обзор по итогам международной научно-практической конференции «Перспективы внедрения индекса детского благополучия в России»). *Социальные науки и детство*, 3(2—3), 139—147.
<https://doi.org/10.17759/ssc.2022030210>
Merkul, I.A. (2022). Index of Child Well-being in Russia: Current Issues of Development and Development Prospects (Review of the Results of the International Scientific and Practical Conference “Prospects for the Introduction of the Index of Child Well-being in Russia”). *Social Sciences and Childhood*, 3(2—3), 139—147. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/ssc.2022030210>
16. Прихожан, А.М. (2011). *Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст* (2-е изд.). СПб: Питер.

Иванова Е.В. (2026)
Диагностика эмоционального благополучия детей
старшего дошкольного возраста: оценка надежности
модифицированного комплекса методик
Социальные науки и детство, 7(1), 44—61.

Ivanova E.V. (2026)
Diagnostics of emotional well-being
of older preschool children: evaluation
of the reliability of a modified set of methods
Social Sciences and Childhood, 7(1), 44—61.

Prikhozhan, A.M. (2011). *Psychology of anxiety: preschool and school age* (2nd ed.). Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.).

17. Семья, Г.В. (2023). Безопасность и благополучие детей социально уязвимых категорий. *Психология и право*, 13(4), 237—238. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130400>
Semya, G.V. (2023). Safety and Well-Being of Socially Vulnerable Children. *Psychology and Law*, 13(4), 237—238. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130400>
18. England-Mason, G., Andrews, K., Atkinson, L., Gonzalez, A. (2023). Emotion socialization parenting interventions targeting emotional competence in young children: A systematic review and meta-analysis of randomized controlled trials. *Clinical Psychology Review*, 100, Article 102252. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2023.102252>
19. Farokhi, M., Hashemi, M. (2011). The Analysis of Children's Drawings: Social, Emotional, Physical, and Psychological Aspects. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 30, 2219—2224. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.10.433>
20. Steger, A., Evans, E., Wee, B. (2021). Emotional cartography as a window into children's well-being: Visualizing the felt geographies of place. *Space and Society*, 39, Article 100772. <https://doi.org/10.1016/j.emospa.2021.100772>
21. Wei, G. (2023). Children's perezhivaniya and agency during the COVID-19 pandemic: Narrative research from China. *Learning, Culture and Social Interaction*, 38, Article 100683. <https://doi.org/10.1016/j.lcsi.2022.100683>

Информация об авторах

Евгения Вячеславовна Иванова, старший преподаватель кафедры «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обуховой», факультет «Психология образования», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6781-4445>, e-mail: ivanovaev@mgppu.ru

Information about the authors

Evgeniya V. Ivanova, Senior Lecturer of the Department of Developmental Psychology named after Professor L.F. Obukhova, Faculty of Education Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6781-4445>, e-mail: ivanovaev@mgppu.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование проводилось в строгом соответствии с этическими стандартами, изложенными в Декларации Хельсинки (1964 год).

Иванова Е.В. (2026)
Диагностика эмоционального благополучия детей
старшего дошкольного возраста: оценка надежности
модифицированного комплекса методик
Социальные науки и детство, 7(1), 44—61.

Ivanova E.V. (2026)
Diagnostics of emotional well-being
of older preschool children: evaluation
of the reliability of a modified set of methods
Social Sciences and Childhood, 7(1), 44—61.

Ethics statement

The research was conducted in strict accordance with ethical standards outlined in the Helsinki Declaration (1964).

Поступила в редакцию 17.02.2026
Поступила после рецензирования 26.03.2026
Принята к публикации 27.03.2026
Опубликована 31.03.2026

Received 2026.02.17
Revised 2026.03.26
Accepted 2026.03.27
Published 2026.03.31

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ |
AGE-RELATED PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

**Теория привязанности в контексте семейного консультирования:
современные зарубежные подходы к работе
с детско-родительскими и супружескими диадами**

М.Ю. Козлов¹ ✉

¹ Психиатрическая клиническая больница № 4 им. П.Б. Ганнушкина Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Российская Федерация

✉ 42Oi33@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Консультирование по вопросам семейно-супружеских и детско-родительских отношений является сложной областью практики, требующей надежных теоретических оснований для управления диадическими процессами. В последние годы теория привязанности утвердилась как одна из наиболее исчерпывающих концепций развития социально-эмоционального познания, базис для множества современных психотерапевтических направлений. **Цель.** Систематизировать данные современных зарубежных исследований о применении теории привязанности в семейном консультировании детско-родительских и супружеских диад. **Гипотеза.** Интеграция теории привязанности в семейное консультирование способствует повышению эффективности интервенций при работе с диадическими проблемами. **Методы и материалы.** Проведен аналитический обзор зарубежной и отечественной литературы за период с 2000 по 2024 год. Поиск источников осуществлялся в рецензируемых базах данных (PubMed, Scopus, Web of Science) по ключевым словам: «attachment theory», «family counseling», «family therapy». Критерии включения: эмпирические исследования эффективности протоколов, опубликованные в рецензируемых журналах. **Результаты.** Выделены ключевые направления (ABFT, EFFT, нарративная терапия привязанности), доказавшие свою эффективность в работе с подростковой депрессией, суицидальным риском и супружеским дистрессом. Установлено, что удовлетворенность потребностей в безопасности и эмоциональной доступности выступает ключевым медиатором терапевтических изменений, тогда как игнорирование стилей привязанности снижает прогностическую успешность интервенций. **Выводы.** Теория привязанности является валидной методологической платформой для семейной психотерапии. Рекомендовано внедрение диагностики стилей привязанности в стандартный

Козлов М.Ю. (2026)
Теория привязанности в контексте
семейного консультирования: современные
зарубежные подходы к работе с детско-
родительскими и супружескими диадами
Социальные науки и детство, 7(1), 62—81.

Kozlov M.Yu. (2026)
Attachment theory in the context
of family counseling: contemporary
international approaches to working
with parent-child and marital dyads
Social Sciences and Childhood, 7(1), 62—81.

протокол семейного консультирования для повышения точности мишеней
вмешательства и улучшения психологического благополучия членов семьи.

Ключевые слова: теория привязанности, семейное консультирование,
психотерапия, детско-родительские отношения, семейно-супружеские
дисгармонии

Для цитирования: Козлов, М.Ю. (2026). Теория привязанности в контексте семейного
консультирования: современные зарубежные подходы к работе с детско-родительскими и
супружескими диадами. *Социальные науки и детство*, 7(1), 62—81.
<https://doi.org/10.17759/ssc.2026070104>

Attachment theory in the context of family counseling: contemporary international approaches to working with parent-child and marital dyads

M.Yu. Kozlov¹ ✉

¹ Psychiatric Clinical Hospital No. 4 named after P.B. Gannushkin of the Moscow City Department
of Health, Moscow, Russian Federation

✉ 42Oi33@mail.ru

Abstract

Context and relevance. Counseling focused on marital and parent-child relationships is a complex area of practice requiring robust theoretical frameworks for navigating dyadic processes. In recent years, attachment theory has emerged as one of the most comprehensive frameworks for socio-emotional development, serving as a foundation for numerous contemporary psychotherapeutic approaches. **Objective.** To systematize findings from contemporary international research on the application of attachment theory within family counseling for parent-child and marital dyads. **Hypothesis.** The integration of attachment theory into family counseling enhances the efficacy of interventions addressing dyadic issues. **Methods and materials.** An analytical review of international and domestic literature published between 2000 and 2024 was conducted. The literature search was performed using peer-reviewed databases (PubMed, Scopus, Web of Science) with the keywords: "attachment theory", "family counseling", "family therapy". Inclusion criteria included empirical studies evaluating protocol efficacy published in peer-reviewed journals. **Results.** Key approaches (ABFT, EFFT, attachment-based narrative therapy) demonstrating efficacy in addressing adolescent depression, suicide risk, and marital distress were identified. The fulfillment of needs for security and emotional accessibility was established as a key mediator of therapeutic change, whereas neglecting attachment styles reduces the predictive success of interventions. **Conclusions.** Attachment theory constitutes a valid methodological framework for family psychotherapy. It is recommended to incorporate attachment style assessment into standard family counseling protocols to

Козлов М.Ю. (2026)
Теория привязанности в контексте
семейного консультирования: современные
зарубежные подходы к работе с детско-
родительскими и супружескими диадами
Социальные науки и детство, 7(1), 62—81.

Kozlov M.Yu. (2026)
Attachment theory in the context
of family counseling: contemporary
international approaches to working
with parent-child and marital dyads
Social Sciences and Childhood, 7(1), 62—81.

increase the precision of intervention targets and improve the psychological well-being of family members.

Keywords: attachment theory, family counseling, psychotherapy, parent-child relationships, marital and family discord

For citation: Kozlov, M.Yu. (2026). Attachment theory in the context of family counseling: contemporary international approaches to working with parent-child and marital dyads. *Social Sciences and Childhood*, 7(1), 62—81. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/ssc.2026070104>

Введение

Теория привязанности остается незаменимым возрастно-психологическим конструктом, который определяет развитие личности начиная с раннего детства и сохраняет влияние на протяжении всего жизненного пути. Фундаментальные положения теории, заложенные Дж. Боулби, изначально рассматривали привязанность как основу здорового онтогенеза личности. В данном обзоре мы фокусируемся на современном развитии этих идей (2000—2024 гг.) в рамках семейного консультирования детско-родительских и супружеских диад. Оригинальные работы основателя теории выходят за рамки временных критериев поиска, но их концептуальное наследие прослеживается во всех рассматриваемых подходах. Теория привязанности описывает процессы формирования эмоциональных связей ребенка со значимыми взрослыми, преимущественно родителями или иными первичными опекунами, и последующую динамику этих связей в иных межличностных отношениях. В последние десятилетия исследования теории привязанности вышли на новый уровень и приняли по-настоящему междисциплинарный характер. В настоящий момент в разработку теории о развитии внутренних рабочих моделей (надежной, избегающей, тревожной и амбивалентной) вовлечены самые различные области науки. Генетиками в близнецовых исследованиях показан важный вклад не только психосоциальных, но и наследственных факторов (Picardi, Giuliani, Gigantesco, 2020), появляются крупные полногеномные исследования в этой области, позволяющие увидеть конкретные гены, обеспечивающие поведение привязанности (Erkoreka et al., 2021). Параллельно обрисовывается нейрональная структура поведения привязанности (префронтальные структуры, вовлеченные в процессы когнитивной и аффективной ментализации, и субкортикальные зоны, регулирующие процессы социального приближения и избегания) (Vrtička, Vuilleumie, 2015). Исследования эволюционной психологии проясняют «трансмиссионную проблему» (проблему передачи типа привязанности от родителя к ребенку) (Barbaro et al., 2016), интерпретируют данные феномены с точки зрения эволюционно стабильных стратегий поведения (Granqvist, 2021). Многочисленные исследования, расширяющие и углубляющие наше понимание привязанности, не могут оставить без внимания практические аспекты и со временем должны дополнить и улучшить известные способы работы с непосредственными и отсроченными негативными эффектами ненадежной привязанности. В области клинической психологии и психотерапии теория привязанности все чаще привлекает внимание исследователей, в работе на выборке в почти 3000 человек было показано, что небезопасный тип привязанности является неспецифическим фактором риска в том числе и для развития больших эндогенных психозов (Herstell et al., 2021), что ставит ее в один ряд с такими неспецифическими факторами, как алиментарная недостаточность, последствия нейровоспалительных процессов или черепно-мозговых травм. Не говоря уже о

Козлов М.Ю. (2026)
Теория привязанности в контексте
семейного консультирования: современные
зарубежные подходы к работе с детско-
родительскими и супружескими диадами
Социальные науки и детство, 7(1), 62—81.

Kozlov M.Yu. (2026)
Attachment theory in the context
of family counseling: contemporary
international approaches to working
with parent-child and marital dyads
Social Sciences and Childhood, 7(1), 62—81.

хорошо известно, предрасполагающем и сенсibiliзирующем влиянии небезопасной привязанности на аффективные расстройства, прежде всего депрессивные (Spruit et al., 2020), тревожные (Kerns, Brumariu, 2014), личностные (Levy et al., 2015) и даже на развитие химических и поведенческих зависимостей (Strathearn et al., 2019). С другой стороны, надежная привязанность выступает ресурсом позитивного возрастного развития, способствуя формированию жизнестойкости, эмоциональной регуляции и успешной социальной адаптации в сензитивные периоды детства и подросткового возраста (Авдеева, 2017). К сожалению, исследования чаще носят обсервационный и описательный характер, а математический анализ чаще ограничивается построением корреляционных и регрессионных моделей, что не позволяет достоверно судить о динамике и направлении причинно-следственных связей, что важно не только для прояснения реального положения дел, но и формулирования стратегий превенции и коррекции, что больше всего интересует практиков и клиницистов. Однако большинство исследователей приходит к консенсусу относительно вывода о первичности раннего интерперсонального стресса и формирования небезопасных внутренних моделей к различным психопатологическим и социально-психологическим проблемам в отдаленном периоде. Сама теоретическая модель подразумевает относительную стабильность внутренних рабочих моделей во времени, но, как было показано на примере семей с приемными детьми, ранее подвергавшимися насилию, консультантам удается существенно улучшить качество привязанности (Raby, Dozier, 2019) путем своевременных интервенций. Для взрослых возможности коррекции не столько самого типа привязанности, сколько его медиаторных факторов менее изучены (Khaleque, Shirin, Uddin, 2013), но существуют данные о том, что динамика личных, дружеских, семейных и терапевтических отношений до известной степени способна повлиять на доминирующую внутреннюю рабочую модель и связанные с ней поведенческие, когнитивные и аффективные особенности (Dugan et al., 2022). Можно резюмировать, что относительная пластичность мозга в областях, связанных с социальным познанием и эмоциональной регуляцией, позволяет до известной степени изменить тип реагирования в ситуациях стресса или дискомфорта. И, предположительно, именно в работе с детьми и отчасти с подростками объединение теории привязанности и практик семейного консультирования может оказаться особенно плодотворным ввиду большей общей рецептивности этого периода и актуальности отношений привязанности. В последнее время мы действительно можем проследить возникновение целого ряда психотерапевтических направлений, основанных на положениях теории привязанности, обращающих особое внимание на динамику безопасности в межличностном взаимодействии и стратегии ее поддержания. Особый интерес для возрастной психологии представляет то, как интервенции, основанные на привязанности, влияют на траекторию психологического развития в сензитивные периоды детства и подросткового возраста. Ниже мы опишем и проанализируем основные положения наиболее изученных направлений семейного консультирования, основанных на теории привязанности:

- основанная на привязанности семейная терапия (Attachment-Based Family Therapy, ABFT);
- многоуровневая семейная терапия (Multidimensional Family Therapy, MDTF);
- информирующая о привязанности терапия для взрослых (Attachment-Informed Therapy for Adults);
- нарративная терапия привязанности (Attachment Narrative Therapy);

Козлов М.Ю. (2026)
 Теория привязанности в контексте
 семейного консультирования: современные
 зарубежные подходы к работе с детско-
 родительскими и супружескими диадами
Социальные науки и детство, 7(1), 62—81.

Kozlov M.Yu. (2026)
 Attachment theory in the context
 of family counseling: contemporary
 international approaches to working
 with parent-child and marital dyads
Social Sciences and Childhood, 7(1), 62—81.

- терапия, основанная на привязанности и сострадании (Attachment-Based Compassion Therapy);
- эмоционально-фокусированная семейная психотерапия (EFFT).

В рамках данного аналитического обзора выдвигается гипотеза о том, что интеграция теории привязанности в протоколы семейного консультирования повышает их эффективность за счет адресной работы с базовыми потребностями в безопасности, автономии и компетентности, что особенно значимо в работе с детско-родительскими диадами. Большинство из перечисленных здесь подходов неизвестны отечественному читателю, и ранее в отечественной и иностранной научной периодике не было представлено обзоров, посвященных направлениям семейного консультирования, объединенных положениями теории привязанности. В настоящем обзоре перечислены современные направления семейного консультирования и указано, как положения теории привязанности встроены в их концептуально-методологические модели. Ниже представлены наиболее изученные подходы семейного консультирования, основанные на положениях теории привязанности (см. рисунок).

Рис. Психотерапевтические подходы, основанные на теории привязанности
Fig. Psychotherapeutic approaches based on attachment theory

Указанные выше направления представлены с перечислением основных мишеней психологических интервенций, по которым существуют научные исследования. В работе будут перечислены и проанализированы основные положения изучаемых направлений семейного консультирования, обсуждены общие положения и механизмы воздействия с точки зрения теории привязанности, сформулированы выводы для практикующих специалистов.

Козлов М.Ю. (2026)
Теория привязанности в контексте
семейного консультирования: современные
зарубежные подходы к работе с детско-
родительскими и супружескими диадами
Социальные науки и детство, 7(1), 62—81.

Kozlov M.Yu. (2026)
Attachment theory in the context
of family counseling: contemporary
international approaches to working
with parent-child and marital dyads
Social Sciences and Childhood, 7(1), 62—81.

Материалы и методы

Дизайн исследования. Аналитический обзор направлен на систематизацию современных данных о применении теории привязанности в практике семейного консультирования. Он выполнен в нарративном формате с элементами систематического поиска, что позволяет интегрировать теоретические положения и эмпирические данные из различных областей психологической науки.

Стратегия поиска источников. Поиск научных публикаций осуществлялся в 2025 году в следующих международных рецензируемых базах данных: PubMed, Scopus, Web of Science, а также в российском индексе научного цитирования (eLibrary) для отбора отечественных исследований. Поисковые запросы формировались на английском и русском языках и включали комбинации ключевых слов: «attachment theory», «family counseling», «attachment-based family therapy», «emotionally focused therapy», «family therapy», «internal working models», а также «теория привязанности», «семейное консультирование», «привязанность», «психотерапия семьи» и др. Временные рамки поиска ограничены периодом с 2000 по 2024 год, что обусловлено интенсивным развитием эмпирических исследований теории привязанности и появлением новых терапевтических протоколов именно в этот период (Granqvist, 2021; Picardi, Giuliani, Gigantesco, 2020).

Критерии включения источников. В обзор включались научные статьи, опубликованные в журналах, индексируемых в Scopus/Web of Science или входящих в eLibrary (для отечественных источников), включая эмпирические исследования, теоретические и методологические работы, метаанализы.

Итоговая выборка составила 60 источников, включая: 43 эмпирических исследования; 8 метаанализов и систематических обзоров; 9 теоретико-методологических работ.

Методы. Синтез данных проводился тематическим методом: источники группировались по типу терапевтического подхода (ABFT, EFFT, нарративная терапия привязанности и др.), после чего внутри каждой группы анализировались общие механизмы терапевтического действия, мишени вмешательства и профиль эффективности. Особое внимание уделялось сопоставлению результатов исследований с положениями теории привязанности (роль внутренней рабочей модели, потребность в безопасности, динамика аффилиативной тревоги).

Результаты обзора исследований

Подходы, ориентированные на коррекцию детско-родительских отношений

В данном обзоре представлены ключевые направления, в которых мы выделяем следующие общие положения, характерные для всех перечисленных подходов. Большая часть направлений нацелена на коррекцию детско-родительских отношений и в меньшей степени — на помощь взрослым индивидам и парам с небезопасными типами привязанности. Что касается первых двух подходов, оба прошли исследования эффективности, отвечающие критериям доказательной психотерапии. Главный фокус основанной на привязанности семейной терапии (ABFT) направлен на восстановление нарушенной привязанности ввиду утраты доверия в детско-родительских отношениях. Главными мишенями для интервенций являются отвержение родителями, критицизм, недостаток родительского тепла. Данные исследований показывают зависимость между изменением родительского поведения,

Козлов М.Ю. (2026)
Теория привязанности в контексте
семейного консультирования: современные
зарубежные подходы к работе с детско-
родительскими и супружескими диадами
Социальные науки и детство, 7(1), 62—81.

Kozlov M.Yu. (2026)
Attachment theory in the context
of family counseling: contemporary
international approaches to working
with parent-child and marital dyads
Social Sciences and Childhood, 7(1), 62—81.

улучшением привязанности со стороны подростков и снижением связанных с небезопасной привязанностью симптомов (тревожность, избегание, депрессивные симптомы (Куфтяк и др., 2021), суицидальная идеация (Козлов, 2023б)). Более предметно — интервенции, направленные на снижение материнского психологического контроля, увеличение автономии матери, приводили к описанным позитивным эффектам. Ключевым механизмом изменений здесь выступает разрыв порочного круга «тревога-контроль»: когда родитель снижает контроль, подросток перестает воспринимать его как угрозу автономии. Это снижает защитную агрессию и открывает возможность для диалога. Теория привязанности в данном случае влияет на практику, задавая вектор работы не с поведением, а с эмоциональной безопасностью диады. Полученный результат сохранялся в катамнезе на протяжении 3-х месяцев после окончания 12-недельного курса семейной психотерапии (Diamond, Russon, Levy, 2016). Несмотря на сложность составления пошаговых руководств при работе с переживаниями привязанности, АВФТ экспериментирует с различными последовательностями интервенций, например, сравнивая эффективность последовательности при работе с подростками: первичные эмоции — демонстрация уязвимости — валидация со стороны терапевта — проявление теплого отношения со стороны родителей. Или во втором случае: акцент на неудовлетворенной потребности в привязанности — самостоятельное совладание с эмоциями — демонстрация родителями готовности поддержать — проявление теплого отношения со стороны родителей (Tsvieli, Lifshitz, Diamond, 2022). Важно отметить, что АВФТ чаще всего применяется при решении проблем детской и подростковой суицидальности, спровоцированной нарушением отношений в первичной семье. В двухлетнем исследовании эффективности АВФТ (в которое вошли 32 подростка с депрессивным расстройством) испытуемые были случайным образом распределены в группу с 12-недельным курсом основанной на привязанности семейной терапии и группу ожидания с минимальным психотерапевтическим контактом. По окончании лечения 81% пациентов, прошедших терапию АВФТ, более не соответствовали критериям диагностики депрессивного эпизода по сравнению с 47% в контрольной группе (Diamond et al., 2002). Однако появляющиеся в последние годы метаанализы РКИ подходов в работе с суицидальным поведением у подростков предостерегают от использования АВФТ как единственного подхода к решению проблемы подростковой суицидальности и не отмечают существенных преимуществ по сравнению с другими видами семейного консультирования (Schulte-Frankenfeld et al., 2024). Более перспективным представляется сочетание семейной психотерапии и когнитивно-поведенческой терапии, показавшее неплохие результаты в работе с тревожными состояниями (не депрессивными/суицидальными) у подростков (Herres et al., 2023). Кроме того, одной из проблем в работе с подростковой депрессией является взаимозависимость депрессивного аффекта и ненадежной привязанности, одно потенцирует другое, причем в обоих направлениях, что было показано в ходе крупного исследования, проведенного на базе стационара для подростков (N = 4786 пациентов). Изучение показателей депрессии и привязанности измерялось на 3 и 5 неделях пребывания в стационаре, продемонстрировало, что снижение депрессии — предиктор повышения безопасной привязанности и наоборот (Diamond et al., 2024). Эти данные подчеркивают важность своевременных интервенций в подростковом возрасте, когда происходит активная перестройка системы привязанности и сепарация от родителей, что создает как риски, так и возможности для коррекции. Недавно был показан положительный эффект при работе с

Козлов М.Ю. (2026)
Теория привязанности в контексте
семейного консультирования: современные
зарубежные подходы к работе с детско-
родительскими и супружескими диадами
Социальные науки и детство, 7(1), 62—81.

Kozlov M.Yu. (2026)
Attachment theory in the context
of family counseling: contemporary
international approaches to working
with parent-child and marital dyads
Social Sciences and Childhood, 7(1), 62—81.

подростками, злоупотребляющими ПАВ, авторы сравнительного анализа различных подходов считают, что многие семейные протоколы преследуют схожие цели и используют схожие методы для уменьшения семейных конфликтов, а именно: содействие регулированию аффекта, создание отношений привязанности и поощрения самостоятельности подростков на основе укрепления семейных отношений (Lewis, 2020). Эти данные подтверждаются недавним исследованием эффективности на выборке детей с интернализирующими расстройствами (тревога/депрессия) в возрасте 3—11 лет в 17 семьях, получивших 16-недельный курс АВФТ (Kho, Lewis, Almeida, 2024).

Многоуровневые и нарративные интервенции в контексте теории привязанности

Многоуровневая семейная терапия (MDTF) преимущественно нацелена на решение проблемы злоупотребления психоактивными веществами и связанных с ними аффективных и поведенческих проблем (Козлов, 2023а). В частности, недавний метаанализ эффективности данного подхода подтвердил результаты почти двух десятков экспериментальных исследований, авторы сообщают, что среди модераторов эффекта отмечается большая выраженность нарушений поведения, таким образом, чем тяжелее случай, тем эффективнее психотерапия, что является достаточно необычным (van der Pol et al., 2017). Слово «многоуровневый» в названии подхода указывает на работу как с семьей, так и с другими микросоциальными группами, прежде всего со сверстниками, представленными в дружеских и учебных коллективах, а также комплексность подхода с учетом: конституциональных, социальных, когнитивных, личностных, интерперсональных, семейных факторов. Одним из важных постулатов подхода является допущение, что изменения — многокомпонентны, полидетерминированы и происходят постадийно. По программе авторов, работа с привязанностью — последний шаг в терапевтической программе, направленный на укрепление семейных связей, прояснение интергенерационных разрывов привязанности и роли сепарации в ухудшении качества привязанности между родителями и подростками (Danzer, 2014; Liddle, 2010). Стоит отметить, что авторы обоих подходов — профессор Гай Даймонд (АВФТ) и профессор Говард Лиддл (MDTF) — являются соавторами многих публикаций по имплементации положений теории привязанности к семейному консультированию. Оба подхода используют разнообразный инвентарь психотерапевтических интервенций, но генеральная, объединяющая идея состоит в приоритетном фокусе внимания на динамике отношений между членами семьи в соответствии с викарным использованием психоактивных веществ как субститута надежной привязанности. Данный вывод подтверждается в уже цитированной выше работе о роли небезопасных стилей в развитии химических видов зависимостей (Козлов, 2023а; Козлов, 2023б).

Третий указанный нами вариант семейной терапии основан на нарративном подходе, он нашел свое применение в лечении нервной анорексии. Авторы подхода считают, что наблюдаемые многими исследователями и клиницистами паттерны избегания, конфликтов, трудностей при обсуждении отношений и чувств являются следствием нарушенной привязанности. Концепция нарративов в данном направлении достаточно близка к концепции «глубинных убеждений» или «когнитивных схем», принятых в когнитивно-поведенческом подходе, более знакомом отечественным специалистам. Основными нарративами, связанными с опытом ненадежной привязанности, авторы направления считают:

Козлов М.Ю. (2026)
Теория привязанности в контексте
семейного консультирования: современные
зарубежные подходы к работе с детско-
родительскими и супружескими диадами
Социальные науки и детство, 7(1), 62—81.

Kozlov M.Yu. (2026)
Attachment theory in the context
of family counseling: contemporary
international approaches to working
with parent-child and marital dyads
Social Sciences and Childhood, 7(1), 62—81.

- восприятие мира как места, где никто не может понять и удовлетворить эмоциональные потребности, опасное пространство, в котором никто не старается помочь и оставляет один на один с проблемами;
- восприятие себя как недостойного любви и заботы, ощущение себя отвратительным, нелюбимым и не смеющим ожидать в направлении себя проявления каких-либо теплых чувств.

Для коррекции нарративов авторы предлагают начать с поиска «безопасного пространства», под которым подразумевается не только организация реального места, но и активная медиация между членами семьи для сохранения принимающей и миролюбивой позиции участников лечебного процесса. Семье предлагается изучить «нарративы», а именно — связанные повествования, основной фабулой которых являются тема привязанности в семье, способы совладания со стрессом, взаимопомощи в ситуациях, требующих поддержки и генерации идей, как ее можно получить, а также создание генограмм (Dallos, Vetere, 2021). Важной вехой также является создание альтернативных сценариев, что достигается с помощью ответов на вопросы «как наша семья выглядит со стороны?», «что изменилось бы, если бы родители имели другой опыт в своем детстве?», «что думают родители о том типе привязанности, который будет у их детей по отношению к собственным внукам?» (Dallos, Vetere, 2014). Автор подхода считает, что сама по себе теория привязанности содержит прямые руководства для психотерапевтической работы с детьми и их родителями, а именно: обучение распознаванию эмоций, расширение знаний об эмоциях и способах их регуляции, объяснение значимости комфорта, безопасности и защиты в отношениях, развитие эмпатического отношения к себе и другим, трансформация представлений о привязанности (Dallos, 2004). Важно отметить, что подобные положения хорошо согласуются с моделями «интерперсональной синхронизации» или «интерперсональной нейробиологии», постулирующей необходимость развития процессов ментализации через рефлексивный диалог (Fonagy, 1999; Siegel, 2020; Schore, 2022). Один из главных способов решения проблем, отличающий нарративный подход от других, — создание и сообщение детям комфортизирующих, непровокативных рассказов, способных изменить деструктивные внутренние модели и модифицировать связанные с ними аффективные и поведенческие нарушения (Maу, 2005). Помимо работы с расстройствами пищевого поведения, эффективность подхода была показана при работе с детьми с выраженным чувством стыда (Laplanche, 2023), жертвами семейного насилия (Infanti-Milne, McKenny, Walton, 2023) и при сопровождении детей с нарушениями интеллектуального развития, правда результаты предъявлены только на анализе одного клинического случая (Hudson, 2023).

Индивидуальные терапевтические подходы для родителей на основе теории привязанности

Что касается следующих двух подходов, ориентированных на работу со взрослыми индивидами и супружескими парами, важно отметить их значение для возрастного развития детей, поскольку стиль привязанности родителей напрямую влияет на формирование внутренней рабочей модели ребенка. Данный подход основан скорее на психообразовательных интервенциях и применении известных психотехник для коррекции стиля привязанности в допустимом диапазоне. На основании значительного количества исследований, посвященных психотерапии и теории привязанности (58 статей), авторы

Козлов М.Ю. (2026)
Теория привязанности в контексте
семейного консультирования: современные
зарубежные подходы к работе с детско-
родительскими и супружескими диадами
Социальные науки и детство, 7(1), 62—81.

Kozlov M.Yu. (2026)
Attachment theory in the context
of family counseling: contemporary
international approaches to working
with parent-child and marital dyads
Social Sciences and Childhood, 7(1), 62—81.

сообщают о 6 ключевых феноменах и процессах, на которые направлен фокус внимания психотерапевта:

1. изменение внутренней рабочей модели;
2. развитие терапевтических отношений и создание безопасной основы для привязанности;
3. обсуждение и формулирование выводов из опыта межличностных отношений;
4. «контрперенос» (в данном случае — реакции специалиста на межличностное взаимодействие);
5. сепарация, прекращение отношений и выстраивание личностных границ;
6. взаимодействие с индивидами, обладающими иными межличностными стилями и паттернами (Berry, Danquah, 2016). В данном случае речь идет о том, что можно назвать генеральным психотерапевтическим подходом, снабженным специфическими, информирующими и кларифицирующими интервенциями о роли привязанности, что можно назвать вспомогательным или аугментирующим дополнением к психотерапевтическому процессу.

Самый молодой из представленных подходов — «терапия, основанная на привязанности и сострадании» — представляет собой объединение двух подходов, а именно — терапии, основанной на сострадании (CFT), и терапии, основанной на привязанности. В работе авторов представлен последовательный протокол работы, который включает в себя психообразование, практики осознанности, имагинативные техники безопасного пространства, диагностику типа привязанности, практики принятия и прощения, разрешение чувства зависти, усиление контакта с ценно-смысловой сферой. Всего программа рассчитана на 8 недель и в своем протоколе гармонично сочетает техники третьей волны когнитивно-поведенческой психотерапии и работу с внутренними рабочими моделями. Авторы считают, что программа может быть полезна в работе со взрослыми, страдающими депрессией, однако данных по эффективности на данный момент представлено не было (García-Camprayo, Navarro-Gil, Demarzo, 2016). Данный подход был включен в аналитический обзор ввиду его направленности на межличностную сферу, проблемы в которой часто становятся причиной развития депрессивных состояний, а также использования самосострадательного отношения, которое часто используется и в других направлениях для коррекции небезопасной внутренней (интроецированной) фигуры привязанности, что используется для коррекции нарушений, возникших в результате ранней, принудительной парентификации детей в семьях с высоким риском развития социальных и медицинских проблем (Crittenden, 2017).

Эмоциональная регуляция как ключевой механизм изменения семейных паттернов

Последним из представленных подходов является EFFT, возникший на стыке эмоционально-фокусированной психотерапии и основанной на привязанности семейной терапии. Центральной задачей данного направления является фокус на эмоциях как главных мишенях психотерапевтических интервенций — кларификации, интерпретации (с позиций теории привязанности), поощрения их выражения на консультациях (Greenman, Johnson, 2022; Woolley, Koren, 2025). Происхождение негативных эмоций и семейного дистресса авторы связывают с «заблокированностью» чувств привязанности в силу формирования «негативных циклов взаимодействия», обусловленных индивидуально-психологическими причинами участников семейного конфликта (ранняя травма отношений, дефицит социально-

Козлов М.Ю. (2026)
Теория привязанности в контексте
семейного консультирования: современные
зарубежные подходы к работе с детско-
родительскими и супружескими диадами
Социальные науки и детство, 7(1), 62—81.

Kozlov M.Yu. (2026)
Attachment theory in the context
of family counseling: contemporary
international approaches to working
with parent-child and marital dyads
Social Sciences and Childhood, 7(1), 62—81.

коммуникативных навыков, дисфункциональные копинг-стратегии в ответ на возникновение аффилиативной тревоги) (Greenman, Johnson, 2022). Метаанализ РКИ показывает высокую эффективность EFFT в работе с семейными парами, в которых партнеры демонстрируют симптомы депрессии, посттравматического стресса, сексуальной неудовлетворенности. По данным авторов метаанализа, более 70% участников после прохождения курса лечения больше не соответствовали диагностическим критериям перечисленных расстройств (Spengler et al., 2024). Кроме улучшения ментального здоровья и общего уровня функционирования семьи, EFFT демонстрирует положительный эффект на такие параметры психологического благополучия пары, как решение личностных проблем, разрешение конфликтов, качество сексуальных отношений, более позитивный взгляд на брак и детей, а также повышение общего показателя удовлетворенности браком и демонстрации положительных чувств по отношению к супругу (Asadi et al., 2020). Большой акцент на эмоциональных переживаниях показывает ожидаемое улучшение в доменах, связанных с социально-эмоциональным познанием обоих супругов, и способности к более эффективному интеллектуально-волевому контролю над эмоциями, а также в уровне оптимизма и улучшении коммуникативных навыков (Momeni, Ramezani, Mardpour, 2020). В сравнительном анализе двух подходов «парной терапии Готтмана» и EFFT было показано улучшение показателей четырех компонентов регуляции эмоций: неприятия негативных эмоций, трудностей с целенаправленным поведением, контролем импульсивного поведения и дефицита эмоциональной осознанности (Saemi, Besharat, Asgharnezhad, 2020). Кроме того, эффективность EFFT показана в работе с экстернализирующими (нарушения поведения) и интернализирующими (тревно-депрессивные состояния) расстройствами у детей, также по данным метаанализа. Эффективность EFFT выше, чем у группы контроля (лист ожидания), но сопоставима по сравнению с другими подходами (Jugovac et al., 2022).

В данном случае эмоциональные переживания оказываются *via regia*¹ к специфическим, взаимно неудовлетворительным паттернам взаимодействия, как правило, основанным на небезопасных внутренних репрезентациях друг друга. Анализ эмоциональных реакций и их выражение в безопасном контексте способны оказать корригирующее воздействие и сформировать более экологичное взаимодействие между супругами (Diamond, Diamond, Levy, 2021). Таким образом, «эмоциональная фокусированность» позволяет преодолевать склонность к рационализирующему, интеллектуально-когнитивному модусу взаимодействия у индивидов с избегающим стилем привязанности и склонность к экстремальной, дисрегулируемой коммуникации у индивидов с тревожным стилем, обращая внимание на первичное реагирование в виде аффилиативной тревоги и актуализации небезопасных внутренних рабочих моделей привязанности.

Обсуждение

Представленный анализ вносит вклад в возрастную психологию, демонстрируя механизмы влияния семейного контекста на развитие личности в детском, подростковом и взрослом возрасте. Проведенный анализ 60 источников подтвердил выдвинутую гипотезу о том, что интеграция положений теории привязанности в семейное консультирование способствует

¹ Царская дорога (лат).

Козлов М.Ю. (2026)
Теория привязанности в контексте
семейного консультирования: современные
зарубежные подходы к работе с детско-
родительскими и супружескими диадами
Социальные науки и детство, 7(1), 62—81.

Kozlov M.Yu. (2026)
Attachment theory in the context
of family counseling: contemporary
international approaches to working
with parent-child and marital dyads
Social Sciences and Childhood, 7(1), 62—81.

повышению эффективности интервенций при работе с диадическими проблемами. Исследования последних лет убедительно показывают роль стилей привязанности в развитии социально-эмоциональных когний как некоторого «организующего ядра» (Sroufe, 2005), которое в дальнейшем интегрируется с последующим опытом. При столкновении с ранней детской психотравмой это «ядро» (тип привязанности) становится генеральным, неспецифическим фактором уязвимости к развитию широкого спектра аффективной, поведенческой, личностной и иной психопатологии (Herstell et al., 2021). При такой постановке проблемы закономерно, что интервенции, направленные на улучшение способов совладания с аффилиативной тревогой, прямой коммуникации о неудовлетворенной потребности в привязанности и мобилизации сети социальной поддержки (прежде всего в лице первичных опекунов, романтических партнеров), являются ключевым элементом перечисленных психотерапевтических подходов. Каждый подход по-своему использует широкий инструментарий психотерапии, различные формы обучения и поддержки, которые используются в эмоционально-фокусированной, когнитивно-поведенческой или основанной на сострадании психотерапии, но каждый из них находится в теоретической рамке: отношения привязанности — причина, мишень и результат решения тех актуальных проблем, которые привели семью или пару на прием к консультанту. У многих из перечисленных подходов уже имеется убедительная доказательная база и первые метаанализы эффективности, что позволяет ожидать, что новая теоретическая рамка позволит улучшить качество психотерапевтической практики. На процесс психотерапии по-прежнему оказывает значительное влияние множество внетерапевтических и медиаторных факторов (Carey et al., 2020), порой существенно снижая прогностические индексы эффективности даже самой лучшей психотерапии. Но нельзя не приветствовать процесс конвергенции теории привязанности и психотерапевтической практики, что позволит стать семейной психотерапии по-настоящему научно обоснованным методом.

Последние десятилетия показали несколько успешных попыток синтеза теории привязанности и семейной психотерапии. От неспецифического фактора, влияющего как на развитие патологии, так и на успешность психотерапии, внутренние рабочие модели и динамика привязанности стали главной мишенью, на которую направляются исследовательское внимание и терапевтические усилия. К сожалению, остается довольно много методологических проблем, связанных с ретроспективным характером исследований привязанности, определением направления причинно-следственных связей, влиянием генетических факторов и многих других трудностей, характерных не только для темы нашего обзора, но и для большинства такого рода исследований развития личности на протяжении жизненного пути. На данный момент все еще нет достаточного количества данных, убедительно свидетельствующих об эффективности всех представленных направлений. Однако сама идея опоры на большую психологическую теорию (привязанности) может дать полезный ориентир для работы с детско-родительскими и семейно-супружескими межличностными проблемами и связанными с ними нарушениями психического здоровья. Вероятно, в ближайшее время стоит ожидать постепенное проникновение подходов, основанных на привязанности, что подтверждается анализом публикаций. Если раньше на российском книжном рынке были представлены только работы основателей теории, прежде всего Джона Боулби, и отдельных научно-популярных изданий, то сейчас переводятся

Козлов М.Ю. (2026)
Теория привязанности в контексте
семейного консультирования: современные
зарубежные подходы к работе с детско-
родительскими и супружескими диадами
Социальные науки и детство, 7(1), 62—81.

Kozlov M.Yu. (2026)
Attachment theory in the context
of family counseling: contemporary
international approaches to working
with parent-child and marital dyads
Social Sciences and Childhood, 7(1), 62—81.

современные терапевтические руководства, основанные на привязанности психотерапевтических направлений. В России теория привязанности в приложении к семейной психотерапии еще не привлекла достаточного внимания исследователей, а подходы иностранных коллег пока только берутся на вооружение, вероятно, что движение теории и практики навстречу друг другу в этой сфере ускорится.

Выводы

Теория привязанности значительно повлияла на многие психотерапевтические подходы и стала основанием для некоторых новых, что особенно значимо для возрастной психологии, так как затрагивает критические периоды онтогенеза. Представленные в обзоре современные направления семейного консультирования объединяются не только под некоторым теоретическим «зонтиком» (см. рисунок), но и благодаря интервенциям, нацеленным на кларификацию и изменение паттернов поведения привязанности. Большинство из представленных направлений ориентированы на работу с семьями детей и подростков, страдающих различными психическими нарушениями, что не удивительно ввиду распространенности данной проблематики, но также затрагивают и взаимодействие в супружеских диадах. По данным Американского агентства по защите детей, почти каждый второй подросток (42,7%) имеет те или иные проблемы в сфере ментального здоровья: злоупотребление ПАВ, тревога, депрессия и т. д. (Heneghan et al., 2013). А отечественные исследователи отмечают, что до 70% пограничных психических расстройств адекватно не диагностируются и можно вести речь о «тихой эпидемии» тревожно-депрессивных нарушений в среде подростков (Чичерин, Щепин, Загоруйченко, 2024). В связи с этим использование подходов, опирающихся на валидную научную теорию и убедительные исследования эффективности, — необходимое условие для профилактики, превенции и коррекции подростковых нервно-психических заболеваний. Как было показано в разделе «Результаты», наиболее надежная доказательная база сформирована для EFFT и ABFT: метаанализы РКИ подтверждают снижение симптомов депрессии на 40—70% (Spengler et al., 2024; Diamond et al., 2002). При этом нарративные подходы, несмотря на теоретическую привлекательность, пока представлены преимущественно кейс-стади, что ограничивает возможность обобщения.

Резюмируя, семейные интервенции в детско-подростковом периоде имеют большое значение для психологического благополучия и ментального здоровья, что особенно актуально в свете вышеизложенных эпидемиологических данных. Данное положение верно как для непосредственного вмешательства на ранних этапах, так и для дальнейших онтогенетических стадий, а поддержание семейного гомеостаза является главным объектом внимания семейных консультантов как в сфере детско-родительского, так и семейно-супружеского консультирования. Основой такого гомеостаза вполне корректно считать надежные отношения привязанности, развивающие способности к рефлексивной ментализации, эмоциональной саморегуляции, навыкам восстановления отношений и формированию связанного нарратива, т. е. способности интегрировать свой опыт: осознание различных эпизодов автобиографической памяти и ассоциированных с ней аспектов идентичности (Siegel, 2001). Именно этим навыкам, важным с точки зрения социально-эмоционального познания и стоящих за ним интерперсональных нейробиологических процессов, обучают такие подходы, как ABFT, MDTF, EFFT и нарративная терапия

Козлов М.Ю. (2026)
Теория привязанности в контексте
семейного консультирования: современные
зарубежные подходы к работе с детско-
родительскими и супружескими диадами
Социальные науки и детство, 7(1), 62—81.

Kozlov M.Yu. (2026)
Attachment theory in the context
of family counseling: contemporary
international approaches to working
with parent-child and marital dyads
Social Sciences and Childhood, 7(1), 62—81.

привязанности (Miller, Johnson, 2025). Иные подходы (информирующая о привязанности терапия для взрослых и терапия, основанная на привязанности и сострадании) делают акцент скорее на семейно-супружеских и индивидуально-личностных проблемах. Небезопасные внутренние модели привязанности формируют систему, уязвимую к воздействию ключевых, интерперсональных стрессоров, и способствуют развитию ментальных расстройств во взрослом возрасте (Mikulincer, Shaver, Pereg, 2003). Таким образом, положения теории привязанности показывают свою утилитарность в работе с самыми различными клиническими и психологическими проблемами на различных уровнях организации (семьи, пары, отдельные индивиды), а знакомство с ними отечественных специалистов может способствовать улучшению оказания психолого-психотерапевтической помощи.

Исходя из вышеизложенного, практикующим специалистам полезно обращать внимание на:

- внутренние рабочие модели участников психотерапевтического процесса;
- динамику взаимоотношений в контексте регуляции аффилиативной тревоги, особенно в кризисные периоды;
- устойчивые паттерны или «циклы» взаимодействия, сопровождая их ориентированной на привязанность интерпретацией;
- системы межличностных убеждений, основанных на небезопасном раннем опыте взаимоотношений, и кларифицировать их влияние на актуальные трудности во взаимодействии с близкими;
- поощрение членов семьи/пары к удовлетворению базовой потребности в безопасности с учетом различных актуальных потребностей (сепарация или поиск близости).

Ограничения. Основными ограничениями нашей статьи являются субъективный выбор и ограниченный охват литературных источников, лимитированный объемами, принятыми в подобных исследованиях. В связи с чем выбирались наиболее релевантные работы, как правило, наиболее цитируемые и крупные статьи авторов изучаемых подходов. Следует отметить, что нарративный формат обзора, в отличие от строго систематического, не гарантирует исчерпывающего охвата всей релевантной литературы. Кроме того, включение преимущественно англоязычных источников может ограничивать репрезентативность выводов для западных культурных контекстов. Тем не менее строгая процедура поиска и отбора, а также фокус на исследованиях с высокой методологической строгостью позволяют считать полученные результаты достоверными и релевантными для формулирования практических рекомендаций.

Limitations. The main limitations of our article are the subjective selection and limited scope of the literature sources, which is limited by the volumes accepted in such studies. Therefore, the most relevant works were selected, which are usually the most cited and large articles by the authors of the approaches studied. It should be noted that the narrative format of the review, unlike a strictly systematic one, does not guarantee an exhaustive coverage of all relevant literature. Additionally, the inclusion of predominantly English-language sources may limit the representativeness of the findings for non-Western cultural contexts. Nevertheless, the strict search and selection procedure, as well as the focus on research with high methodological rigor, allow us to consider the results obtained to be reliable and relevant for formulating practical recommendations.

Козлов М.Ю. (2026)
Теория привязанности в контексте
семейного консультирования: современные
зарубежные подходы к работе с детско-
родительскими и супружескими диадами
Социальные науки и детство, 7(1), 62—81.

Kozlov M.Yu. (2026)
Attachment theory in the context
of family counseling: contemporary
international approaches to working
with parent-child and marital dyads
Social Sciences and Childhood, 7(1), 62—81.

Список источников / References

1. Авдеева, Н.Н. (2017). Теория привязанности: современные исследования и перспективы. *Современная зарубежная психология*, 6(2), 7—14.
Avdeeva, N.N. (2017). Child-Parent Relationship Therapy: Child-Parent Interaction Therapy of Sheila Eyberg (on foreign sources). *Journal of Modern Foreign Psychology*, 6(2), 7—14. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2017060201>
2. Козлов, М.Ю. (2023а). Влияние небезопасных типов привязанности на развитие химических видов зависимостей. *Вопросы наркологии*, 35(4), 93—103. URL: <https://www.elibrary.ru/bxuerс> (дата обращения: 12.01.2026).
Kozlov, M.Yu. (2023a). Influence of unsafe types of attachment on the development of chemical dependencies. *Journal of Addiction Problems*, 35(4), 93—103. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/bxuerс> (viewed: 12.01.2026).
3. Козлов, М.Ю. (2023б). Что говорит теория привязанности о суицидальном поведении? Краткий обзор современных исследований. *Суицидология*, 14(3), 96—106. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-03\(52\)-96-106](https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-03(52)-96-106)
Kozlov, M.Yu. (2023b). What does attachment theory say about suicidal behavior? Brief overview of modern research. *Suicidology*, 14(3), 96—106. (In Russ.). [https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-03\(52\)-96-106](https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-03(52)-96-106)
4. Куфтяк, Е.В., Слюсарев, А.С., Козлов, М.Ю., Иваницкая, Е.Д. (2021). Небезопасная привязанность и депрессия у взрослых. *Психологический журнал*, 42(5), 17—23. <https://doi.org/10.31857/S020595920016042-2>
Kuftyak, E.V., Slyusarev, A.S., Kozlov, M.Yu., Ivanitskaya, E.D. (2021). Insecure attachment and depression in adults. *Psychological Journal*, 42(5), 17—23. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S020595920016042-2>
5. Чичерин, Л.П., Щепин, В.О., Загоруйченко, А.А. (2024). Тенденции психического здоровья детей и подростков России. *Здравоохранение Российской Федерации*, 68(2), 123—130. <https://doi.org/10.47470/0044-197X-2024-68-2-123-130>
Chicherin, L.P., Shchepin, V.O., Zagoruichenko, A.A. (2024). Trends in the mental health in children and adolescents in Russia. *Health Care of the Russian Federation*, 68(2), 123—130. (In Russ.). <https://doi.org/10.47470/0044-197X-2024-68-2-123-130>
6. Alansari, M., Worrell, F.C., Webber, M. (2013). Adolescent time attitude scale (ATAS) scores and academic outcomes in secondary school females in New Zealand. *International Journal of Quantitative Research in Education*, 1(3), 251—274. <https://doi.org/10.1504/IJQRE.2013.057687>
7. Asadi, M., Ghasemzadeh, N., Nazarifar, M., Sarvandani, M.N. (2020). The effectiveness of emotion-focused couple therapy on marital satisfaction and positive feelings towards the spouse. *International Journal of Health Studies*, 6(4), 36—40. <https://doi.org/10.22100/ijhs.v6i4.804>
8. Barbaro, N., Boutwell, B.B., Barnes, J.C., Shackelford, T.K. (2017). Rethinking the transmission gap: What behavioral genetics and evolutionary psychology mean for attachment theory: A comment on Verhage et al. (2016). *Psychological Bulletin*, 143(1), 107—113. <https://doi.org/10.1037/bul0000066>

Козлов М.Ю. (2026)
Теория привязанности в контексте
семейного консультирования: современные
зарубежные подходы к работе с детско-
родительскими и супружескими диадами
Социальные науки и детство, 7(1), 62—81.

Kozlov M.Yu. (2026)
Attachment theory in the context
of family counseling: contemporary
international approaches to working
with parent-child and marital dyads
Social Sciences and Childhood, 7(1), 62—81.

9. Berry, K., Danquah, A. (2016). Attachment-informed therapy for adults: Towards a unifying perspective on practice. *Psychology and Psychotherapy: Theory, Research and Practice*, 89(1), 15—32. <https://doi.org/10.1111/papt.12063>
10. Berry, K., Danquah, A. (2020). Attachment theory, the therapeutic Alliance, and treatment engagement. In: A. Hadler, S. Sutton, L. Osterberg (Eds.), *The Wiley Handbook of Healthcare Treatment Engagement* (pp. 159—171). Wiley-Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781119129530.ch8>
11. Carey, T.A., Griffiths, R., Dixon, J.E., Hines, S. (2020). Identifying functional mechanisms in psychotherapy: A scoping systematic review. *Frontiers in Psychiatry*, 11, Article 291. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2020.00291>
12. Crittenden, P.M. (2017). *Raising Parents: Attachment, Representation, and Treatment*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315726069>
13. Dallos, R. (2004). Attachment narrative therapy: integrating ideas from narrative and attachment theory in systemic family therapy with eating disorders. *Journal of Family Therapy*, 26(1), 40—65. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6427.2004.00266.x>
14. Dallos, R., Vetere, A. (2014). Systemic therapy and attachment narratives: Attachment Narrative Therapy. *Clinical Child Psychology and Psychiatry*, 19(4), 494—502. <https://doi.org/10.1177/1359104514550556>
15. Dallos, R., Vetere, A. (2021). *Systemic therapy and attachment narratives: Applications in a range of clinical settings*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003080152>
16. Danzer, G. (2014). Multidimensional family therapy in theory and in practice. *Child & Youth Services*, 35(1), 16—34. <https://doi.org/10.1080/0145935X.2014.893742>
17. Diamond, G., Diamond, G.M., Levy, S. (2021). Attachment-based family therapy: Theory, clinical model, outcomes, and process research. *Journal of Affective Disorders*, 294, 286—295. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2021.07.005>
18. Diamond, G., Rivers, A.S., Winston-Lindeboom, P., Russon, J., Roeske, M. (2024). Evaluating attachment-based family therapy in residential treatment in the United States: does adolescents' increased attachment security to caregivers lead to decreases in depressive symptoms? *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*, 18(1), Article 147. <https://doi.org/10.1186/s13034-024-00833-w>
19. Diamond, G., Russon, J., Levy, S. (2016). Attachment-based family therapy: A review of the empirical support. *Family Process*, 55(3), 595—610. <https://doi.org/10.1111/famp.12241>
20. Diamond, G.S., Reis, B.F., Diamond, G.M., Siqueland, L., Isaacs, L. (2002). Attachment-based family therapy for depressed adolescents: A treatment development study. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*, 41(10), 1190—1196. <https://doi.org/10.1097/00004583-200210000-00008>
21. Dugan, K.A., Fraley, R.C., Gillath, O., Deboeck, P.R. (2022). Changes in global and relationship-specific attachment working models. *Journal of Social and Personal Relationships*, 39(10), 3015—3043. <https://doi.org/10.1177/02654075211051408>
22. Erkoreka, L., Zumarraga, M., Arrue, A., Zamalloa, M.I., Arnaiz, A., Olivas, Basterreche, N. (2021). Genetics of adult attachment: An updated review of the literature. *World Journal of Psychiatry*, 11(9), 530—542. <https://doi.org/10.5498/wjpv.11.i9.530>

Козлов М.Ю. (2026)
Теория привязанности в контексте
семейного консультирования: современные
зарубежные подходы к работе с детско-
родительскими и супружескими диадами
Социальные науки и детство, 7(1), 62—81.

Kozlov M.Yu. (2026)
Attachment theory in the context
of family counseling: contemporary
international approaches to working
with parent-child and marital dyads
Social Sciences and Childhood, 7(1), 62—81.

23. Fonagy, P. (1999). Attachment, the Development of the Self, and Its Pathology in Personality Disorders. In: Derksen, J., Maffei, C., Groen, H. (eds.), (pp. 53—68). *Treatment of Personality Disorders*. Springer, Boston, MA. https://doi.org/10.1007/978-1-4757-6876-3_5
24. García-Campayo, J., Navarro-Gil, M., Demarzo, M. (2016). Attachment-based compassion therapy. *Mindfulness & Compassion*, 1(2), 68—74. <https://doi.org/10.1016/j.mincom.2016.10.004>
25. Granqvist, P. (2021). Attachment, culture, and gene-culture co-evolution: expanding the evolutionary toolbox of attachment theory. *Attachment & Human Development*, 23(1), 90—113. <https://doi.org/10.1080/14616734.2019.1709086>
26. Greenman, P.S., Johnson, S.M. (2022). Emotionally focused therapy: Attachment, connection, and health. *Current Opinion in Psychology*, 43, 146—150. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2021.06.015>
27. Heneghan, A., Stein, R.E., Hurlburt, M.S., Zhang, J., Rolls-Reutz, J., Fisher, E., Horwitz, S.M. (2013). Mental health problems in teens investigated by US child welfare agencies. *Journal of Adolescent Health*, 52(5), 634—640. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2012.10.269>
28. Herres, J., Krauthamer Ewing, E.S., Levy, S., Creed, T.A., Diamond, G.S. (2023). Combining attachment-based family therapy and cognitive behavioral therapy to improve outcomes for adolescents with anxiety. *Frontiers in Psychiatry*, 14, Article 1096291. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2023.1096291>
29. Herstell, S., Betz, L.T., Penzel, N., Chechelnizki, R., Filihagh, L., Antonucci, L., Kambeitz, J. (2021). Insecure attachment as a transdiagnostic risk factor for major psychiatric conditions: A meta-analysis in bipolar disorder, depression and schizophrenia spectrum disorder. *Journal of Psychiatric Research*, 144, 190—201. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2021.10.002>
30. Hudson, M. (2023). Supporting parents of children with an intellectual disability using attachment narrative therapy. In: R. Dallos (Ed.), *Attachment Narrative Therapy: Applications and Developments* (pp. 65—94). Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-031-12745-8_3
31. Infanti-Milne, R., McKenny, R., Walton, L. (2023). Taking an insider position to working with family conflict, violence and domestic abuse: contributions from Attachment Narrative Therapy. In: R. Dallos (Ed.), *Attachment Narrative Therapy: Applications and Developments* (pp. 95—120). Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-031-12745-8_4
32. Jugovac, S., O’Kearney, R., Hawes, D.J., Pasalich, D.S. (2022). Attachment-and emotion-focused parenting interventions for child and adolescent externalizing and internalizing behaviors: A meta-analysis. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 25(4), 754—773. <https://doi.org/10.1007/s10567-022-00401-8>
33. Kerns, K.A., Brumariu, L.E. (2014). Is insecure parent–child attachment a risk factor for the development of anxiety in childhood or adolescence? *Child Development Perspectives*, 8(1), 12—17. <https://doi.org/10.1111/cdep.12054>
34. Khaleque, A., Shirin, A., Uddin, M.K. (2013). Attachment Relationships and Psychological Adjustment of Married Adults. *Social Indicators Research*, 110, 237—244. <https://doi.org/10.1007/s11205-011-9926-2>
35. Kho, K.L., Lewis, A.J., Almeida, R.A. (2024). An Attachment-Based Family Therapy for Anxiety and Depression in Children: A Mixed-Methods Evaluation of BEST-Foundations. *Children*, 11(12), Article 1552. <https://doi.org/10.3390/children11121552>

Козлов М.Ю. (2026)
Теория привязанности в контексте
семейного консультирования: современные
зарубежные подходы к работе с детско-
родительскими и супружескими диадами
Социальные науки и детство, 7(1), 62—81.

Kozlov M.Yu. (2026)
Attachment theory in the context
of family counseling: contemporary
international approaches to working
with parent-child and marital dyads
Social Sciences and Childhood, 7(1), 62—81.

36. Laplanche, M. (2023). Towards a Secure Exploration of Attachment and Shame Using Attachment Narrative Therapy. In: R. Dallos (Ed.), *Attachment Narrative Therapy: Applications and Developments* (pp. 33—63). Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-031-12745-8_2
37. Levy, K.N., Johnson, B.N., Clouthier, T.L., Scala, J., Temes, C.M. (2015). An attachment theoretical framework for personality disorders. *Canadian Psychology/Psychologie Canadienne*, 56(2), 197—207. <https://doi.org/10.1037/cap0000025>
38. Lewis, A.J. (2020). Attachment-based family therapy for adolescent substance use: A move to the level of systems. *Frontiers in Psychiatry*, 10, Article 948. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2019.00948>
39. Liddle, H.A. (2010). Multidimensional family therapy: A science-based treatment system. *Australian and New Zealand Journal of Family Therapy*, 31(2), 133—148. <https://doi.org/10.1375/anft.31.2.133>
40. May, J.C. (2005). Family attachment narrative therapy: Healing the experience of early childhood maltreatment. *Journal of Marital and Family Therapy*, 31(3), 221—237. <https://doi.org/10.1111/j.1752-0606.2005.tb01565.x>
41. Meyer, B., Pilkonis, P.A. (2005). An attachment model of personality disorders. In: M.F. Lenzenweger, J.F. Clarkin (Eds.), *Major Theories of Personality Disorder* (2nd ed) (pp. 231—281). New York, NY: Guilford Press.
42. Mikulincer, M., Shaver, P.R., Pereg, D. (2003). Attachment Theory and Affect Regulation: The Dynamics, Development, and Cognitive Consequences of Attachment-Related Strategies. *Motivation and Emotion*, 27(2), 77—102. <https://doi.org/10.1023/a:1024515519160>
43. Miller, R.B., Johnson, L.N. (Eds.). (2025). *Advanced Methods in Family Therapy Research* (2nd ed.). New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003331827>
44. Momeni, A., Ramezani, K., Mardpour, A. (2020). Effectiveness of Emotion-Focused Couple Therapy on Improving Optimism and Communication Patterns of Couples Working at State Offices of the Ramhormoz County, Iran. *Journal of Occupational Health and Epidemiology*, 9(4), 231—238. <https://doi.org/10.52547/johe.9.4.231>
45. Picardi, A., Giuliani, E., Gigantesco, A. (2020). Genes and environment in attachment. *Neuroscience Biobehavioral Reviews*, 112, 254—269. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2020.01.038>
46. Raby, K.L., Dozier, M. (2019). Attachment across the lifespan: Insights from adoptive families. *Current Opinion in Psychology*, 25, 81—85. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2018.03.011>
47. Saemi, H., Besharat, M.A., Asgharnejhad farid, A. (2020). Comparison of the effectiveness of Gottman couple therapy and emotionally focused couples therapy on emotion regulation in couples. *Research in Clinical Psychology and Counseling*, 10(1), 87—104. <https://doi.org/10.22067/tpccp.2020.39366>
48. Scharfe, E. (2007). Cause or consequence? Exploring causal links between attachment and depression. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 26(9), 1048—1064. <https://doi.org/10.1521/jscp.2007.26.9.1048>
49. Schore, A. (2022). Right brain-to-right brain psychotherapy: recent scientific and clinical advances. *Annals of General Psychiatry*, 21(1), Article 46. <https://doi.org/10.1186/s12991-022-00420-3>

Козлов М.Ю. (2026)
Теория привязанности в контексте
семейного консультирования: современные
зарубежные подходы к работе с детско-
родительскими и супружескими диадами
Социальные науки и детство, 7(1), 62—81.

Kozlov M.Yu. (2026)
Attachment theory in the context
of family counseling: contemporary
international approaches to working
with parent-child and marital dyads
Social Sciences and Childhood, 7(1), 62—81.

50. Schulte-Frankenfeld, P.M., Breedvelt, J.J., Brouwer, M.E., van der Spek, N., Bosmans, G., Bockting, C.L. (2024). Effectiveness of attachment-based family therapy for suicidal adolescents and young adults: A systematic review and meta-analysis. *Clinical Psychology in Europe*, 6(4), Article e13717. <https://doi.org/10.32872/cpe.13717>
51. Siegel, D.J. (2001). Toward an interpersonal neurobiology of the developing mind: Attachment relationships, mindsight and neural integration. *Infant Mental Health Journal*, 22(1-2), 67—94. [https://doi:10.1002/1097-0355\(200101/04\)22:1<67::aid-imhj3>3.0.co;2-g](https://doi:10.1002/1097-0355(200101/04)22:1<67::aid-imhj3>3.0.co;2-g)
52. Siegel, D.J. (2020). *The Developing Mind: How Relationships and the Brain Interact to Shape Who We Are* (3rd ed.). New York: Guilford Press.
53. Spengler, P.M., Lee, N.A., Wiebe, S.A., Wittenborn, A.K. (2024). A comprehensive meta-analysis on the efficacy of emotionally focused couple therapy. *Couple and Family Psychology: Research and Practice*, 13(2), 81—99. <https://doi.org/10.1037/cfp0000233>
54. Woolley, S.R., Koren, R. (2025). Using the Woolley Motivation Typology to Heal Infidelity with Emotionally Focused Therapy. *European Journal of Mental Health*, 20, Article e0035. <https://doi.org/10.5708/EJMH.20.2025.0035>
55. Spruit, A., Goos, L., Weenink, N., Rodenburg, R., Niemeyer, H., Stams, G.J., Colonnese, C. (2020). The relation between attachment and depression in children and adolescents: A multilevel meta-analysis. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 23(1), 54—69. <https://doi.org/10.1007/s10567-019-00299-9>
56. Sroufe, L.A. (2005). Attachment and development: A prospective, longitudinal study from birth to adulthood. *Attachment & Human Development*, 7(4), 349—367. <https://doi.org/10.1080/14616730500365928>
57. Strathearn, L., Mertens, C.E., Mayes, L., Rutherford, H., Rajhans, P., Xu, G. Kim, S. (2019). Pathways relating the neurobiology of attachment to drug addiction. *Frontiers in Psychiatry*, 10, Article 737. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2019.00737>
58. Tsvieli, N., Lifshitz, C., Diamond, G.M. (2022). Corrective attachment episodes in attachment-based family therapy: The power of enactment. *Psychotherapy Research*, 32(2), 209—222. <https://doi.org/10.1080/10503307.2021.1913295>
59. van der Pol, T.M., Hoeve, M., Noom, M.J., Stams, G.J.J., Doreleijers, T.A., van Domburgh, L., Vermeiren, R.R. (2017). Research Review: The effectiveness of multidimensional family therapy in treating adolescents with multiple behavior problems—a meta-analysis. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 58(5), 532—545. <https://doi.org/10.1111/jcpp.12685>
60. Vrtička, P., Vuilleumier, P. (2012). Neuroscience of human social interactions and adult attachment style. *Frontiers in Human Neuroscience*, 6, Article 212. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2012.00212>
61. Wallin, D.J. (2007). *Attachment in psychotherapy*. New York, London: Guilford Press.

Информация об авторах

Михаил Юрьевич Козлов, медицинский психолог отделения медико-психологической помощи, Психиатрическая клиническая больница № 4 им. П.Б. Ганнушкина Департамента здравоохранения города Москвы (ГБУЗ города Москвы «ПКБ № 4 ДЗМ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3957-1535>, e-mail: 420i33@mail.ru

Козлов М.Ю. (2026)
Теория привязанности в контексте
семейного консультирования: современные
зарубежные подходы к работе с детско-
родительскими и супружескими диадами
Социальные науки и детство, 7(1), 62—81.

Kozlov M.Yu. (2026)
Attachment theory in the context
of family counseling: contemporary
international approaches to working
with parent-child and marital dyads
Social Sciences and Childhood, 7(1), 62—81.

Information about the authors

Mikhail Yu. Kozlov, Medical Psychologist of the Department of Medical and Psychological Assistance, Psychiatric Clinical Hospital No. 4 named after P.B. Gannushkin of the Moscow City Department of Health, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3957-1535>, e-mail: 42Oi33@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 09.02.2026
Поступила после рецензирования 23.03.2026
Принята к публикации 24.03.2026
Опубликована 31.03.2026

Received 2026.02.09
Revised 2026.03.23
Accepted 2026.03.24
Published 2026.03.31

Социальные науки и детство

Издательство ФГБОУ ВО МГППУ

Редакция:

127051, Россия, Москва, ул. Сретенка, д. 29. Офис 209
Тел. (495) 632-99-75; факс (495) 632-92-52

Редакционно-издательский отдел:

123290, Россия, Москва. Шелепихинская набережная., д. 2а
Офис 409. Тел. (499) 244-07-06 доб. 223

Редактор, корректор — Буторина А.А.
Компьютерная верстка — Каганер А.Г.
Секретарь — Колесникова У.В.

Social Sciences and Childhood

Publishing House MSUPE

Editor Office: Sretenka str., 29, Moscow, Russia, 127051, Off. 209
Printing Office: Shelepikhinskaya emb., 2A, Moscow, Russia, 123290 Off. 409

Editor and proofreader — Butorina A.
DTP — Kaganer A.
Executive secretary — Kolesnikova U.